

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ

«НАСЛЕДИЕ»

НАСЛЕДИЕ: КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, КОММУНИКАЦИЯ

2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ»

НАСЛЕДИЕ: КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, КОММУНИКАЦИЯ

IV Международный научный форум «Наследие»
(Новосибирск, 18 сентября – 18 ноября 2023 г.)

Сборник научных статей

Новосибирск
2023

УДК 94(5)+785
ББК 63.3+85.31
Н31

Рекомендован к печати ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Редколлегия:

д-р ист. наук, проф. А. С. Зуев (*отв. ред.*),
канд. филол. наук Д. В. Ильина (*отв. секр.*),
канд. филол. наук, доцент Н. Ю. Бартош,
д-р ист. наук, доцент Е. Э. Войтишек,
канд. ист. наук Т. И. Морозова,
ст. преп. А. А. Речкалова,
канд. ист. наук, доцент Н. Б. Симонова

Рецензенты:

д-р искусствоведения М. Н. Дрожжина,
д-р ист. наук, д-р культурологии Г. Г. Пиков

Н31 Наследие: культура, история, коммуникация: IV Международный научный форум «Наследие» (Новосибирск, 18 сентября – 18 ноября 2023 г.): Сборник научных статей / отв. ред. А. С. Зуев, отв. секр. Д. В. Ильина [и др.]; М-во науки и высшего образования РФ, НГУ, ГИ, НОЦ «Наследие». – Новосибирск: СО РАН, 2023. – 210 с.
ISBN 978-5-6049863-7-0

Сборник включает в себя избранные научные статьи, подготовленные по результатам IV Международного научного форума «Наследие», состоявшегося в Новосибирске 18 сентября – 18 ноября 2023 г. Форум проводится Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета с целью актуализации историко-культурного наследия России и популяризации достижений отечественной исторической науки.

Сборник носит междисциплинарный характер. В него вошли 14 публикаций, посвященных различным проблемам истории, археологии, культурной антропологии, искусствоведения, коммуникативистики и педагогики. Авторами статей являются специалисты, кандидаты и доктора наук из Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Новосибирска, Красноярска, Джизака (Узбекистан), Ташкента (Узбекистан) и Даляня (Китай).

Издание предназначено для специалистов в области истории, культуры и искусствоведения.

УДК 94(5)+785
ББК 63.3+85.31

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С 18 сентября по 18 ноября 2023 г. в Новосибирске в четвертый раз состоялся Международный научный форум «Наследие». Инициатором и главным организатором этого мероприятия, нацеленного на актуализацию историко-культурного наследия России и популяризацию достижений отечественной исторической науки, стал Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (НГУ).

Впервые форум «Наследие» был проведен в 2018 г. совместно с тогда же учрежденным по инициативе Гуманитарного института НГУ Консорциумом исследователей истории Северной и Центральной Азии. С тех пор и по настоящее время форум служит важной площадкой для коммуникации между российскими и зарубежными историками, филологами, журналистами и лингвистами.

В 2023 г. в рамках форума состоялись три научные и три научно-практические конференции, совещание представителей организационных членов Консорциума, лекции и мастер-классы для студентов и аспирантов Новосибирского государственного университета. Большая часть мероприятий была посвящена юбилейным датам и знаковым для истории России событиям: 300-летию Петербургского договора с Персией, 150-летию со дня рождения писателя и публициста М. М. Пришвина, 150-летию со дня рождения композитора, пианиста и дирижёра С. В. Рахманинова, а также объявлению 2023-го года Годом педагога и наставника. С научными докладами на эти и другие темы в рамках форума выступили в общей сложности 226 исследователей из России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Германии, Греции, Израиля, Италии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Монголии, Узбекистана, Франции, Чехии, Южной Кореи, Японии.

Продолжая работу по укреплению международных и междисциплинарных научных связей, оргкомитет IV Международного научного форума принял решение наряду с материалами отдельных конференций подготовить данное издание – сборник избранных научных статей, представляющих собой расширенные версии научных докладов. Всего в сборник вошло 14 публикаций, посвященных различным проблемам истории, археологии, культурной антропологии, искусствоведения, коммуникативистики и педагогики. Авторами статей являются специалисты, кандидаты и доктора наук из Санкт-

Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Новосибирска, Красноярска, Джизака (Узбекистан), Ташкента (Узбекистан) и Даляня (Китай).

Редколлегия искренне благодарит авторов и рецензентов, принявших активное участие в подготовке этого издания, руководство Новосибирского государственного университета и фонд «История Отечества».

DOI 10.25205/978-5-6049863-7-0-5-9

Фуркат Эшбоевич Тошбоев

*Джизакский государственный педагогический университет
Джизак, Республика Узбекистан
furqat7312@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДИВШИХ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ДРЕВНЕЙ УСТРУШАНЫ

Аннотация: В данной статье автор проанализировал исследования памятников эпохи бронзы на территории древней Уструшаны. Отмечается, что в результате миграций общин андроновской культуры, формировавшейся в евразийских степях, стали активно осваиваться территории Уструшаны, которые находили свое отражение и обоснование в памятниках, расположенных в горах Желлигулли, Бахмалсай, Куллисар, Моргузар.

Ключевые слова: *каменный ящик, Желлигулли, Бахмалсай, Афанасьев, Окуневск, Федоров, Алтайский край, Коракольская культура, Моминабад, ГИС-анализ, дольмен, андроновская культура.*

Сегодня возрастает значение исследования взаимоотношений древних кочевых культур и оседлых цивилизаций. В программах, разрабатываемых международными организациями, в частности ООН и ЮНЕСКО, отмечается необходимость реализации новых проектов по изучению того, как достижения кочевых скотоводческих племен влияли на развитие государственности, этнообразование, культурные процессы народов мира.

В этом направлении проводится ряд исследований. Эту идею подкрепляют и археологические раскопки, которые являются первоисточником, в частности, для изучения курганов, связанных с культурой кочевников-скотоводов. Результаты исследований обогащают новыми сведениями историю и археологию края. Кроме того, такой подход помогает реализовывать международные совместные научные проекты. Однако Джизакскому государственному педагогическому

университету до сих пор не удавалось установить связи с ведущими мировыми научными исследовательскими центрами и вузами. Первым шагом в этом направлении стало налаживание сотрудничества с научным коллективом Новосибирского государственного университета и СО РАН.

В последние годы в Узбекистане проводится эффективная работа по развитию научных исследований, в частности по организации научной деятельности в исторической науке на новой основе, внедрению инновационных методов, основанных на междисциплинарной интеграции в археологии. При изучении истории кочевых скотоводов Уструшаны актуальным является изучение миграционных процессов, связанных с социально-политической и экологической обстановкой, то есть переселения кочевников-скотоводов (андроновских общин) из степей Евразии начиная с эпохи бронзы.

В западной части города Джизака были обнаружены и изучены Желлигуллинские могильники. Они имеют вид каменных ящиков, относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Изучаемые здесь каменные гробницы вырублены в скале на вершине горы. Могила (каменный ящик) полностью засыпана камнями. Другие могилы также покрыты каменными плитами. На полу гробницы отмечены человеческие кости плохой сохранности в скорченном положении, головой на запад. А в гончарных сосудах наблюдаются черты, сходные с чертами керамики, обнаруженной в памятниках Федоровской и Орско-Октябрьской групп материальной культуры степных сообществ эпохи бронзы, XIII–XII вв. до н. э.

Эти погребения сходны с погребальной структурой общин андроновской культуры, широко распространенных в евразийских степях. Особенно это похоже на погребения Коракольской культуры Алтайского края. Археологи, изучавшие эти могильники, разделили их на три типа, и большинство из них представляет собой каменные ящики, окруженные со всех сторон каменными плитами [Кубаров, 2009, с. 28, рис. 69–71].

Памятники, связанные с культурой степных скотоводческих племен эпохи бронзы в Уструшанских горах, в частности на Моргузарском хребте, были определены с помощью ландшафтно-археологических исследований и ГИС-анализа. По мнению Ф. А. Максудова, в результате благоприятных природных условий в этой местности сформировались поселения скотоводческих общин эпохи бронзы. Это были долины Галчасой, Каратош, Бешарчасой, Мойликутон и Ойикташ на высоте 1100–1800 метров над уровнем моря и пастбища Ташбулок на

высоте 2000–2500 метров [Максудов, 2020, б. 17]. Согласно исследованиям, основанным на археологической прогностической модели, на Моргузарском хребте существовали экологические уголки – «ниши», отвечающие требованиям, необходимым для проживания кочевников-скотоводов древнего периода [Там же].

Эту гипотезу подтверждает и другая информация. В осенний сезон 1956 г. экспедиция Института истории и археологии Узбекского филиала АН СССР под руководством Я. Г. Гулямова изучала каменный дольмен, расположенный в 30 км к северу от г. Джизака. Этот дольмен, вогнутый посередине, имеет размеры 180х150 см и высоту 120 см. Он был единственным в Средней Азии [Гулямов, 1961, ул. 95]. По мнению автора, этот дольмен относится к могильным сооружениям эпохи бронзы, а погребальный инвентарь в нем существовал за 2000 лет до появления ислама.

В 2009 году в селе Бахмалсой Шафар-Рашидовского района (5 км южнее изучаемого нами села Желлигулли) исследована могила, богатая погребальным инвентарем, которая относится к эпохе бронзы. В могиле обнаружены человеческие кости плохой сохранности, захороненные головой на запад. На руках и ногах трупа было два бронзовых браслета. В гробнице обнаружены керамический сосуд ручной работы и бронзовое зеркало. По словам автора, при последующей расчистке из могилы также были извлечены медные бусы и один серебряный слиток. Могила и обнаруженные в ней материалы (металлические изделия – браслеты и керамика) относятся к эпохе бронзы и имеют сходство с Моминабадскими курганами в Согде этого периода [Хасанов, 2022, с. 94–95].

В 2021 г. Л. М. Сверчков исследовал могилы в виде каменных ящиков с Аччисойских холмов у села Аччи Зоминского района Джизакской области. Среди них – могила № 99, которая сложена из камней северо-восточно-юго-западного направления размерами 90х40 см. Второй каменный ящик (могила № 100) имеет прямоугольную форму, размеры 1,5х1 м, глубину 80 см. В нем был похоронен человек с головой на юг и левым боком на запад [Сверчков, Бороффка, 2021, с. 129–130]. Л. М. Сверчков относит аччинские каменные ящики к западной ветви кайракумской культуры.

Обратимся к вопросу формирования этих культур. В археологической литературе бывшего СССР отмечается, что могильники в виде каменных ящиков создавались под влиянием афанасьевской культуры, получившей название «ямной», и окуневской культуры, считающейся ее последним этапом. Большую роль в этом сыграли Ордосские

племена эпохи бронзы, которые развивались в тесной параллели с Китаем [Сулейманов, 2021, с. 137]. Продолжением этих культур считаются федоровский и аликульский этапы андроновской культуры. Могильники, которые к ним относятся, находились преимущественно в каменных ящиках, циста и смешанном состоянии [Максименков, 1978, с. 35]. Федоровский этап андроновской культуры сформировался на востоке Урала и долины Тобола, а аликульский (западно-андроновско-деревянно-ленточная культура) слой сформировался в Западном Казахстане и на Южном Урале.

По мнению Э. Э. Кузьминой, миграция кочевников из евразийских степей в Среднюю Азию и южные районы осуществлялась постепенно, начиная с XVI веков до нашей эры. Исходные ее точки расположены в Поволжье, Южном Урале, северо-западном Казахстане и западносибирских степях. С этих земель скотоводческие племена расселились по Южному Аралю, Восточному Каспию, юго-западу Туркмении, Нижнему Мургобу, Зеравшанскому и Ташкентскому оазисам, Ферганской долине и Южному Таджикистану [Кузьмина, 1964, с. 122–138].

Эти племена освоились не только в бескрайних степях Евразии, но и в степях и пустынях Средней Азии, в бассейнах рек горных районов и в предгорьях. Народы, пришедшие из степи, постепенно осели, сблизилась и смешались с местным населением в результате различных культурных контактов, что привело к оживлению общественно-политической и экономической жизни в регионе [Тошбоев, 2016, с. 96–99].

Таким образом, по материалам древней Уструшаны эпохи поздней бронзы можно сказать, что с рубежа II–I тысячелетий до н. э. эту территорию стали заселять андроновские скотоводческие племена, установившие культурные связи с древними оседло-земледельческими областями. Одной из основных причин переселения и освоения скотоводческих племен в Уструшане были предгорные оазисы и плодородные пастбища вдоль рек. Также интерес андроновских племен вызывали природные ресурсы – мы наблюдаем железные, золотые, серебряные, медные, бирюзовые рудники. На этом основании можно сказать, что богатые металлом горы и горные склоны Уструшанского района, переходы скотопроегонных дорог между горами, пастбища в речных оазисах стали активно осваиваться в эпоху бронзы.

Литература

Гулямов Я. Г. Кладбище Кульпи-Сар // История материальной культуры Узбекистана: сб. науч. статей. Ташкент, 1961. Вып. 2. С. 92–96.

Кубарев В. Д. Памятники Каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

- Кузьмина Е. Е.** О южных пределах распространения степных культур эпохидных бронз в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового века Евразии. М.: Наука, 1964. С. 141–158.
- Максименков Г. А.** Андроновская культура в Енисее. Л., 1978. 192 с.
- Максудов Ф. А.** Кочевая культура горной Уструшаны в средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2020. 58 с.
- Сверчков Л. М., Бороффка Н.** Краткий обзор археологических и геофизических работ в Зааминском районе // Археологические исследования в Узбекистане. 2021: сб. науч. статей. Самарканд, 2023. Вып. 14. С. 129–130.
- Сулейманов П. Х.** Вопросы культурогенеза и глоттогенеза Центральной Азии эпохи бронзы и раннего железного века // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье. Самарканд, 2021. С. 137–143.
- Тошбоев Ф. Э.** Взаимовлияние степной и оседлоземледельческой культур Уструшаны в эпоху античности и раннего средневековья // Вестник Междунар. ин-та центральноазиатских исследований. 2016. Вып. 23. С. 88–105.
- Хасанов М.** Находки бронзового века, найденные в Бахмальское // Культурное наследие народов Евразии: современные исследования, проблемы и методы изучения: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Джизак, 2022. Ч. 1. С. 94–100.

Furqat E. Toshboyev

*Jizzakh State Pedagogical University
Jizzakh, Republic of Uzbekistan*

STUDY OF THE HISTORY OF MIGRATION PROCESSES OCCURRED IN THE ANCIENT USTRUSHANA DURING THE BRONZE AGE

Abstract: The article analyzes the historiography of the monuments of the Bronze Age in the territory of Ancient Ustrushana. It is based on the fact that migrations of people of the Andronovo culture, born in the Eurasian steppes, can be traced in the archeological sites located in Dzhelligullinsky, Bakhmal-soysky, Kulpisar, and Morguzar mountains.

Keywords: *stone box, Dzhelligulli, Bakhmalsai, Afanasiev, Okunevsk, Fedorov, Altai region, Korakol culture, Mominabad, GIS-analysis, dolmen, Andronovo culture.*

Елена Эдмундовна Войтишек¹,
Алина Витальевна Зинченко², Яо Сун³

^{1,2}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

³Агентство «Бочэнь»
Далянь, Китайская Народная Республика

¹e.voitishek@g.nsu.ru

²alinazin1998@gmail.com

³yaosong0311@mail.ru

ПЕРЕЧЕНЬ «ДЕСЯТЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ БЛАГОВОНИЙ» В БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Аннотация: В статье рассматривается текст эпохи Сун (960–1279), известный как «Десять добродетелей благовоний» (香十德 *Сян ши дэ*), где в метафорической форме перечисляются основные функции ароматов, проявляющиеся в повседневной жизни и буддийском церемониале. Короткий, в 40 иероглифов, текст со временем стал одним из фундаментальных сочинений в традиционной культуре Китая и Японии, внедрившись повсеместно в чаньские и дзэнские практики буддийских наставников, мастеров искусств чая и благовоний. Особую интригу феномену функционирования этого текста в культуре Восточной Азии придает проблема авторства: его создание приписывают китайскому литератору Хуан Тинцзяню (黃庭堅, 1045–1105), японскому дзэнскому наставнику Иккю Со:дзюну (一休宗純, 1394–1484), вместе со своими последователями внесшим большой вклад в развитие чайных и ольфакторных практик, поэзии, каллиграфии и живописи. Их творчество целесообразно также рассматривать в рамках чаньской/дзэнской религиозной философии и буддийской литературно-художественной традиции Пяти монастырей.

Ключевые слова: «Десять добродетелей благовоний», Хуан Тинцзянь, Иккю Со:дзюн, буддийская культура, Китай, Япония

В буддизме Восточной Азии тщательный выбор видов ароматического сырья и курильниц, техники воскурения благовоний, оформ-

ление алтаря подношениями¹, проведение разнообразных церемоний с возжиганиями курений, использование ароматических палочек, спиралей и печатей для отмерения времени медитации или поминальных ритуалов, умащивание тела душистыми мазями и порошками с давних пор имеют огромное значение – как в теории и истории религии, так и в ежедневной практике буддийских монастырей и храмов. Многие из этих обычаев зародились в первых веках нашей эры, когда шло интенсивное распространение буддийских практик из Индии вместе с их адаптацией к местным религиозным культам.

К настоящему времени в Восточной Азии накоплен колоссальный опыт, касающийся изучения воздействия благовоний на физическое, эмоциональное и ментальное здоровье людей, вплоть до состояния религиозной экзальтации. Немаловажную роль в распространении знаний о благовониях, в практическом и теоретическом осмыслении их свойств и функций сыграли не только представители духовенства, но и литераторы, интеллектуалы, представители когорты «людей культуры», многие из которых были тесно связаны с буддийской традицией.

В связи с этим большое значение приобретает изучение письменного наследия средневековых мастеров благовоний, крупных литераторов, каллиграфов и живописцев, представителей буддийского духовенства, которые внесли значительный вклад в теоретическую разработку многих эстетических концепций, до сих пор сохраняющих актуальность в культуре стран Восточной Азии.

В Китае начиная с эпох Тан (618–907) и Сун (960–1279) и вплоть до середины эпохи Цин (XVIII в.) разные аспекты аромакультуры, включая религиозный, развивались под непосредственным влиянием деятельности литераторов-интеллектуалов, тем самым формировалась непрерывная культурная и религиозно-мировоззренческая традиция. Одним из текстов, оказавшим в Средние века существенное влияние на развитие религиозных практик, а также на мировоззренческую основу искусств чая и благовоний в Китае, а затем и в Японии, можно считать перечень «Десять добродетелей благовоний» (香十德 *Сян ши дэ*), создание которого традиция связывает прежде всего с именем известного поэта и каллиграфа Хуан Тинцзяня (黃庭堅, 1045–

¹ Благовония в курильницах непременно помещали на алтарь наряду с душистой водой в сосудах (санскр. *arghya*, кит. 闍伽 эце), гирляндами цветов (санскр. *kusumataḷā*, кит. 华鬘 хуамань), едой и питьем (饮食 *иньши*), светильниками (灯明 *дэн-мин*), в связи с чем все эти дары назывались «шестью видами подношений» Будде (六种供养 *лю чжун гунъян*). См. [Войтишек и др., 2023, с. 22].

1105) династии Северная Сун, большого почитателя и знатока ароматов, который часто писал под псевдонимом «Старец из горной долины» (山谷老人 *Шаньгу лаожэнь*).

Хуан Тинцзянь был главой Цзянсийской поэтической школы (江西诗派 *Цзянси ши пай*), которая придерживалась его эстетических установок и в течение долгого времени оказывала воздействие на литературную и духовную жизнь Китая и Японии². Он считался одним из «четырех ученых из Сумэнь» (苏门四学士 *Сумэнь сысюэши*) – наряду с поэтами-литераторами Цинь Гуанем (秦观, 1049–1100), Чао Бучжи (晁补之, 1053–1110), Чжан Лэем (张耒, 1052–1112). Все вместе они остались в истории литературы и искусства как известные ученики великого поэта, художника, живописца, блестящего «человека культуры» Су Ши 苏轼, или Су Дунпо (苏东坡, 1037–1101), известного своей страстью к благовониям. Из всей группы литераторов, входивших в окружение Су Ши, один Хуан Тинцзянь заслужил титул «мастера ароматов» или «благоуханного мудреца» (香圣 *сян шэн*). По признанию поэта, он был просто одержим благовониями (我有香癖 *во ю сян пи*), часто упоминал о них в своих произведениях. Достаточно указать названия благовоний, которые упоминаются в его стихотворениях: «аромат Сяоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сян*), «аромат младенца» (嬰香 *ин сян*), «ароматная печать» (篆印 *чжуаньинь*), «аромат, который чувствуется за сто ли» (百里香 *бай ли сян*) и др. [Сунь Лян, 2018, с. 31–33].

Действительно, в эпоху Сун, при которой культура благовоний достигла в Китае своего расцвета, жило большое количество литераторов, восхвалявших в своих произведениях воскурение благовоний. Но именно Хуан Тинцзянь и Су Дунпо, будучи страстными поклонниками мира ароматов, вошли в историю культуры еще как авторы трудов по технике использования благовоний в ритуальных практиках и бытовой жизни. Они оба много экспериментировали с сырьем

² Его наследие включает более 1500 стихов-*ши* и свыше 180 стихов в жанре *цы*. Стихи написаны в сдержанной манере, он избегал общественных проблем и резких оценок, любил рассуждать о принципах чань-буддизма и неоконфуцианства. Для стихов Хуан Тинцзяня характерны неожиданная композиция, необычная грамматическая структура строки, разнообразие интонаций, насыщенность реминисценциями и скрытыми цитатами. Он любил экспериментировать над формой и языком, допускал просторечия и диалектизмы. См.: Жанр *цы*: эпоха Сун (X–XII вв.). Сайт Синология. ру. URL: [https://www.synologia.ru/a/Жанр_цы_эпоха_Сун_\(X—XII_вв.\)](https://www.synologia.ru/a/Жанр_цы_эпоха_Сун_(X—XII_вв.)). Кроме того, о Хуан Тинцзяне см. Большая китайская энциклопедия изд-ва Шанс. URL: <https://shansbooks.ru/spravochnik-kitaista/khuan-tintszyan-1045-1105/> (дата обращения 09.07.2023); [Сунь Лян, 2018].

и оставили записи оригинальных рецептов смешанных благовоний, прославили их в эссе и стихах.

Китайский специалист по культуре благовоний Сунь Лян³ отмечает, что четыре названия ароматов, которые часто упоминаются в стихотворениях Хуан Тинцзяня, – а именно «аромат гармонии» (意和香 *ихэ сянь*)⁴, «необычный аромат» (意可香 *икэ сянь*), «аромат глубокого спокойствия» (深静香 *шэньцзин сянь*) и вышеупомянутый «аромат Сюоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сянь*) – указаны в авторитетном «Каталоге ароматов господина Чэня»⁵ (陈氏香谱 *Чэньши сяньпу*), который был составлен позднее, при династии Южная Сун (1127–1279). В каталоге эти ароматы определены как «четыре аромата великого Хуана» (黄太史四香 *Хуан тайши сы сянь*), что говорит о несомненном вкладе Хуан Тинцзяня в развитие культуры благовоний⁶.

В состав всех четырех упомянутых смешанных благовоний обязательным компонентом входили агаровая, сандаловая древесина и

³ Директор Центра исследований культуры благовоний Китая при Китайском фольклорном обществе в Пекине (中国民俗学会中国香文化研究中心 *Чжунго минь-су сяоцзун сянь вэньхуа яньцзю чжунсин*). Всемерно пропагандирует «элегантный и простой гуманистический дух династии Сун», полагая, что через такие элементы китайской культуры, как музицирование на цитре *цин*, чай, цветы и благовония, следует укреплять и распространять китайскую концепцию «совершенствования моральных качеств» (修心性 *сюсиньсин*). Одновременно он старается придать новое качественное звучание культуре благовоний, которая, по его мнению, объединяет «традиционную китайскую гуманистическую мысль» и «современный эстетический дух». См. сайт «Сеть культуры благовоний Китая». 中国香文化网. URL: <http://www.xiangsheng.org.cn/channel/about> (дата обращения 03.08.2023).

⁴ Имеется в виду, что все компоненты, входившие в состав благовония, должны гармонично сочетаться между собой.

⁵ Автор каталога – Чэнь Цзин (陈敬), точные годы жизни неизвестны.

⁶ На самом деле эти «четыре аромата» не были созданы самим Хуан Тинцзянем, но стали известны благодаря своей связи с ним – названия ароматов обыгрывались в его стихотворениях, посвящались конкретным людям из его окружения. Так, «аромат гармонии» (意和香 *ихэ сянь*) составил некий Цзя Тяньси, но Хуан Тинцзянь обыграл его в десяти небольших стихотворениях; «необычный аромат» (意可香 *икэ сянь*) изначально назывался «любимый аромат» (宜爱香 *иай сянь*), но Хуан Тинцзянь посчитал это название обыденным и потому изменил его; «аромат глубокого спокойствия» (深静香 *шэньцзин сянь*) был специально разработан для Хуан Тинцзяня стариком Оуяном (欧阳); «аромат Сюоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сянь*) был создан в честь Цзун Маошэня, малолетнего внука Цзун Бина (в китайской патриархальной системе с древности старший сын назывался Дацзун 大宗, то есть «старший наследник», а остальные потомки, включая детей и внуков, – Сюоцзун 小宗, то есть «младшие наследники») [Сунь Лян, 2018, с. 31–36].

мускус. Агаровое дерево может подавлять все виды ароматов, поэтому оно является основным, тогда как сандаловое дерево, обладая способностью далеко рассеивать запах, считается дополнительным. Совпадение основных ингредиентов этих рецептов благовоний выглядит вполне обоснованным. Все ароматы, которые любил Хуан Тинцзянь, отличались чистотой и устойчивостью, внушали покой и умиротворение. Эти запаховые предпочтения до некоторой степени являлись отражением его духовного мира⁷.

Примечательно, что в сугубо светских текстах литераторов эпохи Сун часто встречается символика, связанная с метафорами буддийского характера – «ароматные заповеди», «устранение мирских заблуждений», «очищение души и тела», «улучить минутку для воскурения благовоний среди повседневной суеты» (букв. «мирской пыли») и пр.

Действительно, буддисты полагают, что аромат благовоний связан с понятием целостной мудрости (чистого видения)⁸, а само подношение благовоний считают особенным и священным способом связи с божествами. Добродетельный буддист, обладающий «истинным ароматом» (то есть нравственными и интеллектуальными достоинствами), стремится через подношение благовоний божествам следовать «аромату истины» на пути к нирване. Буддийская доктрина подразумевает четкий определенный набор рекомендаций по использованию различных видов благовоний в тех или иных случаях: в литературе есть описания применения разнообразных ароматических смесей на каждый день, включая такие ингредиенты, как аквилария 沉香 *чэньсян*, сандал 檀香 *таньсян*, борнеол 龙脑香 *луннаосян* (букв. «аромат мозга дракона»), аир 菖蒲 *чанпу*, мускус 麝香 *шэсян*, стиракс бензойный 安息香 *аньсисян* и др. [Войтишек, 2017, с. 45–48].

⁷ Поскольку все эти благовония являлись многосоставными, большое значение приобретали такие факторы, как качество сырья, методы обработки и сочетаемость ингредиентов. При этом особое внимание уделялось соблюдению солнечных циклов, дат и времени суток. Такие рецепты благовоний по традиции снабжались подробными инструкциями. Производство этих четырех видов благовоний включало несколько этапов: подготовка сырья, смешивание ингредиентов и проверка на совместимость, формование и сушка, упаковка и хранение. См. *Сунь Лян*. Записки об ароматах. Благоуханный мудрец Хуан Тинцзянь. Эл. энциклопедия Байду байкэ. URL: https://baike.baidu.com/item/香志香圣黄庭坚/56542574?fr=ge_alia (дата обращения 30.06.2023).

⁸ Например, в «Шурангама-сутре» это называется «достижением совершенного видения через чувство запаха», «достижением архатства через посредство чистого видения, направленного на прекрасные запахи» (перевод Д. Зильбермана). См. сайт буддийского общества «Дхарма». URL: <http://dharma.org.ru/board/topic1396.html> (дата обращения 09.07.2023).

Истоки понятия «десять добродетелей благовоний» (香十德 кит. *сян ши дэ*), вероятно, следует искать в буддизме⁹, поскольку в буддийской теории и практике существует много терминов, оперирующих числовыми классификациями («десять ступеней бодхисаттвы»¹⁰; «десять заповедей в буддизме», «устранение пяти совокупностей», «восемь чувств», «пять скандх», «восемнадцать полей восприятия реальности и чувств» и др.). Ближе всего, пожалуй, это понятие связано с широко используемым термином буддийской идеологии, а именно – с концептом «десяти добродетелей», или «десяти достоинств» (十德 кит. *ши дэ*).

Он многократно встречается в самых почитаемых буддийских священных писаниях – например, в Лotosовой сутре (法華經, кит. *Фахуа-цзин*), в Аватамсака-сутре (華嚴經, кит. *Хуаянь-цзин*), а также в комментариях и пояснениях к ним. Так, в Аватамсака-сутре упоминаются «десять добродетелей Учителя Закона» (法師十德 *Фаши ши дэ*, сутра 43), среди которых отмечены такие достоинства, как мудрость, красноречие, владение искусными приемами ведения беседы, следование Закону, обладание величием бодхисаттвы, терпение; «десять добродетелей глубокоумудрого» (善知识十德 *Шаньчжиши ши дэ*, сутра 64), где воспеваются «факелы мудрости» добродетельных Учителей; «десять добродетелей мудрости парамиты» (智波罗蜜十德 *Чжи боломи ши дэ*, сутра 18), где среди прочих отмечены такие качества, как отсутствие жадности, гнева, невежества, стремление к постижению истинной Дхармы. В других сутрах буддийского канона встречаются такие понятия, как «десять добродетелей матери» (母之十德 *му чжи ши дэ*), «десять добродетелей учеников» (弟子十德 *дицзы ши дэ*), «десять добродетелей старших» (長者十德 *чанчжэ ши дэ*), «десять добродетелей правителей» (國王十德 *гован ши дэ*), «десять добродетелей праздности» (閑居十德 *сяньцзюй ши дэ*) и т. п.¹¹

⁹ Оставляем в стороне такие широко известные понятия мировой культуры, как «десять конфуцианских добродетелей совершенного мужа», «десять божьих заповедей» православия и др.

¹⁰ См. статью А. Н. Игнатовича «Десять ступеней бодхисаттвы» (на материале сутры «Цзиньгуанмин-цзюйшэ-ванцзин»), где он рассматривает ступени просветления бодхисаттвы для постижения «высшей мудрости» и обретения нирваны в контексте изменения психического состояния личности [Игнатович, 1986, с. 69–90].

¹¹ См. эл. китайский ресурс Байкэ Байду. Десять добродетелей 十德. URL: <https://baike.baidu.com/item/十德/8412546> (дата обращения 12.08.2023). См. также [Сунь Лян, 2018, с. 43–44].

Кроме того, можно упомянуть и «Сутру о добродетельном соблюдении заповедей благовоний» (佛說戒德香經 *Фошо цзе дэ сян цзин*), где Будда описывает людей, соблюдающих «заповеди благовоний» (戒香 цзе сян)¹². Вполне логично предположить, что список «десяти добродетелей благовоний» был составлен под влиянием идей и мировоззренческих концептов буддизма. Он, по сути, представляет собой перечисление важнейших свойств и функций ароматов, проявляющихся не только в буддийском церемониале, но и в повседневной практике людей.

Ниже приведен список «десяти добродетелей благовоний», приписываемый Хуан Тинцзяню¹³:

– трогают сердце демонов и божеств (感格鬼神 кит. *ганьгэ гуишэнь*; яп. *канкаку кидзин*)¹⁴;

– очищают дух и тело (清淨心身 кит. *цинцзин синьшэнь*; яп. *сё:дзё: синдзин*);

– устраняют грязь и скверну (能除污穢 кит. *нэнчу ухуэй*; яп. *но:дзё оэ*);

– способствуют крепкому сну с приятным пробуждением (能覺睡眠 кит. *нэнцзюэ шуймянь*; яп. *но:каку суймин*)¹⁵;

– в атмосфере спокойствия способствуют обретению друзей (靜中成友 кит. *цзин чжун чэн ю*; яп. *сэйтю: дзё:ю:*)¹⁶;

– в мирской суете позволяют предаться праздности (塵裏偷閑 кит. *чэньли тоусянь*, яп. *дзинри юкан*)¹⁷;

– большое число благовоний не является излишеством (多而不厭 кит. *до эр бу янь*, яп. *тадзи фуэн*)¹⁸;

¹² Перевод см. [Войтишек, 2017, с. 45–46].

¹³ Список дается по: [Сунь Лян, 2018, с. 30; Дзимбо Хироюки, 2003, с. 342]. Пер. с кит. и яп. яз. Е. Э. Войтишек и А. В. Зинченко.

¹⁴ В Японии это понятие трактуется также как обострение органов чувств, как у демонов и божеств. См. японский сайт «Истоки благовоний» Ко:гэн (香源). Что такое «Десять добродетелей благовоний?». URL: <https://www.kohgen.com/column/koh/jittoku/> (дата обращения 07.07.2023).

¹⁵ Воскурение благовоний сродни медитации, когда сознание достигает одновременно состояния «ума» и «не-ума», позволяя привести свой дух в состояние энергичного бодрствования после спокойного сна.

¹⁶ Воскурение благовоний создает ощущение умиротворения, к тому же помогает избавиться от чувства одиночества.

¹⁷ То есть «выкроить минутку для отдохновения посреди повседневной суеты» (букв. «мирской пыли»). Воскурение благовоний приносит покой и умиротворение особенно в самые занятые дни.

¹⁸ Если практиковать воскурение благовоний часто, это не будет во вред.

- даже малого количества благовоний достаточно (寡(少)而為足 кит. *гуа (шао) эр вэй цзу*; яп. *кани исоку*)¹⁹;
- благовония при длительном хранении не портятся (久藏不朽 кит. *цзю цан бусю*, яп. *кю:дзо: фукю:*)²⁰;
- нет преград для частого использования (常用無障 кит. *чанъюн у чжан*, яп. *дзэ:ё: мусё:*).

Хотя вышеприведенный перечень состоит всего лишь из нескольких предложений в 40 иероглифов, в нем в метафорической форме представлена оценка основных характеристик ароматов и разъяснение значения их использования. Короткий текст был высоко оценен знатоками благовоний прежде всего благодаря высокому авторитету сунских литераторов из окружения Су Дунпо и известности самого Хуан Тинцзяня.

Как отмечает китайский исследователь Сунь Лян, поэтический стиль Хуан Тинцзяня отличается большой выразительностью, обилием романтических оборотов, метафор, риторических вопросов. Для его поэзии в основном характерны 5-, 6- и 7-словные строфы, хотя встречаются и строки из четырех иероглифов. Тот факт, что в списке «десяти добродетелей» использован как раз 4-словный размер, говорит о том, что автор для придания торжественности и авторитетности тексту обращался к 4-словному размеру древней антологии «Книга песен» (詩經 *Ши цзин*), одному из самых известных классических произведений китайской словесности. Сам текст перечня отличается энергичностью, художественной искусностью и некоторой философичностью. Его определенно можно назвать выдающимся произведением среди 4-словных стихотворений, созданных в эпоху Сун. Все десять предложений независимо от содержания и художественной концепции посвоему элегантны и метафоричны [Сунь Лян, 2018, с. 36–37].

При этом ученый признает, что терминология и философская глубина этого текста неизбежно уступают другим произведениям Хуан Тинцзяня. По сравнению с другими произведениями (стихами и эссе) автора в «Десяти добродетелях» недостает философской глубины, хотя очень подробно представлены функции благовоний [Там же].

На самом деле нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих авторство Хуан Тинцзяня в отношении этого текста.

¹⁹ Благодетельное воздействие благовоний на организм человека обеспечивается даже малым их количеством.

²⁰ Аромат сохраняется долго – смолистая древесина не гниет и своим бессмертием дает бессмертие душе.

Ряд исследователей подвергает его сомнению, поскольку найти это произведение среди сочинений Хуан Тинцзяня невозможно. Эта загадка давно не дает покоя ученым Китая и Японии: они исследуют тайну авторства текста, прежде всего, с точки зрения стиля и идейного содержания.

Анализ поэтических приемов, встречающихся в перечне «десяти добродетелей», выводит на сочинения Хуан Тинцзяня. Так, к ним относится знаменитая метафора 塵裏偷閑 *чэньли тоусянь* «в мирской суете предаться праздности». Эта фраза встречается в известном сочинении поэта «В ответ Цзы Чжанцзи – два стихотворения» (子瞻继和复答二首 *Цзы Чжанцзи хэ фуда эр шоу*), где во втором из двух шестисловных четверостиший Хуан Тинцзянь использует метафору «в пыли девяти дорог предаться праздности» со значением «посреди мирской суеты улучшить минутку для отдыха» (九衢塵裏偷閑 *цзю цюй чэнь ли тоусянь*). Стихотворение звучит следующим образом:

迎燕温风旖旎，润花小雨斑斑。
一炷烟中得意，九衢尘里偷闲。

*Ин ян вэнь фэн нини, жуньхуа сяюй баньбань.
И чжу янь чжун дэ и, цзю цюй чэнь ли тоусянь.*

«Встречаю ласточек с весной, нежно дует ветерок, накрапывает дождь и увлажняет цветы. Окутанный ароматным дымом, наслаждаюсь приятными минутами праздности в суетном мире»²¹.

Китайский специалист Сунь Лян полагает, что именно по наличию этой метафоры современные японские ученые предположили авторство Хуан Тинцзяня для всего перечня «десяти добродетелей благовоний», тогда как вплоть до конца периода Эдо в последней четверти XIX в. в Японии авторство текста приписывалось монаху Иккю Со:дзюну [Сунь Лян, 2018, с. 34–37, 43–44].

²¹ Текст в переводе Е. Э. Войтишек и Яо Суна приводится по: Сеть древних стихов в жанре *цзы* 古诗词网. URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x24023a74> (дата обращения 09.08.2023). Можно предложить поэтический перевод этого стихотворения:

«Встречаю ласточек, и ветер
Кольшет влажные цветы...
Дал позабыть про всё на свете,
Отринуться от суеты
Дым ароматный. Здесь, в саду
В нём смыслы новые найду...»

(стихотворное переложение А. В. Войтишека).

Среди тех, кто сомневается в авторстве Хуан Тинцзяня, можно назвать вышеупомянутого Сунь Ляна. По его мнению, текст мог быть составлен теми, кто был хорошо знаком с его творчеством и деятельностью [Сунь Лян, 2018, с. 29]²². Действительно, с одной стороны, это могли быть и китайские интеллектуалы, «люди культуры» (文人 *вэнь-жэнь*) из круга единомышленников Су Дунпо и Хуан Тинцзяня, а с другой стороны – японские почитатели обширного культурного наследия Китая, среди которых было много видных литераторов, поэтов, известных буддийских наставников и монахов. Впоследствии этот список широко распространился в Японии, став основой для многих аналогичных перечней «добродетелей благовоний» и «добродетелей чая», созданных известными буддийскими монахами и чайными мастерами. Похожие списки «десяти добродетелей чая» (茶の十徳 *тя-но дзиттоку*) появились в Японии уже в конце XII в. в среде буддийского монашества.

Вероятно, одним из первых японских создателей таких списков можно считать Мё:э Сё:сина (明恵上人, 1173–1232) – дзэнского наставника раннего периода эпохи Камакура²³. Мё:э выращивал чайные кусты в храме Ко:дзандзи (高山寺) в Киото и вслед за своим учителем Эйсаем (栄西, 1141–1215)²⁴ продолжал развитие чайного дела в Японии. В заслугу Мё:э приписывается создание списка трех основных назначений чая: чай должен был избавлять от сонливости, неправиль-

²² В аргументации китайского ученого есть серьезное соображение, которое дает основание усомниться в авторстве Хуан Тинцзяня. Несмотря на то что в тексте присутствуют такие художественные приемы, как антитеза («много благовоний» – «мало благовоний»), синтаксический параллелизм («в тишине» 静中 – «в мирской пыли» 塵裏), метафора жизненной суеты через типичное для китайской литературы понятие «мирской пыли», такой крупный знаток формы, поэт и стилист, как Хуан Тинцзянь, не мог допустить отсутствие рифмы даже в коротком сочинении: это было бы вопиющим нарушением традиционных норм китайского стихосложения [Сунь Лян, 2018, с. 37]. Действительно, в тексте списка «добродетелей» только в четырех предложениях можно найти рифму (神/身 *шэнь-шэнь*; 眠/閑 *мянь-сянь*), в остальных шести фразах она отсутствует.

²³ Святой Мё:э (明恵上人), или Святой Тоганоо (桐尾上人), известный также под монашеским именем Ко:бэн (高弁), был приверженцем двух основных дзэнских школ Кэгон и Сингон, прослыл великим реформатором буддизма. Он оставил обширное письменное наследие – трактаты, стихотворения в жанре *вака*, практические руководства по медитации, эссе и дневники.

²⁴ Эйсай (栄西) – первый патриарх и основатель школы Риндзай (臨濟宗), принадлежащей к ветви храма «Пяти монастырей» Кэнниндзи (建仁寺). Является одним из первых популяризаторов чая в Японии. По легенде считается, что именно Эйсай первым привез чайный куст в Японию в 1191 г. после поездки в Китай.

ного положения тела и рассеянности мыслей. Считается, что именно благодаря мастеру Мё:э чай вышел за пределы дзэн-буддийских монастырей.

Более того, он известен тем, что изготовил котел для кипячения воды, используемой в чайной церемонии, с записью перечня «десяти добродетелей чая», куда входили многие полезные его свойства, влияющие на физическое и ментальное здоровье. Список полезных функций чая в дальнейшем был несколько дополнен и переработан знаменитыми чайными мастерами: свои перечни оставили видный общественный деятель, представитель дзэнской школы Риндзай-сю: (臨濟宗) и поэт Такэно Дзё:о: (武野紹鷗, 1502–1555), а также его выдающийся ученик, считающийся основателем японской чайной школы Сэн-но Рикю (千利休, 1522–1591) (См. [Войтишек, 2011, с. 181–188]; [Цуногава садо: дайджитэн, 1991, с. 900]).

Вследствие общности кругов деятелей искусств чая и ароматов в Японии, их тесной связи с литературными течениями и средневековыми религиозными школами теоретические постулаты и эстетические концепции процессуальных искусств тоже часто переплетались. Яркий пример такого взаимодействия – многолетнее общение вышеупомянутого чайного мастера Такэно Дзё:о: с выдающимся представителем искусства благовоний Сандзё:ниси Санэтака (三条西実隆, 1455–1537), составившим со своим окружением классификацию видов ароматической древесины аквилярии «Шесть стран – пять вкусов», не потерявшую актуальности и по настоящее время [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 441].

Особая роль в истории освоения перечня полезных свойств чая и благовоний в контексте развития «пути аромата» в Японии принадлежит литератору Иккю Со:дзюну (一休宗純, 1394–1484)²⁵. Иккю Со:дзюн относится к числу выдающихся деятелей средневековой японской культуры. Отличаясь разнообразными талантами в области классической литературы на китайском языке, поэзии, каллиграфии и живописи, он оказал большое влияние на эстетику чайной церемонии и связанное с ней искусство благовоний. В истории японского дзэн-буддизма он прослыл одной из самых значительных и при этом эксцентричных фигур, нарушавших религиозные устои. Будучи настоятелем храма Дайтоку-дзи (大徳寺) в Киото и приверженцем одной из дзэн-буддийских школ Риндзай-сю:, преподобный Иккю Со:дзюн, бесспорно, был знаком со списком Хуан Тинцзяня. Приписываемый

²⁵ См. о нем: [Штейнер, 1991]; [Штейнер, 2006]; [Штейнер, 1987]; [Steiner, 2014]; [Онищенко, 2012]; [Предания о дзэнском монахе Иккю..., 2014].

ему перечень достоинств благовоний (香の十徳 *Ко:-но дзиттоку*) практически полностью повторяет список «десяти добродетелей» китайского мастера и наряду с аналогичным списком «добродетелей чая»²⁶ до сих пор используется не только в центрах процессуальных искусств чая и благовоний, но и в буддийских практиках по всей Японии.

При анализе культурно-исторического фона появления этого перечня в Японии несомненную ценность представляют такие японские сочинения, как «Слива из скромной обители искусства благовоний» (香道賤家梅 *Ко:до: сидзугая-но умэ*, 1748) и «Сад орхидей искусства благовоний» (香道蘭之園 *Ко:до: ран-но эн*, 1763)²⁷. Сразу в первом свитке обоих произведений речь идет о «десяти добродетелях благовоний», где в качестве автора указано имя Иккю Со:дзюна (См. [Ко:до: ран-но эн, 2003, с. 19–20]).

При этом в настоящее время представители авторитетных японских компаний по производству благовоний указывают, что подлинным автором списка является китайский поэт Хуан Тинцзянь, а Иккю Со:дзюн только поспособствовал его распространению в Японии²⁸.

²⁶ Самыми известными авторами, оставившими свои списки «десяти добродетелей чая», считаются вышеупомянутые корифеи японского чайного искусства – Мё:э Сё:син, Такэно Дзё:о., Сэн-но Рикю. С их перечнями полезных функций чая можно познакомиться по изданию [Войтишек, 2011, с. 181–182]. И сегодня в Японии чайные компании обращаются к этому наследию. Тому пример – одна из старейших японских компаний по производству зеленого чая и чайной продукции Ямамотоэн (山本園, Yamamotoen Co.Ltd, основана в 1870 г.). На ее сайте представлен список, составленный в XVI в. мастером Такэно Дзё:о. Однако в соответствии с запросами современного потребителя в комментариях к каждому изречению указаны преимущественно сведения информационного и медицинского характера (например, «танины и аминокислоты, содержащиеся в чае, поддерживают баланс организма», «травяной чай способствует здоровому образу жизни и снятию стресса», «чашка чая в кругу семьи дарует благополучие божеств без молитвы» и т. п.). URL: <https://www.yamamotoen.co.jp/news/archives/577> (дата обращения 11.08.2023).

²⁷ Знаменитые сочинения по культуре ароматов и истории искусства *ко:до*: середины эпохи Эдо (конец XVIII в.), их считают своеобразной «библией искусства *ко:до*:», где затронуты сведения по способам приготовления и рецептуре благовоний, использованию инструментария, методам изготовления «смешанных благовоний» 組香 *кумико*; известным школам этого искусства. См. [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 337–338], [Ко:до: ран-но эн, 2003, с. 19–20].

²⁸ См., например, официальный сайт одной из старейших компаний Байкундо: (梅薫堂), основанной в 1850 г. на о. Авадзи. URL: <http://www.baikundo.co.jp/> (дата обращения 07.08.2023). Схожего мнения придерживается и глава крупнейшей японской компании Сё:эйдо: (松栄堂) в Киото госп. Хата Масатака (畑正高), который тем не менее в личных беседах сетует на отсутствие убедительных доказательств авторства Хуан Тинцзяня.

Кроме того, японские специалисты в качестве возможного автора-интерпретатора идей Хуан Тинцзяня называют не только Иккю Со:дзюна, но и Такэбэ Такакацу (建部隆勝)²⁹. Высказывается также предположение, что перечень «десяти добродетелей» был создан в Японии в начале периода Эдо (1603–1868) их последователями или главой какой-либо школы благовоний.

Тем не менее для подавляющего большинства японских ценителей благовоний практики наслаждения ароматами были связаны, прежде всего, с именами авторитетных буддийских наставников и мастеров из Китая, поэтому со временем за этим перечнем и закрепилось имя Хуан Тинцзяня. Этот список хорошо известен в Японии и до сих пор почитается как один из фундаментальных текстов японской культуры благовоний.

Неслучайно не только среди китайских интеллектуалов, но и в традиции глав школы Сино-рю: (志野流)³⁰ из поколения в поколение входило каллиграфическое исполнение перечня «Десяти добродетелей благовоний». Такие списки в Китае и Японии с давних пор украшают помещения во время церемоний воскурения ароматов. Среди них есть свитки с перечнем их «десяти добродетелей», каллиграфически исполненные разными главами японской школы Сино-рю:, представителями 15-го, 18-го, 19-го, 20-го поколения рода Хатия (蜂谷宗)³¹. Показательно, что в свитке 18-го главы школы Хатия Гун-

²⁹ Такэбэ Такакацу (годы жизни неизвестны) – большой знаток благовоний, живший в конце XVI в., был знаком со многими ценителями ароматов, считается одним из основоположников школы Сино-рю:, служил Ода Нобунага. В 1573 г. в сочинении «Записи об ароматах» (香之記録 *Ki-no kiroku*, или 隆勝香之記 *Такакацу ко:-но ки*) он впервые классифицировал виды агаровой древесины по аромату и местам произрастания, что впоследствии приобрело широкую известность и стало называться «шесть стран – пять вкусов». См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/建部隆勝> (дата обращения 04.07.2023).

³⁰ Старейшая школа изучения культуры и искусства благовоний, сохранившаяся с середины XV в. до наших дней, основана Сино Со:син (志野宗信, 1443–1523). В настоящее время глава школы Ю:ко:сай Со:гэн (幽光斎宗玄, род. в 1939 г.) является 20-м *измото* школы, ведущей свою историю с середины эпохи Муромати (1338–1573). Сейчас существует около 200 школ в Японии и множество филиалов в разных городах мира – Париже, Ницце, Милане, Болонье, Пекине, Шанхае, Ханчжоу, Тайбэе и др. Глава школы Сино-рю: также является *измото* школы чайной церемонии Сино-рю: (志野流茶道 *Сино-рю: садо:*). См. эл. ресурс википедии на яп. языке. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志野流> (дата обращения 05.08.2023); [Дзимбо Хироюки, с. 360–361].

³¹ Основной род, составляющий костяк школы Сино-рю:. Из этого рода уже избран следующий, 21-й глава-*измото* школ искусства чая (茶道 *садо:*) и искусства благо-

роан Со:ти (蜂谷頑魯庵宗致, 1874–1931) также в конце имеется приписка из шести знаков «Высказывание старца Шаньгу» (山谷老人之語, яп. *Санкоку ро:дзин-но го*), которые ясно указывают на авторство Хуан Тинцзяня [Сунь Лян, 2018, с. 30–31]³².

Для воссоздания обстоятельств распространения этого списка следует учитывать и особенности историко-культурных контактов между Китаем и Японией в контексте адаптации континентальных традиций на архипелаге. В связи с этим некоторые китайские и японские исследователи полагают, что перечень «десяти добродетелей благовоний» был составлен в Японии под влиянием «Литературы Пяти монастырей» (五山文学 *Годзан бунгаку*), и его автором мог быть именно Иккю Со:дзюн.

Как известно, термином *годзан бунгаку* в японской литературе обозначают комплекс прозаических и поэтических произведений на китайском языке, созданных с конца эпохи Камакура (1185–1333) до периода Муромати (1336–1573), то есть в XIV–XVI вв., дзэнскими монахами школы Риндзай из храмов, входивших в систему «Пяти горных монастырей»³³. В разные эпохи в состав Пяти монастырей входили различные храмы. Как отмечает В. Н. Горегляд, в эпоху расцвета литературы *годзан бунгаку*, к концу XIV в. (когда жил Иккю Со:дзюн) в систему Пяти монастырей входили 11 храмов: пять в Камакура (Кэнтё:дзи 建長寺, Энгакудзи 円覚寺, Дзюфукудзи 寿福寺, Дзё:тидзи 浄智寺, Дзё:мё:дзи 浄妙寺), пять в Киото (Тэнрю:дзи 天竜寺, Сё:кокудзи 相国寺, Кэнниндзи 建仁寺, То:фукудзи 東福寺, Мандзю:дзи 万寿寺), особняком над ними стоял крупнейший буддийский комплекс в Киото Нандзэндзи 南禅寺 [Горегляд, 1997, с. 351]. Старейший буддийский храм Нандзэндзи в Киото возвышался над пятью горами, поэтому его выделяли естественным образом в системе, включающей 11 дзэнских храмов, известных под общим названием «Пять гор и десять храмов» (五山十刹 *годзан дзиссэцу*).

воний (香道 *ко:до*:). Им является старший сын нынешнего 20-го *измото* по имени Хатя Исикэн-со:хицу (蜂谷一枝軒宗苾, род. в 1975 г.; настоящее имя 蜂谷貞統 Хатя Садацугу). См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/蜂谷宗苾> (дата обращения 05.08.2023).

³² В книге Сунь Ляна приведены иллюстрации свитков в исполнении четырех глав-*измото* школы Сино-рю: 15-го, 18-го, 19-го и 20-го *измото*, то есть с начала XIX в. по настоящее время [Сунь Лян, 2018, с. 31].

³³ Эта система была прямым подражанием официальной храмовой системе династии Южная Сун в Китае (五山制度 *Ушань чжиду*), которая включала пять высших чаньских храмов с настоятелями, назначаемыми императорским двором.

«Литература Пяти монастырей» охватывала широкий спектр жанров, включая дневники, эссеистическую прозу, буддийские сочинения. Как указывал исследователь поэтического наследия этого направления А. М. Кабанов, примерно половину всех монастырских сочинений составляли записи проповедей и бесед наставников с учениками, их стихи и эссе. Кроме того, широко были представлены комментарии к общеподобийским и дзэнским сочинениям, полемические рассуждения, трактаты по философии и истории буддизма, уставы монастырей, коаны, путевые записки, храмовые хроники, поэтические и прозаические сборники, учебные пособия по теории китайского стихосложения, словари дзэнских терминов и др. (Цит. по: [Горегляд, 1997, с. 351]).

По всей вероятности, литература и различные виды художественного творчества служили средством совершенствования и развития самосознания буддийских монахов и во многом предшествовали непосредственным дзэнским практикам. Литература и занятия различными искусствами служили для них своеобразной дзэнской метафорой. Такая тенденция породила явление, которое в китайской традиции «Пяти гор» называли «возвеличиванием литературы и пренебрежением Путем» (重文輕道 *чжун вэнь, цин дао*)³⁴. Получая большую поддержку и щедрое содержание со стороны государства в рамках системы «пяти гор и десяти храмов», японские монахи демонстрировали свой благородный социальный статус и элегантный стиль жизни посредством культивирования китайской учености, чаньских идей и эстетических взглядов.

Разнообразные по содержанию и стилю литературные произведения *годзан бунгаку* были тесно связаны с социальной жизнью и пронизаны светской атмосферой, реализуя взаимодействие двух противоположных культур того времени – аристократической и простонародной, элегантной и вульгарной. Такой духовный сплав оказал сильное влияние на политику, культуру и мировоззрение того времени [Сунь Лян, 2018, с. 42].

Находясь в русле в этой культурной традиции, монах Иккю тем не менее был свободен от нее, всю жизнь держался независимо, не признавая авторитетов, всячески избегал официальных «Пяти монастырей». К тому же в последние годы жизни императорским указом ему было велено стать настоятелем храма Дайтокудзи 大徳寺 в Киото,

³⁴ О системе «Пять гор» в Китае см. Эл. ресурс китайской энциклопедии Байкэ Байду. URL: https://baike.baidu.com/item/五山文学/7877019?fr=ge_ala (дата обращения 11.07.2023).

не входящим в систему «Пяти монастырей», поэтому он не является дзэнским монахом этой системы в строгом смысле этого слова. Однако в юности Иккю некоторое время провел в храме Кэнниндзи 建仁寺, относившемся к числу официальных, и общался с его монахами, поэтому можно сказать, что духовно дзэнский мастер Иккю был все же тесно связан с культурными трендами направления *годзан бунгаку* [Сунь Лян, 2018, с. 42–43].

В книге Сунь Ляна упомянуты несколько сборников высказываний и стихотворений, приписываемых традицией монаху Иккю и созданных в эпоху Эдо, спустя несколько столетий после его смерти. По всей вероятности, все они не имеют отношения к подлинному автору, а их появление обусловлено притягательностью самой личности японского монаха, чья жизнь обросла легендами еще при его жизни³⁵. Точно так же, как в случае с китайским литератором Хуан Тинцзянем, в его трудах невозможно найти однозначного свидетельства в отношении работы над текстом «десять добродетелей благовоний».

По-видимому, в системе бестекстовой дзэнской медитации и «знания вне учения» литературно-художественные опыты обитателей монастырей служили своеобразными проводниками в мир чувственных переживаний в состоянии просветления *сатори*.

Достижению этого состояния во многом способствовали благовоения, вкушение которых создавало ощущение, что сердце заполняет собой все пустоты, когда ничего не существует, кроме сердца, когда обостряется внутреннее видение, достигается состояние просветления и становится ясным Путь. Недаром среди буддистов популярна знаменитая история, изложенная в «Шурангама-сутре» (大佛頂首楞嚴經 *Дафо дин шу лэн янь цзин*) о мальчике, испытавшем благоговение перед ароматами, – острое обоняние, художественное чутье и проницательность позволили ему через очистительные практики начать проповедовать истинное учение.

Помимо запаха, китайская культура благовоний традиционно уделяет особое внимание также и дыму, образующемся при сжигании ароматического сырья. В процессе использования благовоний воз-

³⁵ Среди упомянутых Сунь Ляном сборников изречений и произведений, приписываемых Иккю Со:дзюну, указаны, например, такие: «Иккю бранится» (一休咄), «Истории из разных мест об Иккю» (一休諸國物語), «Забавные истории Иккю из района Канто» (一休關東咄), «Рассказы о мудрости Иккю» (一休頓智談) [Сунь Лян, 2018, с. 41].

жигание является одним из важнейших способов наслаждения ароматом. В религиозных верованиях дым от сжигания сырья часто выступает признаком законности ритуала. Этот дым состоит из видимых частиц, которые в большом количестве перемещаются по воздуху, создавая визуальные образы в дополнение к вкусу и обонянию [Сунь Лян, 2018, с. 35]. Будучи побочным продуктом сжигания благовоний, он также обладает культурной символикой. Так, в древних ритуалах жертвоприношений Небу столбы дыма играли роль посредника между Небом и человеком. «Люди культуры» эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1280), как правило, предпочитали виды наслаждения ароматом, которые сопровождались появлением струек сизого дыма, тогда как бездымные способы воскурений благовоний были не так популярны³⁶. Наблюдения за поведением дыма давали людям пищу для размышлений и мечтаний, для визуализации различных образов, в том числе религиозных, в ритуалах гадания и медитации³⁷.

В дальневосточных буддийских практиках издавна существует специфическая «медитация через кончик носа» (鼻端參禪 *бидуань цаньчань*), когда «пустота вкушения аромата» (參香的空性 *цань сянь дэ кунсин*) «проходит повороты и изгибы» – букв. «три излома на одной волне» (一波三折 и *бо сань чжэ*). Способ вкушения благовоний у буддистов предполагает сосредоточение на процессе. Это значит, что, во-первых, надо избавиться от разных посторонних запахов; во-вторых, надо научиться «созерцать нос» (鼻觀 *би гуань*), визуализировать вкус и аромат (觀想趣味 *гуаньсян цюйвэй*), а затем ощутить послевкусие и сосредоточиться на мысли (然後回味, 肯定意念 *жаньхоу хуэйвэй, кэньдин инянь*) [Сунь Лян, 2018, с. 12].

Понятие «белый кончик носа» (鼻端白 *би дуан бай*) касается одного из методов буддийской созерцательной практики, подразумевающей сосредоточение внимания на кончике носа, который через некоторое время практикующему кажется белым.

³⁶ Показательным примером отношения к ароматам является знаменитое эссе «Шесть записок о быстротечной жизни» цинского литератора Шэнь Фу (1763–1808?), где даются выразительные описания образной символики и эстетики процесса воскурения благовоний, особенно в главе «Приятное безделье» (閑情記趣 *Сяньцин цзицюй*). См. фрагменты в переводе К. И. Голыгиной [Шэнь Фу, 1979, с. 59–66].

³⁷ При этом форма благовония зачастую определяла способ его дегустации. Кроме того, восприятие запахов различалось в разные эпохи, что было обусловлено ожидаемым эффектом от их вкушения, особенностями историко-культурного фона, разными национальными вкусовыми и обонятельными предпочтениями.

В 5-м свитке «Шурангама-сутры» сказано:

《楞严经》卷五：“世尊教我及拘絺罗观鼻端白，我初谛观，经三七日，见鼻中气出入如烟，身心内明，圆动世界，徧成虚净，犹如琉璃，烟相渐销，鼻息成白，心开漏尽，诸出入息化为光明，照十方界，得阿罗汉。”

«Всемирный Достопочтенный (Будда) научил тогда меня и Кауштхи-лу фиксировать ум на кончике носа. Я начал медитацию и через три–семь дней увидел дыхание, которое входило в мои ноздри и выходило из них и было подобно дыму; внутренне и тело, и ум были ясными, и я смотрел сквозь внешний мир, который стал чистой пустотой, подобно хрусталу. Дым постепенно исчез, и мое дыхание стало белым. Ум открылся, и я теперь достиг состояния позади потока перевоплощений. Мои вдохи и выдохи, теперь блестящие, осветили десять направлений так, что я достиг состояния Архатства. Всемирный Достопочтенный предсказал, что я достигну Просветления»³⁸.

Хуан Тинцзянь в своих произведениях, воспевающих воскурение благовоний, нередко упоминает такой вид чаньской медитации. К примеру, можно привести стихотворение «Благодарю Цао Фана за благодеяние» (谢曹方惠物 *Се Цао Фан хуэй у*):

注香上裊裊，映我鼻端白。Чжу сянь шан няняо, ин во би дуан бай.

«Созерцаю, как дым благовоний, грациозно извиваясь, поднимается и искрится светом на кончике моего носа»³⁹.

Можно утверждать, что литературное творчество Хуан Тинцзяня оказало большое влияние в целом на культуру *годзан бунгаку*. Сунь Лян утверждает, что к этому времени стихи великих китайских мастеров Су Дунпо и Хуан Тинцзяня широко распространились по Японии. Во всяком случае, монахи «Пяти монастырей» изучали их произведения и сами публиковали, тем самым создавая «годзанскую версию» (五山版 яп. *годзанбан*) поэтических антологий обоих литераторов. В поэзии Су Дунпо японские монахи ценили безудержный и необузданный стиль, полный эмоций и темперамента, а произведения Хуан Тинцзяня привлекали их философской глубиной, чувственностью и смысловой наполненностью. В дневниках многих выдающихся японских монахов есть упоминания о том, что они читали и

³⁸ Текст фрагмента сутры на кит. яз. см. URL: <https://baike.baidu.com/item/鼻端白/10039396> (дата обращения 08.07.2023). Перевод на рус. язык см. Секреты китайской медитации. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ю/yuj-lyu-guanj/sekreti-kitajskoj-meditacii/3> (дата обращения 08.07.2023).

³⁹ Эл. ресурс китайской энциклопедии Байкэ Байду. URL: <https://baike.baidu.com/item/鼻端白/10039396> (дата обращения 08.07.2023). Перевод Е. Э. Войтишек.

изучали произведения китайских мастеров. Существует целая японская комментаторская традиция к стихотворным антологиям Су Дунпо и Хуан Тинцзяня [Сунь Лян, 2018, с. 42–43].

Литераторы направления *годзан бунгаку* так восхищались китайскими авторами, что среди монахов появилась знаменитая поговорка: «Дунпо, Шаньгу⁴⁰, мисо, соевый соус» (东坡、山谷、味噌、醤油 кит. *Дунпо, Шаньгу, вэйцзэн, цзянъю*). Это означало, что, подобно тому, как *мисо* (паста из перебродивших соевых бобов) и соевый соус являются незаменимой пищей в ежедневном рационе монахов, так и Су Дунпо и Хуан Тинцзянь обеспечивают им необходимую духовную пищу (Цит. по: [Сунь Лян, 2018, с. 43–44]). Такие факты говорят об обширном и глубоком влиянии Хуан Тинцзяня на японскую культуру.

Из всего вышесказанного следует, что китайский литератор эпохи Сун Хуан Тинцзянь и японский деятель дзэн-буддизма Иккю Со:дзюн эпохи Муромати, связанные между собой через текст «Десять добродетелей благовоний», считаются ключевыми фигурами культуры *годзан*. Первый был наиболее почитаемым поэтом среди монахов дзэнских монастырей, входивших в японскую систему «Пяти гор и десяти храмов», а второй являлся фактически олицетворением этой самой системы. И хотя невозможно установить подлинного автора средневекового текста о десяти добродетелях благовоний, понятно, что его содержание вобрало в себя религиозные, мировоззренческие и художественные представления выдающихся деятелей культуры Китая и Японии. Неслучайно на этот текст так похожи по идейному содержанию и композиционной структуре перечни «десяти добродетелей чая», созданные в течение XIII–XVI вв. японскими чайными мастерами и дзэнскими монахами⁴¹.

В связи с этим можно утверждать, что для создания перечня «десяти добродетелей благовоний» была использована буддийская традиция выделения подобных списков в качестве общей схемы. Что касается содержания, то можно выявить влияние философских воззрений и литературно-художественных идей Хуан Тинцзяня. Если исходить из того что к созданию списка мог быть причастен монах Иккю Со:дзюн, то можно сказать, что текст «Десять добродетелей благовоний» определенно создавался под сильным культурным воздействием дзэнской школы Пяти монастырей в Японии.

⁴⁰ Здесь использован творческий псевдоним Хуан Тинцзяня – «Старец из горной долины» (山谷老人 *Шаньгу лаозжэнь*).

⁴¹ Любопытно, что одежда чайных мастеров, надеваемая на официальных церемониях, называется «десять добродетелей» (十德) [Сунь Лян, 2018, с. 45].

Кем бы ни был автор текста, это не простое перечисление функций и достоинств благовоний – сочинение представляет собой высокоуровневое обобщение присущих ароматам характеристик. За ним стоит сложная и кропотливая работа, связанная с анализом и классификацией многих явлений традиционной культуры – философии, религии, медицины, этических и эстетических взглядов, коммуникативных представлений, через изучение которых можно выявить закономерности цивилизационного взаимодействия материка и архипелага, адаптации и эволюции культурных кодов.

Литература

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая древесина аквиларии в буддийских и даосских практиках Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 4: Востоковедение. С. 44–52.
- Войтишек Е. Э.** Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. 2-е изд., испр. и дополн. 311 с., 44 с. илл.
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Рябышев П. Д.** «Ароматические печати» в китайском эзотерическом буддизме // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Мат-лы V Междунар. науч. конф. 7–8 окт. 2022 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. С. 21–32. DOI 10.25205/978-5-4437-1405-9-21-32
- Горегляд В. Н.** Японская литература VIII–XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 416 с. (Orientalia)
- Дзимбо Хироюки.** Ко:до:но рэкиси дзитэн [神保博行. 香道の歴史事典]. Словарь по истории искусства благовоний. Токио: Касива-сёбо, 2003. 454 с.
- Игнатович А. Н.** «Десять ступеней бодхисаттвы» (на материале сутры «Цзинь-гуанмин-цзюйшэ-ванцзин») // Психологические аспекты буддизма / Отв. ред. Н. В. Абаев. Новосибирск: Наука, 1986. С. 69–90.
Ко:до: ран-но эн [香道蘭之園. 尾崎佐永子、薰遊舎校注]. Сад орхидей искусства благовоний / Под ред. Одзаки Саэко и Кунъюся. Киото: Танко:ся, 2003. 459 с.
- Онищенко В. А.** Иккю Содзюн и «Рассказы об Иккю»; Рассказы об Иккю. Избранное // Человек и культура Востока: исследования и переводы, 2010 / Сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. 257 с.
- Предания о дзэнском монахе Иккю по прозвищу «Безумное Облако» / Пер. с яп. В. А. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2014. 464 с.
- Сунь Лян.** Сян чжи. Сян шэн Хуан Тинцзянь [孙亮. 香志 — 香圣黄庭坚]. Записки об ароматах. Благоуханный мудрец Хуан Тинцзянь. Пекин: Чжи ши чаньцюань чубаньшэ, 2018. 120 с.
- Цуногава садо: дайджитэн [角川茶道大辞典]. Энциклопедия Цуногава по чайному искусству / Под ред. Хаясия Тацусабуро: в 2 т. Киото; Токио: Цунокава сётэн, 1991. Т. 1. 1360 с.

- Штейнер Е. С.** Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 283 с.
- Штейнер Е. С.** «Ветка сливы» Иккю // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе / Сост. и отв. редактор Н. И. Пригарина. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Штейнер Е. С.** Иккю Содзюн: творческая личность в контексте средневековой культуры. М.: Наука, 1987. 275 с.
- Шэнь Фу.** Шесть записок о быстротечной жизни / Пер. с кит., предисл. и коммент. К. И. Гольгиной. М.: Наука, 1979. 152 с.
- Steiner E. S.** *Zen-Life: Ikkyu and Beyond.* Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 475 p.

Elena E. Voytishek¹, Alina V. Zinchenko², Yao Song³

^{1,2}*Novosibirsk State University, Novosibirsk,
Russian Federation*

¹*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³*Bochen Agency, Dalian,
Peoples Republic of China*

“TEN VIRTUES OF INCENSE” IN BUDDHIST TRADITION OF CHINA AND JAPAN

Abstract: This article is based on the text known as “Ten Virtues of Incense” (香十德 *Xiang shí de*) written during the Song dynasty (960–1279). In this text, the fundamental functions of incense, manifesting in everyday life and Buddhist ceremonies, are listed in a metaphorical form. This short text, consisting only of 40 Chinese characters, over time, has become one of the fundamental works of traditional Chinese and Japanese culture, exerting its influence on the Chan and Zen practices of Buddhist masters, as well as on the arts of tea and incense. The question of authorship adds extra intrigue to the phenomenon of this text’s diffusion within East Asian culture: its creation is attributed to the Chinese poet Huang Tingjian (黃庭堅, 1045–1105) as well as to the Japanese Zen master Ikkyū Sōjun (一休宗純, 1394–1484), and their fellow disciples who played a significant role in the development of tea and olfactory practices, poetry, calligraphy, and painting. Their artworks should also be considered within the context of the Chan/Zen religious philosophy and the Buddhist artistic tradition of the Five Mountains.

Keywords: “*Ten Virtues of Incense*”, *Huang Tingjian, Ikkyū Sōjun, Buddhist culture, China, Japan.*

Игорь Вадимович Базиленко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
i.bazilenko@spbu.ru*

ПОСОЛЬСТВО А. П. ВОЛЫНСКОГО В ПЕРСИЮ (ИРАН) НАКАНУНЕ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА 1722–1723 гг.

Аннотация: Статья посвящена миссии 1715–1717 гг. под руководством А. П. Волынского, перед которым стоял широкий спектр различных задач: от сбора стратегической информации и заключения торгового трактата до создания консульской службы и постоянного представительства Русской православной церкви в Иране. Сделан вывод о том, что решение о подготовке к началу знаменитого Персидского похода российский император принимал в значительной степени исходя из доверия к сведениям и выводам своего посланника.

Ключевые слова: *российско-иранские отношения, А. П. Волынский, Персия (Иран), Пётр I, Персидский поход, шах Султан-Хусайн, Мир Махмуд.*

XVIII в. ознаменовал новый этап в российско-иранских отношениях, связанный прежде всего с активизацией европейской внешней политики на Востоке вообще и российской политики в частности. Это было обусловлено не только изменением международной обстановки и обострением пресловутого Восточного вопроса, но и сложной внутривосточной ситуацией, в которой оказался Иран в первой четверти XVIII в.

В зарубежной и отечественной историографии зачастую принято рассматривать Восточный вопрос как вопрос, связанный исключительно с отношением европейских государств к Османской империи, которая в XVIII в. столкнулась с рядом серьезных проблем и вступила к концу столетия в стадию распада.

Не ставя под сомнение приоритетное значение борьбы государств Западной Европы и России за «турецкое наследство», представляется вполне оправданным рассматривать Восточный вопрос в более широком контексте борьбы евродержав за контроль над регионами Ближнего и Среднего Востока. Восточный вопрос всегда содержал несколько составляющих, таких как Средиземноморский вопрос (соперничество за господство в Средиземном море и на его

побережье), Балканский вопрос (борьба за контроль над Балканским полуостровом, осложнявшаяся национально-освободительным движением народов), Арабский вопрос (борьба арабов за независимость от османских правителей) и др. В рамках Восточного вопроса следует рассматривать также Кавказский и Персидский вопросы, которые со временем приобрели чрезвычайную актуальность.

Персидский вопрос, связанный с борьбой держав за преобладание в Иране, на Кавказе, в Средней Азии и в Индии, был традиционно обусловлен устойчивым многовековым стремлением России и Европы использовать Иран как противовес Османской империи. Успеху в реализации этого стремления способствовали суннитско-шиитские религиозные противоречия, осложненные наличием подвластных султану общемусульманских святынь в Хиджазе и основных шиитских святынь в Ираке, территориальные споры, вызванные отсутствием общепризнанных сухопутных и водных границ между Османской и Сафавидской империями, проблема исторического Курдистана и ряд других болезненных вопросов. Турецко-иранское региональное противостояние Великобритании, Франция и Россия неизменно использовали в своих интересах с большей или меньшей эффективностью в зависимости от активности противодействия соперников и складывавшейся вследствие этого международной обстановки.

Для России начало нового этапа отношений с Ираном стало связано с решительными преобразованиями во всех сферах общественной жизни страны и ее внешней политике при молодом и энергичном Петре I (1672–1725), который активно действовал на Западе и на Востоке.

В 1695 г. цари-соправители Иван и Петр отправили купца гостинной сотни Семена Мартыновича Маленького (Маленьков, ум. 1702) с товарищами и грамотами к шаху в Иран и Великому Моголу в Индию. С. М. Маленькой проехал весь Иран, побывал в столичном Исфахане и через иранский Бандар-Аббас отправился в Индию. Он в целом выполнил данное поручение, испытав множество тягот и приключений. На обратном пути после пятилетних странствий С. М. Маленькой скончался в Шемахе (по другим свидетельствам, в Астрахани), его дневник пропал. Все подробности об этом путешествии известны благодаря записям, сделанным в канцелярии Сената со слов его спутника Андрея Семенова, которого разыскали в 1716 г. во время подготовки к экспедиции А. Бековича-Черкасского (уб. 1717) и А. И. Кожина (даты жизни неизвестны).

Легкому вовлечению Ирана в орбиту интересов могущественных держав промышленно развивающейся Европы способствовало объективное ослабление страны, вызванное во многом, как это часто бывало на протяжении иранской истории, вполне субъективным фактором – многочисленными и систематическими ошибками в управлении страной совершенно неподготовленного к исполнению своих прямых обязанностей монарха, пришедшего к власти благодаря капризу придворных евнухов. Отказавшись от основ политики веротерпимости, заложенной Аббасом Великим, шах Султан-Хусайн устроил гонения на суннитов в Курдистане, Афганистане, Северном Азербайджане и на Кавказе. В дальнейшем именно под лозунгами суннизма развернулось самое грозное антигосударственное выступление афганцев-гильзаев, лидер которых правитель Кандагара Мир Вайс (1673–1715) во время хаджа¹ получил разрешение мекканских суннитских богословов на поднятие восстания против государя-шиита.

С 1709 г. афганцы-гильзаи отказались признавать власть Сафавидов, захватили Кандагар, вырезали местный гарнизон и убили шахского наместника. На севере Ирана многие местные правители отказались подчиняться шаху и решили отложиться от центральной власти. Усилила свое влияние в регионе Турция. Многие кавказские князья формально признали власть турецкого султана, подобно вождям Сурхай-хану казикумукскому и хаджи Давуд-беку лезгинскому, которые в 1712 г. захватили Ширван и во время разграбления Шемахи убили около 300 русских купцов.

В 1715 г., желая укрепить позиции России на Востоке и расширить отношения с Ираном, деятельный российский император отправил в Исфахан освобожденного из турецкого плена полковника Артемия Волынского (1689–1740), который был призван подготовить торговый трактат с иранской стороной для предоставления значительных льгот отечественным купцам. Поскольку отношения с Османской империей к этому времени были окончательно испорчены, Петр рассматривал Иран как таковой в качестве страны возможной транзитной торговли с Индией, сулившей огромные прибыли России. Однако и торговле с самим Ираном необходимо было тоже уделять должное внимание. Император хотел учредить в Персии собственно русское торговое общество, поскольку традиционные посредники в иранской торговле – армяне – систематически нарушали свои обяза-

¹ Хадж (правильно «хадждж») – обязательное паломничество в Мекку и Медину, считающееся одним из пяти столпов ислама.

тельства не торговать шелком с другими европейскими купцами, кроме русских.

В послании к иранскому шаху российский император впервые высказал мысль о необходимости постоянного представительства православной церкви в Иране. В составе посольства А. П. Волынского находился в качестве священника миссии иеромонах Иларион (Рогалевский, ум. 1742)².

В 1716 г. российский император послал поручиков флота А. И. Кожина и В. А. Урусова (ок. 1690–1741) описать берега и притоки восточной части Каспийского моря, промерить глубину, нанести на карту мели и т. д. Их описи и карты впоследствии почти целиком вошли в первую подробную карту Каспийского моря 1720 г.

Экономическое положение в Иране тем временем все больше осложнялось вследствие неразумной налоговой политики иранского руководства, пытавшегося восполнить сокращение доходов от внешней торговли шелком (произошедшее по не зависящим от иранцев объективным обстоятельствам) путем безудержного роста прежних и введением новых налогов. Иранский шах Султан-Хусайн оказался несостоятельным правителем, которого А. П. Волынский весьма характерно обрисовал в донесении канцлеру: «...Он не над подданными, но у своих подданных подданный. И чаю редко такова дурачка мочно сыскать и между простых, не токмо ис коронованных. Того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего помощника ехтема-девлета, который всякого скота глупее, однако же у него такой фидори (фаворит. – И. Б.) что шах у него изо рта смотрит и, что велит, то делает...»³.

Кадровая политика нового шаха и положение дел в некогда хорошо отлаженном государственном аппарате Сафавидской империи также оставляли желать лучшего. А. П. Волынский красноречиво свидетельствовал об этом в своих донесениях в Санкт-Петербург: «Истинно не знают дела и как их делать. И к тому же и ленивы, что о деле часа одного не хотят говорить, и не токмо посторонние, но и свои

² С 1732 г. архиепископ Казанский и Свяжский, с 1735 г. архиепископ Черниговский. В 1737 г. арестован «за дерзостные слова», указом Синода освобожден, и было начато следствие. В мае 1738 г. по прошению уволен на покой в Киево-Печерскую лавру. Был вызван в Синод по своему делу, скончался по пути в 1742 г. в Твери и был погребен в Отроче Успенском монастыре [Русский биографический словарь, 1897, с. 83–84].

³ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 77: Сношения России с Персией. 1743. Оп. 1. Д. 2. *Волынский А. П.* Донесения. Л. 200 об.

у них так же идут безвестно, как попало на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого *так* свое государство раззорили, что, я чаю, и Александр Великий в бытность свою не смог войною так разорить. И чаю, что *сия* корона к последнему разорению приходит, ежели не обновитца иным шахом, понеже со всех сторон как езбеки, так и прочие в свою волю воюют, но не только от неприятелей, но и от своих ребелизантов (бунтовщиков. – И. Б.) оборонитца не могут. И уже редкое место осталось, где бы не было ребелей (восставший. – И. Б.). И тако один от другога все пропадает»⁴.

Состояние сафавидской казны А. П. Волынский оценил как плачевное: «Вместо богатства великую скудность имеют, что я довольно видел и слышал от известных, что все государство не имеет доходов, разве 6 миллионов, и то с нуждой, может быть. Прежде сего хотя и немалые были (как я слышал, что собиралось миллионов 15 и больше), однако же то ныне упущено от непорядочных управителей»⁵.

В преддверии Персидского похода посланец Петра особое внимание уделил военным делам. Волынский невысоко отозвался о боеспособности иранской армии и объяснил это обстоятельство тяжелым экономическим положением и финансовыми трудностями Ирана: «Многие войска в поход иттить не хотят для того, что жалования не дают»⁶; «...Понеже ныне казенные палаты стали пусты и войскам платить нечем, того ради, как сказывают, что спасалар (искаж. перс. «сепасалар» – главнокомандующий. – И. Б.), который ныне в Тавризе, сколько ни навербует войску, то паки все разбегутца оттого, что жалованье не дают»⁷.

Надо признать, что Волынскому удалось исполнить не все указы императора. Он не добился от шаха Султан-Хусайна разрешения построить православную церковь в Иране, но открыл важную восточную страну для русской торговли. Российско-иранский договор от 30 июля 1717 г. разрешил отечественным купцам свободную торговлю во всех провинциях Ирана и защитил их права: местные чиновники не могли забирать даром часть понравившихся им товаров, а обязывались приобретать их. Во внутренних иранских областях российские торговцы платили только установленные пошлины при отмене иных

⁴ Там же. Л. 201 об.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Персидские дела. 1715. Д. 2. Волынский А. П. Донесения. Л. 577а.

⁶ РГАДА. Ф. Персидские дела. 1715. Д. 2. Л. 310 об.

⁷ Там же. Л. 318б.

поборов и получили право покупки любого шелка-сырца без ограничений при равном налогообложении с иранскими купцами.

В главную заслугу А. П. Волинскому можно поставить то, что он создал российскую консульскую службу в Иране и добился наличия при шахском дворе отечественного представителя (резидента). При консульствах были учреждены должности консульских священников для духовного окормления русских консулов, сотрудников и торговых людей.

Поскольку Волинский успешно выполнил основное поручение императора по подробному изучению состояния сафавидского государства, по возвращении в Россию в 1718 г. он был произведен в генерал-адъютанты, а через год назначен губернатором во вновь учрежденную Астраханскую губернию.

В 1718 г. секретарю Ориентальной экспедиции итальянцу Флорио Беневени, принятому в 1708 г. на русскую службу послом в Константинополе П. А. Толстым (1645–1729) в качестве переводчика с восточных языков, было поручено возглавить дипломатическую миссию в Персию и Бухару. В 1718–1725 гг. он находился в длительном и опасном путешествии, во время которого вел дневник, собирал многочисленные сведения по истории, географии, политике и о народонаселении Ирана и Средней Азии (см. [Воловников, 1986]).

В 1719 г. на Каспий по приказу Петра I был отправлен капитан-лейтенант Карл Петрович Верден (ум. 1731), голландец, штурман шведского флота, взятый в плен в 1703 г. и перешедший на русскую службу. Вместе с лейтенантом Ф. И. Соймоновым (1692–1780) в течение нескольких месяцев они продолжали дело, начатое В. А. Урусовым и А. И. Кожиным, – изучали берега, замеряли глубины и описывали острова неизвестного моря с задачей найти надежный торговый путь от Москвы в глубь Азии.

В 1720 г. Ф. И. Соймонов и К. П. Верден описали западный и южный берега Каспийского моря. В результате им удалось составить подробную карту Каспийского моря, отправленную в Парижскую академию наук в 1721 г. под названием «Хартина плоская генеральная моря Каспийского»⁸.

⁸ Окончательно работа Ф. И. Соймонова по описанию Каспийского моря при участии лейтенанта Пьера Дефремери была закончена в 1726 г. Кроме карты Каспийского моря, он издал «Описание Каспийского моря, от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого».

К 20-м гг. XVIII в. политическая карта Европы претерпела значительные изменения. После победоносного завершения Великой Северной войны 1700–1721 гг. Россия стала влиятельной мировой державой с подлинно европейской столицей империи на берегах Балтийского моря. После успехов в Европе российский император вновь заинтересовался Востоком.

Сведения о плохом внутривосточном положении в Иране, доставленные в Санкт-Петербург Волынским, вскоре получили подтверждение.

В 1720 г., воспользовавшись тяжелым кризисом, в котором пребывал Иран, сын афганского бунтовщика Мир Вайса Мир Махмуд (1699–1725) отправился с войском к Исфахану. Первая попытка захватить столицу закончилась неудачей: афганцев разбили. Но в 1722 г., после того как шах сместил своего талантливого полководца по подозрению в заговоре и распустил войско, Мир Махмуд вернулся и осадил город, из которого с частью воинов сумел вырваться лишь наследник престола Тахмасп-мирза.

Шах Султан-Хусайн, неспособный справиться с повсеместными мятежами в стране, трижды отправлял послов к России за помощью, и в 1721 г. Петр отдал распоряжение астраханскому губернатору А. П. Волынскому подготовить все необходимое к Персидскому походу.

Петр I планировал выступить из Астрахани, идти берегом Каспия, захватить Дербент и Баку, дойти до р. Куры и основать там крепость, оказать грузинам помощь в борьбе с Османской империей и оттуда вернуться в Россию. Казань и Астрахань превратились в основные центры организации Персидского похода. Для предстоящего похода из 80 рот полевых войск было сформировано 20 отдельных батальонов общей численностью 22 тыс. человек пехоты. По распоряжению царя в Казанском адмиралтействе было построено около 200 транспортных кораблей для пяти тыс. матросов [Броневский, 1996, с. 67].

15 июня 1722 г. император прибыл в Астрахань, где обнародовал манифест, в котором объяснялось на нескольких языках, что Россия выступает против мятежников с целью защиты российских подданных и их торговых интересов в регионе [Базиленко, 2017, с. 312–315]. Согласно переговорам, которые вели российские представители, за военную помощь законному престолонаследнику Иран должен был уступить России ряд городов и провинций по западному побережью Каспия. Петр решил пехоту переправить морем, а семь драгунских полков общей численностью 9 тыс. человек под командованием ге-

нерал-майора Г. С. Кропотова (ум. 1730) отправить по суше из Царицына.

Для России было чрезвычайно важно не допустить захвата всего региона войсками Османской империи. 25 июня 1722 г. русскому резиденту в Исфахане Семену Аврамову (1696–1735) Петр I писал, чтобы тот дал следующее разъяснение шаху: «Что мы идем к Шемахе не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали. И ежели им при сем крайнем разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и очистить от всех их неприятелей и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всю Персиею завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, ни себе оную владеть»⁹.

18 июля 1722 г. вся флотилия численностью 274 корабля вышла в море под начальством генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (1661–1728). 20 июля флот вошел в Каспий и неделю следовал вдоль западного берега.

Государственной канцелярией в Персидском походе заведовал отец последней фаворитки императора выдающийся государственный деятель и ученый Д. К. Кантемир (1673–1723). По его инициативе была образована специальная типография с арабским шрифтом, в которой напечатали сочиненный и переведенный Кантемиром манифест Петра I к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках. В перерывах между военными действиями Д. К. Кантемир занимался рядом географических, исторических, археологических исследований, собирал материалы по истории Дагестана, изучал древние памятники Дербента¹⁰.

⁹ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 30. Л. 151.

¹⁰ Будучи заложником турецкого султана в Константинополе в 1687–1691 гг., Кантемир изучил турецкий и персидский языки, благодаря чему занимал впоследствии в Османской империи высокие должности. В 1710 г. назначен султаном Ахмедом III (1703–1730) Господарем Молдавии с обязательством подготовки молдавской армии к войне с Россией. Стремившийся к освобождению Молдавии от османского ига, Кантемир направил в Россию тайного посла Штефана Луку, вступившего в переговоры с Петром I о совместной борьбе с Турцией. В 1711 г. при участии Кантемира был составлен план договора о добровольном вхождении Молдавии в состав России на правах автономии, об установлении на ее территории наследственной монархии Кантемиров, призвал население Молдавии к поддержке Прутского похода Петра I. 22 июля 1714 г. Кантемир был избран членом Прусской АН, содействовал образованию Санкт-Петербургской АН. Фундамен-

27 июля пехота высадилась у Аграханского мыса ниже устья р. Койсу. Через несколько дней прибыла кавалерия и соединилась с главными силами. 5 августа русская армия продолжила движение к Дербенту, 8 августа переправилась через р. Сулак. 15 августа войска подошли к Таркам, а 19 августа было отбито нападение десяти тысячного отряда Отемишского правителя Султан-Махмуда (ум. 1748). 23 августа войска без боя заняли Дербент, который был стратегически важным городом, поскольку прикрывал береговой путь вдоль Каспия. 28 августа к городу стянулись все русские силы, в том числе и флотилия. Дальнейшее продвижение на юг приостановила сильная буря, которая потопила все суда с продовольствием¹¹. После этого Петр I решил оставить гарнизон в Дербенте и вернулся с основными силами в Астрахань, где начал подготовку к кампании 1723 г. Это был последний военный поход, в котором он принимал непосредственное участие [Броневский, 1996, с. 69].

Пока шах Султан-Хусайн сопротивлялся афганцам в осажденной столице, русская армия вела бои с местными правителями в Дагестане и в окрестностях Дербента. В октябре 1722 г., когда большая часть армии возвратилась в Астрахань, царь получил известие от российского консула о том, что гилянцы просят прислать русские войска для защиты провинции от бунтовщиков. По распоряжению Петра два батальона под командованием полковника Шипова заняли Решт и с переменным успехом разрушали замыслы местных честолюбцев, стремившихся к независимому правлению в Гиляне¹². Почти одновременно с этим событием пришло известие о падении столичного Исфахана и передаче Султан-Хусайном знаков шахской власти и ключей от города главарю афганцев Мир Махмуду.

тальный труд Кантемира «Книга Систима или состояние мухаммеданския религии» была написана в 1719 г. на латыни, переведена на русский и издана в январе 1723 г. Подробно см.: [Базиленко, Воднева, 2012].

¹¹ В результате вместе с фрегатом утонуло и было навсегда утрачено второе значительное рукописное сочинение по истории ислама первого европейского исламоведа Д. К. Кантемира «История магометанская со времен ложного пророка Магомета до первого Императора турецкаго».

¹² Получив только 2 батальона пехоты, Шипов посчитал свое войско слишком малым и попросил императора о подкреплении для защиты обширной провинции. «Не дам, – лаконически ответил ему Петр. – Стенька Разин с пятьюстами казаков не боялся персиян, а я даю тебе два батальона регулярных» [Потто, с. 31–32]. Позже, в марте 1723 г., когда местный рештский хан поднял мятеж и силами в 15 тыс. человек попытался выбить занимавший город отряд Шипова, все атаки иранцев были успешно отражены.

Активный участник Персидского похода русский гидрограф Ф. И. Соймонов в своем обстоятельном сочинении «Описание Каспийского моря» откровенно написал: «Все счастье бунтовщика зависело от худого военного состояния персидского государства, которое во время правления шаха Хусейна в такой пришло упадок, что не иначе как с великим трудом набрать войско было можно, когда оно было набрано, то несогласие между начальниками предупреждало все добрые намерения» [Соймонов, 1963, с. 157].

Незадолго до капитуляции шах отправил к царю посла с просьбой о помощи и предложением военного союза, но император к этому времени уже вернулся в Санкт-Петербург, и послу пришлось отправиться в Россию [История Ирана, 1977, с. 201].

Во время кампании 1723 г. в Иран был послан значительно меньший отряд под командованием генерал-аншефа М. А. Матюшкина (1676–1737), а Петр I руководил действиями Матюшкина из России. В походе принимали участие 15 гекботов, полевая и осадная артиллерия, а также пехота. 20 июня отряд двинулся на юг, вслед за ним из Казани вышел флот из гекботов. 6 июля сухопутные войска подошли к Баку. На предложение Матюшкина добровольно сдать город его жители ответили отказом. 21 июля четырьмя батальонами и двумя полевыми орудиями русские отбили вылазку осажденных. Тем временем семь гекботов встали на якорю рядом с городской стеной и начали вести по ней плотный огонь, тем самым уничтожив крепостную артиллерию и частично разрушив стену. 25 июля был намечен штурм со стороны моря через образованные в стене проломы, но поднялся сильный ветер, который отогнал российские суда. Жители Баку успели этим воспользоваться, заделав в стене все бреши, однако 26 июля 1723 г. город капитулировал без боя [Броневский, 1996, с. 71].

12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключен российско-иранский договор, согласно которому за помощь в восстановлении в Иране власти законных Сафавидских шахов и прекращении мятежей иранцы обещали передать России Баку, Дербент и прибрежную полосу Каспия с шелководческими провинциями Гиляном, Мазандераном и Астрабадом. К этому времени Ширваном уже завладели турки, которые с неудовольствием смотрели на усиление роли России в регионе и грозили разрывом дипломатических отношений. Центральным Ираном вместе со столицей распоряжались афганцы, превратившиеся из угнетенных в угнетателей. Престолонаследника признавали формально шахом Тахмаспом II (1722–1732) только в Гиляне, Мазандеране и южном Азербайджане при поддержке русских войск и отрядов кызыл-

башского племени каджаров. Тем не менее он отказался признать русско-иранский договор на том основании, что посланник Исмаил-бек якобы превысил данные ему полномочия, и согласился на российские условия помощи только после того как турецкая армия захватила Ереван, Тбилиси и Керманшах в том же 1723 г.

Петр I объяснял российские территориальные притязания простой необходимостью содержать войско: «Сие требуется для того, когда не будем иметь сих провинций, то нечем нам содержать там свои войска, ежели доходов там с вышеписанных провинций иметь не будем» [Броневский, 1996, с. 71]. Это обстоятельство нашло свое отражение и в вышеупомянутом русско-иранском трактате¹³. В дальнейшем Петр предусматривал возродить в Гиляне прежнюю русско-иранскую торговлю шелком и подготовить местных жителей к принятию российского подданства предоставлением различных милостей и покровительства.

Своим полномочным представителем на присоединенных территориях на Кавказе и в Северном Иране император назначил деятельного участника практически всех своих походов бригадира В. Я. Левашова (1667–1751), поручив последнему заниматься введением новых форм и методов управления. Военный опыт Левашова вскоре пригодился во время нападения местных честолюбцев на Решт, когда, располагая всего шестью батальонами пехоты и пятью сотнями драгун, он принудил двадцатитысячное войско противника снять осаду столицы провинции и уйти ни с чем.

В декабре 1723 г. на основе договора, заключенного в 1717 г. между Россией и Ираном А. П. Волынским, который Петр I ратифицировал в июне 1719 г., а шах Султан-Хусайн – в 1720 г., было основано «Торгующее в Персии купеческое общество», которое действовало с перерывами вплоть до 1762 г.¹⁴

¹³ «И. А насупротив того, Его Шахово Величество уступает Его Императорскому Величеству Всероссийскому в вечное владение Дербент, Баку, со всеми принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондрань и Астробат; и имеют оныя от сего времени вечно в стороне Его Императорского Величества Всероссийского остаться и в его подданстве быть, которья места и провинции Его для того в награду себе желает, дабы оными содержать войско, которое Его Императорское Величество к Его Шахову Величеству против бунтовщиков в помощь посылает, и для того такожде на содержание оногo войска, от Его Шахова Величества денежное споможение не требует». [Советско-иранские отношения, 1946, с. 8–9].

¹⁴ В 1775 г. ее сменила «Российская в Персии торгующая Первая компания».

Во избежание войны с Османской империей в качестве следствия Персидского похода Петра I в 1724 г. был подписан при посредничестве Франции и Великобритании русско-турецкий договор, который закрепил российские и турецкие приобретения в Иране. Стамбульский договор позволил России без помех заняться расширением торговых отношений с Ираном и Индией, а Турции – начать боевые действия против афганцев. После поражения турецкой армии при подходе к Исфахану в 1727 г. был подписан договор, по которому новый вождь афганцев Мир Ашраф (1700–1729) признавал турецкого султана халифом всех мусульман, а султан признавал Мир Ашрафа иранским шахом, находящимся в вассальной зависимости от Османской Турции.

В целом, Персидский поход 1722–1723 гг. можно рассматривать в качестве вполне успешного предприятия Петра I, но современники его таковым не считали, что хорошо заметно в связи с судьбой одного из организаторов и вдохновителей похода – А. П. Волынского. Враги Волынского при дворе объяснили Петру ряд неудач российской армии в 1722 г. якобы недостоверными сведениями, доставленными Волынским, и указали на его взяточничество. Император жестоко наказал Волынского своей дубинкой и уже не доверял ему по-прежнему, несмотря на брак Волынского с двоюродной сестрой государя. Еще до завершения похода он был устранен от дальнейшего участия в нем и лишен большей части военных полномочий.

После смерти Петра в мае 1725 г. Волынский был переведен губернатором в Казань и занимал эту должность с перерывами до конца 1730 г. В ноябре 1730 г. он получил новое назначение в Иран, но, не успев покинуть Россию, был определен военным инспектором при Б. К. Минихе (1683–1767) в конце 1731 г. В 1738 г. Волынского вернули в столицу, где он стал кабинет-министром Анны Иоанновны (1730–1740). Будучи противником «бироновщины», был обвинен в казнокрадстве и тайном умысле свергнуть государыню. Был арестован, подвергнут пристрастным допросам, приговорен к отрезанию языка и «посаждению на кол». Императрица заменила приговор на четвертование. Казнь А. П. Волынского и части его соратников состоялась 8 июля 1740 г. на площади Сытного (Нового, Обжорного, Ситного) рынка на Петровском острове. Волынского четвертовать не стали, отрубили ему сначала одну руку, а потом – голову. Архитектора-составителя первого генерального плана Санкт-Петербурга П. М. Еропкина (1698–1740) и чиновника Адмиралтейской коллегии А. Ф. Хрущёва (1691–1740) также обезглавили. Тела захоронили у ограды

церкви прп. Сампсона Странноприимца на Выборгской стороне. Еще одного деятельного участника Персидского похода знаменитого мореплавателя Ф. И. Соймонова после избиения кнутом отправили на каторгу в Охотский острог, а президента Коммерц-коллегии П. И. Музина-Пушкина (1698–1743) – в Соловецкий монастырь.

Литература

- Базиленко И. В.** Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI – начало XX в.). СПб.: Аргус СПб, 2017. 432 с.
- Базиленко И. В., Воднева О. А.** Ислам как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология: учебное издание. СПб.: РХГА, 2012. 896 с.
- [Броневский С. М.]** Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне / изд., предисл., указ. И. К. Павловой. СПб., 1996. 232 с.
- Воловников В. Г.** Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986. 159 с.
- История Ирана. М., Издательство Московского университета, 1977. 497 с.
- Потто В. А.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. 1.
- Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: Изд-во Министерства иностранных дел СССР, 1946. 216 с.
- Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763. 380 с.
- Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря, от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой». СПб., 1783. 28 с.
- Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб, 1897. Т. 8. 756 с.

Igor V. Bazilenko

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

EMBASSY OF A. P. VOLYNSKY TO PERSIA (IRAN) ON THE EVE OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF 1722-1723

Abstract: The article studies the mission of 1715-1717 under the leadership of Colonel A. P. Volynsky (1689-1740), which faced a wide range of different tasks – from the collection of strategic information and the conclusion of a

trade treatise to the creation of a consular service and a permanent mission of the Russian Orthodox Church in Iran. The author concluded that the decision of the Russian emperor Peter I (1689-1725) to start his famous Persian campaign was primarily influenced by all the information and conclusions that his envoy made during the mission.

Keywords: *Russian-Iranian relations, A. P. Volynsky, Persia (Iran), Peter I, the Persian campaign, Shah Sultan-Husayn, Mir Mahmud.*

Alexander V. Philippov¹, Milana A. Azarkina²

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

¹*PhilAlex2005@mail.ru*

²*777milana@mail.ru*

**JAPAN IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY
THROUGH THE EYES OF RUSSIAN TRAVELER IVAN GONCHAROV
(BASED ON THE LIBRARY COLLECTIONS
OF THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES,
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY)**

Abstract: The article analyzes the perception of Japan in the middle of the 19th century through the eyes of the Russian writer Ivan Goncharov. As secretary of Yevfimiy Putyatin's mission (who concluded the first Russian-Japanese treaty in 1855), he kept travel notes, which later turned into a famous essay about a trip to Japan. The study is based on a rare edition of "Russians in Japan", published in 1855, a few years before the appearance of the famous book "Frigate Pallada". Goncharov's notes marked the beginning of a new stage of awareness about Japan in the Russian Empire. His impressions added new colors to the portrayal of the country of Rising Sun, which Russians already knew from notes about the captivity of Vasily Golovnin (1816) and the three-volume work of the famous German Japanologist Philipp Franz von Siebold (1854).

The valuable edition of Goncharov's notes from the Library of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University (with an inscription from the author to Putyatin) differs from the text in the "Frigate Pallada" that was subjected to severe revision. Unlike this later version, this one, in many ways, resembles the unredacted travel notes made by Goncharov during the Putyatin's mission. Also, Iosif Goshkevich, who mastered the Japanese language during his stay in the country, accompanied Yevfimiy Putyatin as an interpreter. "Russian-Japanese Dictionary" (in fact, it is a Japanese-Russian dictionary) was published by him in collaboration with Tachibana Kosai in 1857. Two copies of this dictionary are available in the faculty's Library (with autographs). One was a gift from Nicholas of Japan, and another - from the faculty teacher Kurono Yoshibumi. The authors aim to familiarize the general public with these rarities of the Library, which date back to the time of the conclusion of the first treaty between Russia and Japan and are directly related to the beginning of Russia's in-depth acquaintance with Japan.

Keywords: *Goncharov, Russians in Japan, Frigate Pallada, Goshkevich, Putyatin, Shimoda Treaty, ethnography of Japan, stereotypes of Japanese behavior.*

JAPAN AND THE WORLD: THE ORIGINS AND HISTORY OF THE DIALOGUE OF CULTURES

The perception of a different culture is always challenging. Usually, contact with something that varied from us activated in the human's mind the concept of "Us and them". For the Russian people, this concept is some persistent search for a deep harmony rather than a contradiction. Due to the long-standing ties between Russia and the East on the steppe borders, Asian cultures could be more familiar to Russians than to the Europeans up until the 19th century. However, the first real acquaintance with Japan in the middle of the 19th century shocked Russian people as something completely new. The contact with such a unique culture and mentality felt like a step into the unknown and required deep immersion to understand them. From the beginning of the 17th century until the middle of the 19th century, the Japanese policy of seclusion made the country completely isolated from the rest of the world. An exception was made only for the Dutch trading post in Japan. The reopening of the Japanese ports for international trade occurred only in the middle of the 19th century.

In Russia, the early mentions of Japan date back to the middle of the 17th century (1643, 1678). Success in the development of Siberia largely contributed to the search for trade paths with Japan and laying an overland route there. The Russian government intensified the policy in this sphere during the reign of Tsar Peter the Great (1710). A significant contribution belonged to the pioneer Cossacks, who traveled across Siberia by land, went by boats on the Amur River, and looked for ways to the Pacific Ocean. Japanese sailors rescued after shipwrecks also stirred up interest in Japan. All of this eventually led to the establishment of a Japanese language school in St. Petersburg more than 300 years ago. Since the reign of Peter I, the Russian authorities deeply cared about initiating political and trade contacts with Japan. Russian envoys, including official ones, repeatedly visited Japan (1738-1742 Spanberg, 1792-1793 Laxman, 1803-1806 Ryazanov, 1810-1811 Golovnin), although they were not successful at that time.

In 1843, the Russian government developed an innovative plan on how "to establish relations with Japan." However, like many plans before this one, it was waiting for the execution about ten years. The final decision to start the Putyatin's mission (1853-1855) can be characterized as forced and almost urgent due to sudden changes in the international situation.

The Treaty of Shimoda (The Treaty of Peace and Friendship between Japan and Russia, 日露和親条約), signed by Putyatin in 1855, was the result of almost a century and a half of efforts to find a way to establish trade with the Japanese (1710-1855).

The Treaty of Shimoda in 1855 laid the foundation for Russia and Japan relations. Putyatin's mission included Secretary Goncharov (outstanding Russian writer, author of the well-known novel *Oblomov*, 1859) and dragoman and adviser Goshkevich. The Russian public had already read the impressions of Golovnin's stay in Japanese captivity (edition of 1816), but the situation in the middle of the 19th century was already crucially different. The Putyatin's mission was greatly influenced by the outstanding European Japanologist, German scholar Philipp Franz von Siebold, who was invited to St. Petersburg as a consultant during the preparation of the expedition. The translation in Russian of his *opus magnum* was published in

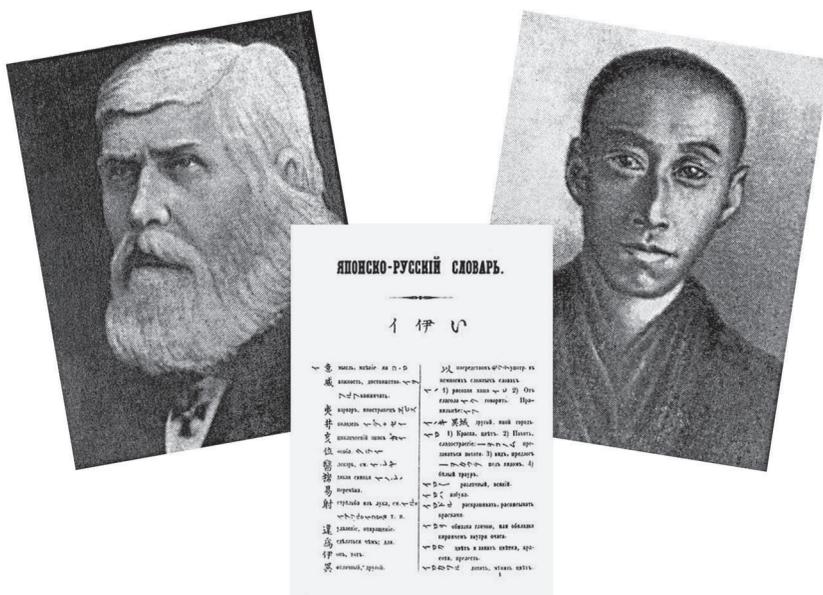

Fig. 1. Portraits of Iosif Goshkevich and Tatibana Kosai [Ivanova, 1993]. In the middle there is the first page of the dictionary [Goshkevich, 1857] (*From the Library collection of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University*).

Fig. 2. Two copies of the Russian-Japanese Dictionary, 1857, by Joseph Goshkevich. Title pages include gift inscriptions (mistakenly called “Russian-Japanese dictionary” on the title) [Goshkevich, 1857] (From the Library collection of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University).

three volumes in 1854 (based mainly on Siebold’s materials) and prepared the Russian people for the perception of information about Japan. After the Putyatin’s mission, **Impressions of Japan by Ivan Goncharov** and **Japanese-Russian dictionary by Iosif Goshkevich** appeared.

The article intends to present some remarkable observations of the mission’s participants concerning Japan and their acquaintance with the new exotic culture. It focuses on the rare materials from the collection of the Library of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University, mainly on the first edition of the book “Russians in Japan” [Goncharov, 1855].

The well-known Goncharov’s travelogue “Frigate Pallas (Pallada)” was published in 1858. However, some parts of it came out three years before, in 1855, on pages of the journals “Otechestvennyye zapiski”, “Morskoi sbornik” etc., immediately after returning from Japan. In the same 1855, materials from “Morskoi sbornik” appeared as a 237-page book entitled “Russians in Japan” [Goncharov, 1855]. Compared to the later version, this

Fig. 3. The book “Russians in Japan” by Ivan Goncharov [1855]. Title page with turnover; flyleaf; cover; first page with the text (*From the Library collection of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University*).

text felt rather raw, unpolished, and almost unredacted, more like a travelogue and less like fiction stylized as travel notes.

The article overviews the most outstanding fragments of this rich and jewel-like edition, representing the first-sight intercultural communication between official representatives of Russia and Japan. This version of Goncharov’s notes does not indicate any signs of editing to present a unified conception or ideology, does consist of many repetitions of some topics, and lengthy reflections of the author, excluded from the later text.

This study is based on the edition of the “Russians in Japan” from the Library of the Faculty of Asian and African Studies (St. Petersburg State University), signed by the author as a gift to Vice Admiral Count Putyatin “Yours from Yours. To His Excellency Yevfimiy Vasilyevich Putyatin as the most respectful offering from the author”. This version of the text, titled “Russians in Japan at the beginning of 1853 and the end of 1854 (from travel notes) by I. Goncharov”, was published in St. Petersburg, in the printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1855 [Goncharov, 1855].

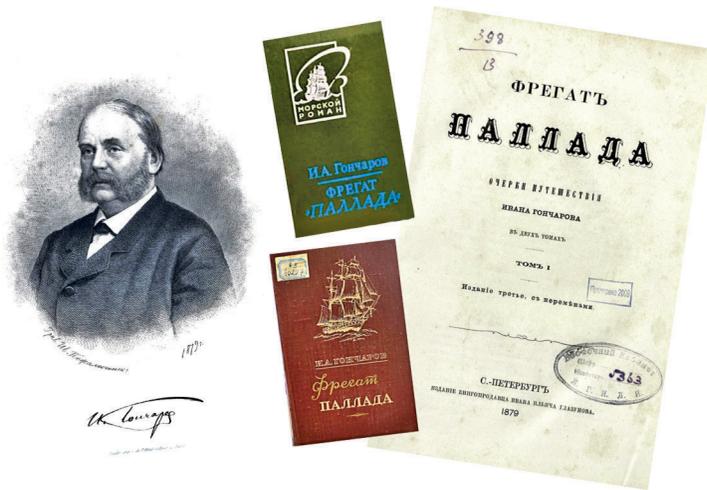

Fig. 4. Portrait of Ivan Goncharov [Goncharov, 1879]. Title page of the 3rd edition of "Frigate Pallada" 1879 [Ibid.]; covers of reprints of the book in the second half of the 20th century (*From the Library collection of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University*).

Goncharov became the secretary of the mission, taking upon himself the duties of keeping a diary throughout the journey, recording impressions about nature, everyday life, and national customs accompanied by his judgments and opinions. How did the writer agree to become a secretary, and to what extent was his character suitable? Goncharov's contemporaries did not understand his agreement to go on a mission. We should also recall Goncharov's well-known literary character, the famous lazybones Oblomov (whose features, thanks to a partial publication, readers already knew). It is appropriate to note that Oblomov, as a character, was probably very close to his author; Goncharov, in his aspirations. Goncharov even had the nickname "Prince de Laziness" in the literary circle. Contemporaries perceived him as a real Russian *barin* who loves comfort and delicious food. It was a shock for everyone, who knew him even a bit, when he suddenly went to work as a secretary on a diplomatic mission to an almost unknown country, making a dubious and risky step far beyond his everyday life. Friends did not understand Goncharov. Here are the words from the memoirs of Goncharov himself, how he came to this decision: "To go... and it wasn't in my head... I was joking, and yet fate has seized me in its claws, and now I am the

victim of my joke.” As a result, an exciting essay, “Frigate Pallada” appeared, becoming a “window into the exotic” for Russian readers [Azarkina].

The head of the mission, Putyatin, was instructed to act in the friendliest tone. Negotiations with the Japanese continued from August 1853 to April 1854. However, the outbreak of the Crimean War in Russia prevented the treaty’s conclusion. Goncharov noted: “It was necessary to think about protecting the frigate and the honor of the Russian flag, therefore, our voyage, aimed at a peaceful and definite goal, changed...with this, the need for me also ceased.” As a result, Goncharov went to St. Petersburg by land through Siberia. Putyatin returned to Japan at the end of 1854 on the frigate “Diana” and then, on January 26, 1855, the Treaty of Shimoda, the first-ever treaty between Russia and Japan, was concluded.

Here and further we will discuss the main elements of the image of Japan and Japanese people that attracted Goncharov’s attention during his stay in the country with Putyatin and other members of the Russian delegation.

JAPAN AND THE JAPANESE THROUGH THE EYES OF GONCHAROV

Nature and wilderness, lack of human fuss

The expedition arrived in Japan on August 10, 1853, but it took a month of waiting for permission to enter the harbor (the ship had to drift offshore). Thus, the mission participants could only admire the landscape from the frigate. The views of the islands from the sea seemed unreal, like theatrical scenery. In one sentence, Goncharov managed to tell about the emotions evoked: “...everything is smiling nature; beyond the hills are truly laughing valleys of fields...” [Goncharov, 1855, p. 8]. However, the silence reigning around the islands was incomprehensible and unusual for the Russians accustomed to the scope and fullness of vivid emotions. With some amazement, the writer noted: “there is no human fuss, there are few signs of life” [Goncharov, 1855, p. 11], “there is no noise, uproar, shouts, songs, in a word, the seething of life” [Goncharov, 2008, p. 335]. This feeling of dissonance, which arose at first glance at Japan, wouldn’t have left Goncharov until his stay in the country ended. Perplexity and understanding, thoughtfulness and admiration were constantly struggling in his soul.

The theme of **nature** repeatedly slips into the notes, not only in the form of contemplation and description of beauty but also as reflections on how everything could be changed and improved in the Russian manner. He sincerely does not like the arrangement of the territories. “In general, the Japanese like to stick their hills with rare trees, which also make them look

like Easter cakes studded with fake roses” [Goncharov, 1855, p. 99]. Therefore, admiring the green meadows, he dreamed how harmoniously the buildings familiar to the Russian eye would fit here. “There, on a high mountain, a monastery would stand... It would be good to have warehouse stores here and there, but here, in a heap, as we have in Kronstadt, ships with a forest of masts would crowd...” [Goncharov, 1855, p. 45]. In a word, he is a real writer who combines excellent observation and rich imagination.

Patterns of behavior

Goncharov’s talent for acute observation and accuracy was especially evident when he described the Japanese themselves. Goncharov noticed **behavior traits** unique to the Japanese people, comparing them with European traditions. He tried to judge everything distantly, as a spectator, not as a guest. And at each ceremony, he regretted that there was no convenient viewing angle [Goncharov, 1855, p. 49]. Irony, even some superiority, is evident in his descriptions.

First of all, the writer and all the Russians were amazed by the tradition of bows and greetings. Despite his amazement, Goncharov accurately described and even brought what he saw into a specific system. So, when meeting strangers, who were the members of the mission, the Japanese, “with their hands on their knees, squatted and bowed, almost to the ground” [Goncharov, 1855, p. 3]. In front of the highest rank “quickly falls to the floor, sits on his heels and bows to the ground”. Goncharov called the constant readiness to greet a unique feature of the nation. “For example, I have never seen a Japanese man walking upright or standing, but always half-bent, with his hands at the ready, on his knees and just looking around to see if it is possible to bow to someone”, the writer caustically remarked [Goncharov, 1855, p. 205].

Clothing

Descriptions of **traditional Japanese garment** are impressive in many aspects. Everything is intertwined here – both amazement and obvious sarcasm. The first Japanese who boarded the frigate were subjected to the most scathing criticism. “They were wearing a blue top, with wide sleeves, and a robe tightly wrapped around the waist and legs. The robe was held by a wide belt. And what else? Nothing yet. No pantaloons, nothing...” [Goncharov, 1855, p. 3]. The all-penetrating gaze of the great Russian writer was extremely sharp. One glance at the guests, and the verdict is ready. Without pantaloons! Like the “X-ray”, the writer managed to get under the “robe” with a critical eye. However, after a thorough acquaintance with the Japanese people, Goncharov said that traditional outfits are much more diverse:

silk robes, skirts, and “mantillas”. Women’s clothing differs little from men’s: “the same skirts, ... tops closed on the upside” [Goncharov, 1855, p. 85]. The author did not hesitate to be sarcastic whenever he saw something new. The ceremonial headdress of the nobles is similar “to ladies’ work baskets, and, perhaps, to the box-buckets with which our women go for mushrooms” [Goncharov, 1855, p. 190]. The words that sound offensive but so vivid and easy to understand. The Russian readers, to whom the notes were addressed, could immediately imagine a garment’s colors and looks. The author did not limit himself only to descriptions of clothes, later in the text, he also tried to offer some reasonable conclusions, explaining that the Japanese ceremonial costume was probably created in order to “sit in it with a sense of importance and seriousness”. Despite all the criticism, Goncharov was greatly impressed by the color scheme of Japanese outfits: soft, delicate, pastel tones that gave mystery and understatement.

Meals and food

Russian readers were fully aware of Goncharov’s craving (as the author of the book about sybarite “Oblomov”) for **delicious food**. “How eager I used to read about dinners in other lands, i.e., among foreigners, delving more and more into all the little things; I said, as you remember, how I had an obsession with having dinner with the Chinese or the Japanese! And now this dream of mine has come true” [Goncharov, 1855, p. 193]. Goncharov is quite generous in describing the dishes and related ceremonies. The Japanese tea ceremony, unfortunately, did not impress him. “The tea is excellent, strong and fragrant, but it seemed to us not tasty enough, since it was without sugar” [Goncharov, 1855, p. 194].

He wrote numerous descriptions of exotic dishes: “boiled rice without salt”, “crayfish vinaigrette”, raw fish cut into “long ribbons”, “pear as if doused with red sweet sauce”, “pastries that tasted like scrambled eggs”, “duck wing with boiled greens” [Goncharov, 1855, p. 197-198]. Unusual sweets: “sweet dough made of some kind of peas”, “blue, white and red sweets that taste partly like potatoes, partly like oatmeal” [Goncharov, 1855, p. 219]. And there were many other things. To a modern man, these dishes seem, if not familiar, then at least understandable, but for the 19th century’s Russia, it seemed strange.

Particularly shocking was the absence of bread and its replacement with rice and the lack of vegetable oil in food. Another necessary clarification from Goncharov as a Russian gourmet: “their portions are so small that for a person with a good appetite any lunch there will not be enough for a snack” [Goncharov, 1855, p.220]. This fact seems to have really puzzled Goncharov.

People and characters, social norms and organization

People occupy the most crucial place in the story of the journey. There are **portraits of individuals and entire groups**. If the Japanese could find out about Goncharov's impressions, if they knew how readers in Russia would perceive them, they might be upset. "I have hardly seen any beautiful faces, but many original ones..." [Goncharov, 1855, p. 29]. **Women also received an unflattering description** and characteristics. Women are "all dark-skinned", "all ugly and black-toothed" [Goncharov, 1855, p. 85]. Describing the Japanese, their faces, and body structure, Goncharov also discussed their ethnogenesis, showing a deep knowledge of anthropology. "Japanese and Chinese are relatives of each other. The same oblong swarthy yellow faces, the same formation of jaws, lips, prominent foreheads and temples, a somewhat flattened nose, black and brown, medium-sized eyes" [Goncharov, 1855, p. 24]. The interest of the enthusiastic Russian researcher was not confined only to the faces or clothes or the appearance of people. It was vital for him to understand and appreciate the soul. He was interested in emotions, thoughts, and actions. However, the Japanese failed again to make a pleasant impression on the writer: "What faces, what expressions on them! Not a single figure looks at us, does not follow us with any interest... Meanwhile, they all fixed their eyes on the wall or the floor and, it seems, bet on who would make the grimace more stupid" [Goncharov, 1855, p. 59]. However, when communicating more closely with the Japanese, Goncharov was surprised to note a lively curious mind, a sense of humor, and the ability to appreciate the small joys of life (for example, food). The Japanese translators who constantly accompanied our delegation significantly influenced the change in his perception.

There were several translators, but the closest communication was with three. Sadagora was an "old, rude cynic", "a kind of nanny assigned to the Dutch and their thunderstorm". Ryoda (*in orig.* Lioda) was a "flattering, bowing rogue" belonging "to the category of old and stagnant Japanese" considering "everything old is beautiful ... everything new ... is sinful". Kichibe was a 25-year-old young man who "has no old hatred for the new and no faith in the Japanese system of government", "...he just serves for a salary" [Goncharov, 1855, p. 86]. Most of all, Goncharov was impressed by communication with the latter. His reasonable judgments, zeal for learning languages, and sincere desire to communicate - everything was attractive to Goncharov. Even the **foxery** of the translator, manifested in the desire to please both sides of the negotiations, did not cause disgust to him. Once, in communication with Goncharov, Kichibe complained that he was tired of

tense negotiations. “I like to do just nothing... to be lying on my side!”– admitted the Japanese. Just like the lazybones Oblomov...

The Japanese’s deviousness and avoidance of clear direct answers both outraged and discouraged. The credential letters were handed over by the Russian side immediately upon arrival in Nagasaki, but the case did not move forward at all. After four months of just hopeless expectations of meeting with real representatives of the Japanese authorities, the delegation members wanted to get at least some clear understanding of what to expect. But there was no clarity in the answers and promises of the Japanese, nothing concrete happened! “We talk, argue among ourselves about what will happen; it is impossible to draw the right conclusion,” Goncharov wrote in frustration. “...You don’t know how and where the Japanese thought will take direction, what lies in his words. All due to the fact that the Japanese adhere to a different faith and beliefs... they use a different philosophy and morality” [Goncharov, 1855, p. 179].

For Russians, Goncharov’s gift to observe and draw political conclusions significantly influenced the perception and understanding of Japan’s **political and social structure** in 1853-1854. He could perceive and express the spirit of the decline of the Tokugawa feudal era. Adherents of the policy of national seclusion for Japan still hoped to prevent changes, but it was already impossible (there was a revolutionary situation on the eve of the Meiji-ishin events). “There will be a lot of trouble with the local government”, “although the people themselves are capable of reforms” [Goncharov, 1855, p. 182]. Readiness for mutual dialogue was indirectly confirmed at the New Year’s reception at the beginning of 1854. All members of the Russian delegation were served a special dish: the membrane of “some kind of snail, with which it sticks to the rocks”. The dish was inedible, but it was a symbol of sympathy and affection. On the sign of such a benevolent disposition, Goncharov sarcastically remarked: “It would be better to say ‘stickiness’” [Goncharov, 1855, p. 195].

Then, the final chord was the words of the host of the reception, the old man Tsutsui Hizen no kami sama (*in orig.* Tsutsui Hizen-no-Kami Sama), the words that clarified that the first Russian-Japanese treaty would be concluded. “We have come for many hundreds ... and you have come from many thousands of miles. We’ve never seen each other, we have been so far apart, but now we’ve met, we’re sitting, talking, and having dinner together. It’s so weird and nice” [Goncharov, 1855, p. 200]. From the Japanese side, Kawaji conducted negotiations on the establishment of trade relations, but Tsutsui was also present at them. “...His every word [Kawaji], the looks of

his eyes, even his manners, all revealed a sound mind, wit, insight and experience” [Goncharov, 1855, p. 223]. Eight or ten meetings took place, and then the Japanese government officials left for Edo, the shogun capital.

The frigate Pallada (with Goncharov onboard) left Nagasaki at the end of January 1854. The first stage of negotiations was completed. Among the significant results of the mission was a lot of new information about Japan, which was geographically close but at the same time highly distant from the cultural point of view. Goncharov then traveled through Siberia, arriving in St. Petersburg in mid-February 1855. The Treaty of Shimoda was signed during Putyatin’s new visit to Japan on the frigate Diana a year later, at the end of January 1855, but without Goncharov.

Japan is “a locked casket, a box with a lost key, a country that people have tried to look into until now, hoping in vain to persuade them to get acquainted, beckoning it with gold, weapons, and cunning politics” [Goncharov, 1855, p. 2]. By the middle of the 19th century, the Japanese people found their lost key and began to share with the surrounding countries the treasures from the casket of the alluring culture of Japan.

INSTEAD OF CONCLUSION

In conclusion, here are a few remarks. Goncharov’s impressions of Japan in their almost raw form, as they are considered above, can sometimes be perceived as sharply critical or even paradoxical. Perhaps someone today could accuse the great writer of a lack of tolerance (which has become so popular today). However, it is appropriate to offer a different point of view. Despite “**external irony**” (sometimes perceived even as sarcasm and superiority), Goncharov is moved by “**inner benevolence**” (a desire to comprehend a different culture and give Russia a chance for dialogue). The first (irony), in the case of Goncharov, is only a form of verbal expression of thoughts. The latter (internal benevolence, friendliness) has almost always been a prevailing feature of Russia’s foreign policy in relations with Japan (and with other countries as well). Unfortunately, Russia’s international partners have not always understood and accepted this point. It is internal goodwill (as in the case of Goncharov) that can greatly benefit establishing a dialogue of cultures.

References

[Azarkina M. A.] “Ehat’ ...I v golove ne bylo... Ya poshutil” [“To Go... and It Wasn’t in My Head... I Was Joking...”]. *Library of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University*. URL: https://vk.com/wall-5982518_410 (accessed 03.05.2023). (in Russ.).

- [Goncharov I. A.] Fregat Pallada. Ocherki puteshestviya Ivana Goncharova [Frigate Pallada. Essays of Ivan Goncharov's Journey. In 2 vol. St. Petersburg, ed. of the bookseller Ivan Ilyich Glazunov, 1879. vol. 1: 415 p., vol 2: 593 p. (first edition 1858) (in Russ.).
- Goncharov I. A. Fregat Pallada [Frigate Pallada]. Moscow, Astrel, 2008, 781 p. (in Russ.).
- Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomah [Complete collection of writings and letters: in 20 vols]. St. Petersburg, Nauka, 1997-.... Vol. 3: Fregat Pallada: Materialy puteshestviya: Ocherki. Predisloviya. Ofitsial'nye dokumenty ekspeditsii [Frigate "Pallas": Travel materials: Essays. Preface. Official documents of the expedition]. St. Petersburg, Nauka, 2000, 847 p. (in Russ.).
- Goncharov I. A. Russkie v Yaponii v nachale 1853 i v kontse 1854 godov (iz putevykh zametok) [Russians in Japan at the Beginning of 1853 and the End of 1854 (from Travel Notes)]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1855, 238 p. (from the "Marine Collection", 1855) (in Russ.).
- [Goshkevich I. A.] Russko-yaponskii slovar', sostavlennyi I. Goshkevichem pri posobii yaponsa Tatsibana no Koosai [Russian-Japanese Dictionary Compiled by I. Goshkevich with the Help of the Japanese Tatsibana no Koosai]. St. Petersburg, publ. by Ya. Ionson, lithogr. by R. Golike, 1857, XVIII, 465, [3] p. (in Russ.).
- Ivanova G. D. Russkie v Yaponii 19 – nachala 20 veka: Neskol'ko portretov [Russians in Japan of the 19 - Early 20 Century: Several Portraits]. Moscow, Nauka, Oriental Literature, 1993, 170 p. (in Russ.).
- Philippov A. V. Vvedenie v spetsial'nost' (istoriya Yaponii) [Introduction to the specialty (History of Japan)]. St. Petersburg, Lema, 2018, 122 p. (in Russ.).

**Александр Викторович Филиппов,
Милана Александровна Азаркина**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

**ЯПОНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА
ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА И. А. ГОНЧАРОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Аннотация: Статья посвящена восприятию Японии в середине XIX века глазами русского писателя И. А. Гончарова. Будучи секретарем миссии Е. В. Путятина (заключившей первый русско-японский договор в 1855 г.), он вел путевые заметки, в итоге ставшие сочинением о путеше-

ствии в Японию. В статье рассмотрено редкое издание «Русские в Японии», опубликованное в 1855 г., несколькими годами ранее появления известной книги «Фрегат “Паллада”». Впечатления Гончарова дали начало новому этапу знакомства русских читателей со страной Восходящего Солнца, поскольку ранее уже публиковались записки о пребывании в плену В. М. Головнина (1816) и трехтомник известного немецкого японоведа Ф. Зибольда (1854).

Ценное издание Гончарова из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета (с дарственной надписью от автора Путятину) отличается от текста, вошедшего во «Фрегат “Паллада”», будучи почти необработанным, не подвергнутым серьезной редакции материалом, близким к оригиналу самих путевых записок Гончарова. Также в миссии в качестве переводчика состоял И. А. Гошкевич, осваивавший японский язык в процессе пребывания в стране. По возвращении им вместе с японцем Татибана Косай был издан русско-японский словарь (1857). Два экземпляра этого словаря имеются в библиотеке факультета (с автографами). Один получен в дар от Николая Японского, второй – подарен преподавателю факультета Куроно Ёсибуми. Целью авторов было ознакомить широкую публику с этими раритетами библиотеки, которые восходят ко временам заключения первого договора России и Японии и имеют прямое отношение к началу углубленного знакомства с Японией в России.

Ключевые слова: *Гончаров, русские в Японии, «Фрегат “Паллада”», Гошкевич, Путятин, Симодский трактат, этнография Японии, стереотипы поведения японцев.*

Андрей Дмитриевич Букланов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия
adbuklanov@edu.hse.ru*

ИДЕОЛОГИЯ ИСЛАМСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ХАЛИФАТА

Аннотация: Данная работа посвящена анализу исламского политического лидерства в контексте политического и социально-экономического устройства Арабского Халифата периода правления пророка Мухаммада и Праведных халифов (632–661). В основе работы лежат труды важных исламских деятелей как прошлого, так и современности, среди которых перевод на русский язык труда «Китаб аль-Харадж», исламского правоведа ханафитской правовой школы Абу Йусуфа Йа'куба Ибрахима ал-Куфи, «Книга единобожия» Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба, а также труды других исламских мыслителей.

Ключевые слова: халифат, мусульмане, государство, шариат, политика.

Благодарности: Статья подготовлена в ходе проведения работы в Научно-учебной группе «Армия и военные традиции в политике, обществе и культуре арабских стран» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

ВВЕДЕНИЕ

Исламское политическое лидерство – политическая концепция, лежащая в основе идеи построения государства в рамках шариата. Иными словами, исламское законодательство должно стать основой всех аспектов жизни общества, включая экономику, социальную сферу, право и политическую систему. Это, в свою очередь, означает, что все законы и политические решения будут основаны на Коране, сунне и преданиях о жизни Пророка Мухаммеда (хадисах).

На сегодняшний день на территории Ближнего Востока широко представлены различные концепции построения государства, в ко-

тором доминирующей религией является ислам, однако имеют место также идеологии, оспаривающие правомерность основания современных мусульманских государств и право их на дальнейшее существование на политической карте региона.

В данной статье рассмотрена концепция исламского политического лидерства в том виде, в котором ее видели важные деятели в сфере исламской религиозной мысли в ходе истории и в более современный период времени.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ХАЛИФАТА

1. Распределение военной добычи

Доисламская Аравия не имела организованной системы получения доходов от земли и особо не нуждалась в таковой по причине племенной социальной структуры [Ziauddin, 1980, с. 76]. И даже после создания Халифата основа экономики и одна из черт общества раннего Халифата – совершение набегов и силовой захват ресурсов. Тема распределения военной добычи широко представлена в Китаб ал-Харадж. В книге есть целая глава, посвященная вопросу распределения захваченной военными силами добычи (ганима – غنيمة).

Абу Йусуф пишет, что пятая часть добычи (хумс – خمس), захваченной у войска неверных, должна быть отдана в пользу посланника Аллаха, его родных и бедных слоев населения, ссылаясь на 42 аят суры 8 «Трофеи». Понятно, что таким образом просто закреплялось право Мухаммада как главы общины претендовать на определенную долю добычи. Остальные четыре пятых распределялись среди войска тех, кто числился в списках (воинских реестрах халифа 'Умара) и среди остальных. Таким образом, фиксированный доход от похода был у Мухаммада и у его родственников [Абу Йусуф, 2001, с. 33], а в дальнейшем – и у членов регулярного войска.

С моей точки зрения, вопрос о том, действительно ли хумс шел также и на помощь «сиротам, бедным и странникам», как написано в Коране, остается открытым, поскольку правоверные мусульмане были обязаны платить закят и садаку, средства из которых уже предназначались для поддержания минимального уровня жизни бедных (из числа мусульман).

Теперь рассмотрим вопрос о том, что из добычи (ганима) подлежит разделу. Абу Йусуф пишет о захваченных «пожитках, оружии и лошадях», однако стоит принимать во внимание тот факт, что в араб-

ском языке существует множество слов, обозначающих лошадь в том или ином ее качестве.

О распределении написано следующее: три доли всаднику – две доли для лошади (неважно какой, верховой или вьючной) и одна для самого всадника, вне зависимости от уровня его подготовки или состоятельности. Однако далее приводится мнение Абу Ханифы, который говорил: «Одна доля [из добычи] человеку и одна доля коню; я не отдаю предпочтения животным пред человеком-мусульманином».

2. Налоги в отношении арабо-мусульманского населения

Арабские завоевания мотивированы необходимостью контроля над торговыми путями и регулярного сбора денежного или натурального налога с захваченных территорий. Помимо этого, в Халифате стояла проблема перераспределения захваченных ресурсов. Этот вопрос затронут во множестве канонических источников, а также трудов по фикху и сочинениях исламских ученых и правоведов, в частности и *Китаб аль-Харадж*.

Формы налогообложения арабо-мусульманского населения и иноверцев различаются. Среди налогов, взимаемых с первой категории населения, – ‘ушр, садака, закят и харадж. ‘Ушр (дословно «десятина») – пропорциональный налог на землю, изначально принадлежавшую мусульманам или захваченную у иноверцев силой. ‘Ушр заключается во взимании фиксированной (десятой) части продуктов выпуска с определенной площади земли с естественным орошением [Абу Йусуф, 2001, с. 88]. Что же касается садаки, которую вкратце определяют как «налог в пользу бедных», то это «добровольное» пожертвование, направленное на поддержку бедных слоев населения (арабо-мусульманских). Слово «добровольное» не зря взято мной в кавычки, поскольку сам Абу Йусуф пишет о запрете мусульманам уклоняться или отказываться от выплаты садаки [Абу Йусуф, 2001, с. 140].

Несмотря на это, сейчас принято разделять садаку и закят по критерию того, носит ли выплата добровольный характер или нет. Я это могу интерпретировать как то, что закят – фиксированная, обязательная к выплате доля состояния в пользу малообеспеченного населения, а садака – это дополнительные выплаты, которые, по сути, являются добродетелью на пути к спасению души плательщика. Некоторые исследователи склонны считать, что изначально закят так же носил добровольный характер, потому как упоминается в мекканских сурах Корана только в смысле милостыни и добровольного пожертвования бедным как очищение души подающего [Bashear, 1993,

р. 150], а обязательный характер приобрел вскоре после хиджры ввиду бедности в среде мухаджиров.

Размер садаки не фиксирован, потому как данные об этом разнятся от источника к источнику. Также изначально садака подразумевалась быть добровольным пожертвованием в пользу общины, в то время как закят был обязательен к выплате и по своему размеру регламентирован.

Здесь стоит сказать, что уплата закята – прерогатива прежде всего наиболее обеспеченной части арабо-мусульманского населения. Менее состоятельная часть мусульман не платила налогов вовсе, а закят не брался, если в доме на момент сбора было наличными менее 20 динаров [Большаков, 2002, с. 150]. В сунане Аби Да'уда до нас дошел хадис [Sunan Abi Dāūd, 1997, р. 478], в котором Мухаммада спросили: «يا رسول الله وما الغناء؟» [О, посланник Аллаха, а что есть богатство?]. На этот вопрос Мухаммад ответил: «خمسون درهما أو قيمةها من الذهب» [Пятьдесят дирхамов или их эквивалент в золоте]. Из текста Китаб ал-Харадж мы узнаем, что один динар составляет 10 дирхамов.

Еще один налог, который платило арабо-мусульманское население, был харадж – налог на землю, заимствованный из системы налогообложения Сасанидской империи. Хараджем облагались земли за пределами Аравийского полуострова в то время, как в его пределах мусульмане с земли платили 'ушр. О. Г. Большаков пишет о том, что, согласно более поздним документам, харадж натурой в Египте и Ираке колебался около 1/3 урожая. Сбором хараджа занимались главы местных общин – дихканы.

Подводя итог о налогообложении в отношении арабо-мусульманского населения халифата, следует сказать, что налоговое бремя было не столь тяжелым, а можно даже сказать – щадящим для менее обеспеченной прослойки населения. Обеспеченность означала большие затраты на различные выплаты как в пользу государства, так и в пользу бедных. Первое является следствием централизованного характера управления и необходимости контроля над захваченными территориями, а второе – необходимостью поддержания менее обеспеченных людей, задача которых – трудиться в сфере сельского хозяйства.

3. Налогообложение иноверцев и их социальный статус

Положение иноверцев в мусульманском государстве – вопрос весьма чувствительный и вызывает множество дискуссий до сих пор, ввиду того что многие из положений ислама в отношении «неверных», закрепленных как в Священном Писании, так и в другой кано-

ничной литературе, являются объектом критики противников ислама как религии и шариата как правовой системы. Эта критика порой вызывает закономерную реакцию со стороны мусульман из числа обывателей, которые зачастую не уделяют времени детальному изучению собственной религии. В этом разделе будут приведены положения ислама в отношении иноверцев с опорой на достоверные и авторитетные среди исламских ученых источники. В самом Китаб ал-Харадж насчитывается десять разделов, посвященных вопросу иноверцев в том или ином контексте.

Иноверцы в Халифате при захвате их земель мусульманами стояли перед выбором: принять ислам, либо платить налог за сохранение жизни и собственного вероисповедания, либо же быть убитым или обращенным в рабство. В случае, когда немусульманин отказывается принять ислам, на него налагается обязательство платить джизью как выкуп собственной жизни и харадж как налог с земли. В обоснование этим словам приведу несколько положений из классической исламской литературы. Основание для сбора джизьи с немусульман закреплено в аяте 29 в суре 9 ат-Тауба (Покаяние). Уже в этом аяте мы видим значение джизьи как налога, предназначенного показать превосходство мусульман над немусульманами. Некоторые заинтересованные исследователи говорят, что данный отрывок Священного Писания многие, даже мусульмане, воспринимают слишком буквально [Haleem, 2012, p. 73]. Комментируя данный аят, Ибн Касир в своем тафсире пишет следующее: «Слова Всевышнего “пока они не дадут откупа” означают “если они не примут ислам”, “своей рукой (собственноручно)” означает “в знак покорения и превосходства над ними”, а “будучи униженными” – что они жалкие, презренные и оскорбленные». Выдающийся суннитский ученый Ибн Кайм Ал-Джаузйя пишет следующее: «Из этого следует, что джизья – это умаление и унижение, и поэтому она была подобна рабству. Если позволено обращать их в рабство по причине их неверия, то хорошо тогда и наложить на них джизью, поскольку наказание джизьей больше, чем наказание рабством, и поэтому в рабство обращают тех, на кого не налагается джизья, то есть женщин, детей и других» [Ibn Qaym Al- Jawziya, 1997, p. 105].

В Китаб ал-Харадж читаем следующее [Большаков, 2002, 139]. Джизья взимается только с мужчин: с состоятельных – в размере 48 дирхамов, с людей среднего достатка – 24 дирхамов, с неимущего земледельца – 12 дирхамов. В главе «Об одежде и о внешнем виде зиммиев» Абу Йусуф передает сведения о том, что халиф ‘Умар дал следующее письменное распоряжение относительно неверных: «Уби-

вайте всех, кого коснулась бритва; не взимайте ничего ни с женщин, ни с детей, а в счет подушной подати не взимайте больше 4-х динаров или 4 дирхамов». Примерно таких же цифр придерживался и имам Аш-Шафи'и: с работающего бедняка – 1 динар, со среднего – 2 динара, а с богатого – 4 динара. Исходя из этого можно сделать простой вывод, что считалось правомерно изымать бóльшую часть имущества немусульманина.

Далее следует перейти к хараджу, который немусульмане также были обязаны платить, если имели в собственности земельный надел. Ибн Кайм называет харадж джизьей на землю [Ibn Qaym Al- Jawziya, 1997, p. 249], то есть, по сути, он имеет функцию изъятия наибольшего количества ресурсов у иноверцев в пользу мусульман.

Добавлю к этому то, что, согласно порядку включения захваченных военной силой земель противника в состав мусульманского государства, когда население и его имущество становится собственностью мусульманской общины (Ал-'Анва – عنة), харадж не мог быть снят с земли ни при каких обстоятельствах [Абу Йусуф, 2001, с. 48].

Таким образом, очевидно, что положение немусульманского населения халифата было значительно хуже, чем у мусульман, по причине грабительского характера налогового бремени как следствия презрительного, как о том свидетельствуют источники, отношения кочевников пустыни к представителям другого вероисповедания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышесказанного справедливо утверждать, что государство, построенное на базе исламского права, – это политическая система, в которой в значительной степени ограничены права немусульманского населения, как то следует из классических трудов исламских правоведов, имеющих авторитет в интеллектуальной среде и по сей день. Помимо этого, ввиду исторического контекста возникновения ислама и его последующего развития и деления на секты, следует понимать экспансионистскую природу ислама, которая четко закреплена в достоверных источниках.

Литература

Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Пер. с арабского и коммент. А. Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А. С. Боголюбова; подготовка к изд., вступит. ст. и указ. А. А. Хисматулина. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 452 с.

- Большаков О. Г.** История Халифата. Т. 2. Эпоха великих завоеваний, 633–656. М.: Вост. лит., 2002. 294 с.
- Bashear S.** On the origins and development of the meaning of zakat in early Islam // Arabica. 1993. vol. 40, pp. 84–113.
- Haleem A.** The jizya Verse (Q. 9:29): Tax Enforcement on Non-Muslims in the First Muslim State // Journal of Qur'anic Studies. 2012. vol. 14, no. 2, pp. 72–89.
- Ibn Qayyim al-Jawziyya.** Ahkām Ahl al-Ḍimma [Положение людей договора]. Damām: Ramādī An-Naṣr, 1997.
- Sunan Abi Dāūd [Сунан Аби Дауда]. Bairūt: Dār Al-Kutub Al-'Ilmiya, 1997.
- Ziauddin A., Ziauddin A.** 'Ushr and 'ushr land // Islamic Studies. 1980. vol. 19, no. 2, pp. 76–94.

Andrej D. Buklanov

*HSE University
St. Petersburg, Russian Federation*

ISLAMIC POLITICAL LEADERSHIP IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF THE CALIPHATE

Abstract: The article analyzes Islamic political leadership in the context of the structure of the Arab Caliphate during the rule of Prophet Muhammad and the Rightly Guided Caliphs (632-661 AD). The study is based on the works of influential Islamic figures from both the past and present periods, including the Russian translation of the work “Kitab al-Kharaj” by the Hanafi jurist Abu Yusuf Ya'qub ibn Ibrahim al-Kufi, “Kitab al-Tawhid” (The Book on Monotheism) by Muhammad ibn Abd al-Wahhab, as well as the works of other Islamic thinkers.

Keywords: *caliphate, Muslims, state, Sharia, politics.*

Али Хизриевич Хизриев

*Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия
escalex@mail.ru*

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО САУДОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1920–1930-х ГОДОВ

Аннотация: Статья посвящена важнейшему периоду в истории Королевства Саудовская Аравия – возникновению третьего саудовского государства. Это событие явилось одним из непосредственных результатов Первой мировой войны, по итогам которой победители в ней – Великобритания и Франция – перекроили карту Ближнего Востока вследствие гибели Османской империи. Ключевую роль в создании саудовского государства сыграл его основатель Абдель-Азиз ибн Сауд. Его личные лидерские и дипломатические качества повлияли на успех восстановления государства Саудитов на Аравийском полуострове. Данное событие заняло важное место в политике великих держав на Ближнем Востоке, так как стало фактором создания равновесия между арабскими правителями в этом регионе, чтобы успешно балансировать между ними в своих интересах. Одним из следствий возникновения саудовского государства и политики короля Абдель-Азиза стало проникновение на Ближний Восток американских нефтяных компаний, конкурировавших с британскими компаниями, и начало постепенного роста влияния и активизации внешней политики США в арабском мире.

Ключевые слова: *Абдель-Азиз ибн Сауд, Саудиты, Хашимиты, король Хусейн, саудовское государство, Великобритания, Франция, мандатная система, нефтяные концессии, США.*

К началу XXI в. на территории Аравийского полуострова сложились все предпосылки к созданию единого крупного государства. Среди разрозненных аравийских княжеств наибольшее влияние имели Джебель-Шаммар, где правило семейство Рашидитов, и Неджд, управляемый домом Саудитов. Ожесточенная борьба между соперничавшими кланами длилась с 1903 по 1907 г. и завершилась победой нового главы семейства Ибн Сауда эмиром Абдель-Азизом – сыном Абдаррахмана и создателем единого саудовского государства.

До создания современного саудовского государства в 1927 г. Аравийский полуостров представлял собой совокупность раздробленных и враждующих между собой шейхств, эмиратов, племен и провинций Османской империи. Хотя внутренняя часть полуострова так и не попала под полный османский контроль, турки все же доминировали в Хиджазе, расположенном вдоль побережья Красного моря, и в регионе Хаса, расположенном на побережье Персидского залива. В этих провинциях находились самые плодородные регионы полуострова, а также священные города Мекка и Медина, что делало их привлекательными целями для растущих внутренних сил, стремящихся получить больше экономических ресурсов и налоговых поступлений от паломничества – хаджа¹.

Надо отметить, что, казалось бы, локальные события на Аравийском полуострове, стали вызывать весьма живой интерес не только Стамбула, всегда претендовавшего на сюзеренитет над этими территориями, но и крупных мировых игроков, в первую очередь Англии, которая уже контролировала прибрежные арабские княжества, расположенные вдоль морских путей, ведущих в Индию. Особенно этот вопрос стал актуальным с началом Первой мировой войны. Изгнание турок сперва из глубинных районов Аравии, а затем и прибрежных привело к образованию первых независимых арабских государств в регионе. И если практически все они были созданы под контролем британцев и французов, а некоторые так и остались колониальными владениями или превратились в протектораты, то земли Саудитов стали как бы серой зоной, неподконтрольной ни одной из ведущих держав того времени, что было вызвано в том числе и сложными географическими условиями внутренних областей Аравийского полуострова.

Воспользовавшись ослаблением Османской империи, Абдель-Азиз ибн Сауд в 1913 г. сумел отторгнуть от нее регион Эль-Хасу на северо-востоке Аравийского полуострова [Роган, 2009, с. 153]. Таким образом, уже незадолго до Первой мировой войны Саудиты смогли заявить о себе как о серьезной политической силе на Ближнем Востоке. С окончанием войны и гибелью Османской империи аравийское государство увидело для себя новые возможности в сложившейся геополитической конфигурации. Последнее не могло не вызывать

¹ U.S. National Archives Records Administration (NARA). Microcopy no 722, roll 7: Records of the Department of State relating to Internal Affairs in Asia, 1910–1929. Reported Treaty Between the Hejaz and Great Britain, no 147, p. 1–55

беспокойство Хашимитов, претендовавших на общеарабское лидерство при поддержке британского правительства. Считая, что они заслужили право на создание единого арабского государства под собственным управлением, Хашимиты всячески противодействовали претензиям саудовцев на господство на Аравийском полуострове. Особое место в этом споре занимали мусульманские святыни Мекки и Медины. Контроль над Хиджазом означал и лидерство в арабском мире. Именно это обстоятельство и привело к столкновению этих двух семейств в борьбе за обладание святынями, в которую активно включилась и Британская империя, оказывавшая военную помощь то одной, то другой стороне.

Столкнувшись с появлением в зоне залива могущественного правителя, к концу 1915 г. британцы осознали необходимость заключения договора с Абдель-Азизом ибн Саудом, согласно которому Лондон признавал власть Саудитов: при этом британский протекторат распространялся на территории в центральной и восточной части Аравийского полуострова, находившиеся под саудовским контролем. В свою очередь, Абдель-Азиз обязался не вступать в соглашения ни с какой иной державой и не продавать свои земли без согласия Англии, а также воздерживаться от любой агрессии против других монархий Персидского залива. Вместе с тем он также не был заинтересован в противостоянии с османами, считая своей приоритетной целью завоевание Хиджаза.

В свое время, заявляя о своей верности султану, Абдель-Азиз одновременно посылал британцам неоднократные предложения о признании их сюзеренитета над ним. Его первое обращение за британской поддержкой было отправлено в мае 1902 г. и немедленно отклонено британским офисом в Индии, который посоветовал кувейтским посредникам не сотрудничать с саудитами. Одновременно Ибн Сауд встречался с российскими дипломатами, чтобы вынудить таким образом британцев сотрудничать с ним. Это было сделано с полным осознанием соперничества между Великобританией и Россией, которое во время войны усилилось из-за расширения влияния Петербурга с Кавказа на Ближний Восток. Позже, после того как реальность османской угрозы перестала быть актуальной и его собственная власть возросла, саудитский монарх отказался подчиняться британской политике в регионе без гарантий его собственного суверенитета [Goldberg, 1986, p. 51].

После этого он провел переговоры с американскими нефтяниками и продал им концессию на поиски нефти, что с тех пор сделало Саудовскую Аравию одной из самых богатых стран мира. Его прони-

цательность позволила ему избежать обязательных договоров с какой-либо из крупных держав, но при этом получать выгоду от всех них. Он принял британское оружие и боеприпасы, османские деньги и американское золото, чтобы получить и преумножить прибыль саудовской монархии [Ibid, p. 50].

В первое время после окончания войны интерес европейцев к Аравийскому полуострову быстро уменьшился. На первых порах там не было обнаружено серьезных запасов нефти и других полезных ископаемых, что заставило Великобританию рассматривать эти земли как бесплодную заводь. Не испугавшись британской поддержки Хусейна, Ибн Сауд снова повел свои войска в бой, на этот раз для завоевания Хашимитского королевства Хиджаз. 4 июня 1924 г. Ибн Сауд созвал военный совет для обсуждения вторжения в Хиджаз. Его силы, уже закаленные годами конфликтов с Рашидитами и в Йемене, были полностью готовы к взятию священных городов Хиджаза. К октябрю того же года Мекка оказалась во владении Ибн Сауда, а Джидда и Медина сдались в декабре 1925 г., превратив Хусейна в короля без государства, которым тот мог бы управлять [Paris, 2003, p. 149].

Две недели спустя, 8 января 1926 г., Ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза и султаном Неджда, что привело к объединению всей Аравии под контролем саудовского семейства впервые с тех пор, как их предки сделали это сто лет назад. Однако не известно было, как главный союзник Хусейна – англичане – отреагируют на завоевание Сауда. Британцы, которые разозлились на Хусейна из-за его неэффективной политики, коррупции и ворчания по поводу несправедливого раздела арабских земель не в его пользу, ответили на завоевание Мекки Саудитами возобновлением и пересмотром своего договора с Абдель-Азизом по просьбе последнего в ноябре 1926 г. Смелый шаг Ибн Сауда привел к тому, что британцы были вынуждены согласиться на повторные переговоры для сохранения баланса сил в регионе. Британцы, не имевшие никаких имперских планов в отношении Аравии, видели в Абдель-Азизе стабильного союзника, которым они могли манипулировать и направлять в будущем, как они поступали со всеми эмирами и шейхами на побережье Красного моря и Персидского залива. В мае 1927 г. был ратифицирован англо-саудовский договор, который предоставил саудитам свободу от уступок и капитуляций, признав Саудовское королевство полностью независимым ².

² Treaty of Jeddah (20 May 1927) // Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Treaty_of_Jeddah_\(1927\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Treaty_of_Jeddah_(1927)) (дата обращения 24.07.2023).

Основание нового независимого саудовского государства позволило Абдель-Азизу ибн Сауду укрепить свою власть и заключать договоры с ведущими державами на более выгодных условиях. Это также дало ему возможность еще больше расширить свою власть в качестве сильного регионального игрока. В сентябре 1932 г. Ибн Сауд переименовал свое государство в Королевство Саудовская Аравия, тем самым начав создание более централизованного национального государства, которое почти сразу же начали сотрясать социальные волнения и нищета. Новоиспеченный король стал отчаянно искать дополнительные источники доходов, которые могли бы пополнить скудные налоги и дары племени. 29 мая 1933 г. он предоставил нефтяную концессию группе американцев по совету британских официальных лиц, чтобы получить больше доходов, приняв предложение американцев. Открытие нефтяных месторождений повысило роль саудовского государства в международных отношениях [Уолд, 2021, с. 37–40].

Таким образом, Саудовская Аравия в эпоху империализма стала по-настоящему суверенным государством в отличие от других арабских стран. Ибн Сауд также воспользовался прекращением османского присутствия на Арабском Востоке, возросшим интересом британцев к формальному союзу и незаинтересованностью европейцев в управлении «убыточными» внутренними районами Аравийского полуострова после мировой войны [Swanson, 2019, p. 3].

Первая мировая война повлияла на Саудовскую Аравию иначе, чем на другие ближневосточные страны. В отличие от последних, Эр-Рияд оставался вне поля зрения мировых лидеров, создавших Парижскую мирную конференцию в 1918 г. Роль Саудитов возросла, поскольку британцы стремились к союзу и с Хусейном, и Абдель-Азизом, что позволило им устранить более серьезную угрозу – османское доминирование на Аравийском полуострове. В результате такой политики Лондона Ибн Сауд и его королевство должны были заполнить образовавшийся вакуум власти в регионе. Эти факторы, наряду с личными лидерскими способностями Абдель-Азиза, привели к образованию Королевства Саудовской Аравии в 1927 году. Прибытие американских нефтяников и заключение союзнических отношений с США в 1945 г. привели к взрывному росту экономики, что позволило Саудовской Аравии стать ведущим экспортером нефти и одной из ключевых экономик ближневосточного региона. Создание Королевства Саудовская Аравия является свидетельством глубокого влияния, которое Первая мировая война оказала на Ближний Восток, и усилий одного челове-

ка – Ибн Сауда – по созданию личного королевства посреди песков безжизненной Аравийской пустыни.

Литература

- Роган Ю.** Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: «Альпина Диджитал», 2019. 1060 с.
- Уолд Эллен Р.** Saudi Inc. М.: «Альпина», 2021. 272 с.
- Goldberg J. The Foreign Policy of Saudi Arabia. Harvard University Press, 1986, 231 p.
- Paris, T. J. Britain, the Hashemites and Arab Rule, 1920–1925: The Sherifian Solution. Frank Cass, 2003, 391 p.
- Swanson R.** The Rise of a King and the Birth of a State // The Thetean: A Student Journal for Scholarly Historical Writing. Vol. 48, iss. 1, art. 3, 2019. P. 3. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/thetean/vol48/iss1/3> (дата обращения 24.07.2023).

Ali Kh. Khizriyev

*Dagestan State University
Makhachkala, Russian Federation*

THE CREATION OF THE UNITED SAUDI STATE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 1920S-1930S

Abstract: The article studies the most crucial period in the history of the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) – the emergence of the third Saudi state. This event was one of the immediate results of World War I since the winners – Great Britain and France – redrawn the Middle East map after the Ottoman Empire's dissolution. Its founder, Abdel-Aziz ibn Saud, played a vital role in creating the Saudi state. His personal leadership and diplomatic qualities influenced the success of restoring the Saudi state in the Arabian Peninsula. Nevertheless, the great powers were the main actors in this event and used it to create a political balance in the Middle East and gain their goals and interests in the region. Despite their prominent role in this process, they failed to obtain any significant benefits since the emergence of the Saudi state, and the policy of King Abdel-Aziz opened the door for the infiltration of American oil companies into the Middle East. Competing with British companies, they succeeded and eventually strengthened the political and economic influence of the USA in the Arab world.

Keywords: *Abdel-Aziz ibn Saud, Saudis, Hashemites, King Hussein, Saudi State, Great Britain, France, mandate system, oil concessions, USA.*

Владимир Григорьевич Дацышен

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

dazishen@mail.ru

КИТАЙСКАЯ ЧАНЧУНЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА – ОБОЙДЕННОЕ ВНИМАНИЕМ НАСЛЕДИЕ КВЖД

Аннотация: Статья посвящена проблемам места и роли Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД) в материальном и духовном наследии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В данной статье представлен исторический обзор совместных русско-китайских железных дорог в Северо-Восточном Китае и рассмотрен круг фактов и проблем, обусловивший необходимость изучения истории КЧЖД. На основе рассмотрения отечественной историографии КВЖД и КЧЖД показана степень изученности истории КЧЖД. По итогам изучения проблемы сделан вывод о том, что в российской науке до сих пор не появилось ни одной работы, где бы история КЧЖД стала предметом специального исследования, российское научное сообщество не озвучило необходимость полноценного включения истории КЧЖД в историю России и русско-китайских отношений.

Ключевые слова: *Китайская Чанчуньская железная дорога, российская историография КЧЖД, материальное и духовное наследие КВЖД.*

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>.

Яркой и важной страницей истории России, Китая и русско-китайских отношений является история Китайско-Восточной железной дороги. Дорога оставила богатое материальное и духовное наследие, оказавшее влияние на развитие России в разные периоды времени, в том числе и десятилетия спустя после формальной ее ликвидации. Материальное и духовное наследие КВЖД стали важным фактором в истории Советского Союза на завершающем этапе Второй мировой

войны, а русское культурное наследие, сохранявшееся в Харбине и на станциях КВЖД до конца 1950-х гг., оказало большое влияние на развитие России в период Перестройки в СССР и в постсоветскую эпоху.

КВЖД просуществовала до 1935 г., когда она была продана Советским Союзом созданному накануне японцами государственному образованию Маньчжоу-Го. Поменялись хозяева, изменилось название, была даже перешита железнодорожная колея на принятый в Китае международный (европейский) стандарт. Однако де-факто русско-китайская железная дорога в Маньчжурии продолжила свое существование и вскоре возродилась вновь как советско-китайское совместное предприятие под новым названием – Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД).

КЧЖД была создана в 1945 г. на основе соглашения между Советским Союзом и Китайской Республикой. Это предприятие объединило железные дороги, в прошлом известные как Китайско-Восточная железная дорога в границах 1903 г. Китайская Чанчуньская железная дорога была переведена на российскую колею, как это и было на КВЖД, большая часть ее сотрудников в прошлом работали на КВЖД. Вообще все связывало новую дорогу с ее предшественницей, в воспоминаниях сотрудника КЧЖД Е. П. Шилаева так описано устройство на работу: «В последних числах сентября подъехал я на трамвае к Управлению “новорожденной” Китайской Чанчуньской железной дороги. Разместилось оно в Новом Городе, в том же здании на Большом проспекте, которое много лет занимало Управление Китайской Восточной железной дороги... Кто из нас, харбинцев, не знал этого здания, не был с ним знаком хотя бы по наружному виду. Массивное, какое-то приземисто-кряжистое здание всем своим видом как бы говорило: буду стоять вечно!» [Шилаев, 1999, с. 177]. Автор воспоминаний даже подчеркнул, что в 1945 г. он почувствовал в Управлении КЧЖД точно такую же атмосферу, что и десять лет назад в Управлении КВЖД.

После провозглашения КНР советское правительство подписало с новым китайским правительством новое соглашение о КЧЖД. Общие принципы нововведений были сродни тем, что были введены на КВЖД в революционную эпоху, когда после гибели Российской империи Китай стал устанавливать контроль над российской концессией. Но история пошла дальше, соглашением предусматривалась и скорейшая передача дороги Китайской Народной Республике.

В конце 1952 г. КЧЖД была передана властям КНР. Понадобилось еще несколько лет, чтобы с железной дороги и связанных с ней учреждений и институтов ушел русский язык, русские специалисты,

русская культура. И это все в значительной мере переместилось в Советский Союз. Здесь следует отметить, что в 1929 г. и в середине 1930-х гг., во время Конфликта на КВЖД и после продажи КВЖД японцам, «русские кэвэждэсцы» массово возвращались в СССР, но в силу политической ситуации в стране и физического уничтожения значительной части реэмигрантов в то время наследие дороги не было востребовано.

Таким образом, материальное и духовное наследие КВЖД сохранилось лишь через историю КЧЖД. Для Китая лишь история КЧЖД остается частью современной истории, так как она, в отличие от КВЖД, была одним из факторов создания КНР и важным инструментом сотрудничества этого государства с Советским Союзом. Для постсоветской России реэмигранты из Северо-Восточного Китая в СССР и других странах – «носители русской культуры КВЖД» – в большинстве получили образование и вступили в сознательную жизнь в период и в связи с КЧЖД.

Таким образом, изучение и восприятие материального и духовного наследия КВЖД невозможно без знания и понимания всего комплекса вопросов и проблем КЧЖД. Однако знакомство с отечественной историографией указывает на такую проблему, как отсутствие интереса к истории КЧЖД. Нам не удалось найти ни одной диссертации, ни одной монографии, ни одного сборника документов, специально посвященных истории КЧЖД. В обобщающем исследовании «Основные направления и проблемы российского китаеведения» [Основные, 2014] КВЖД упоминается, а КЧЖД – нет.

Конечно же, в историографии не только встречается упоминание КЧЖД, но и рассмотрены некоторые вопросы истории этой дороги-предприятия и связанных с ней проблем. Сначала отметим некоторые казусы, связанные с встречающимся неправомерным «переименованием» этих дорог-предприятий. В одной из научных статей Китайско-Восточная железная дорога 1920-х гг., начиная с названия, почему-то именуется Китайская Чанчуньская железная дорога [Ким, 2011]. Одна из глав в подготовленной Центральным музеем железнодорожного транспорта «Книге-альбоме» «Китайско-Восточная железная дорога», посвященная истории Китайской Чанчуньской железной дороги, почему-то называется «Китайско-Восточная железная дорога» [Китайско-Восточная, 2022, с. 317–346]. Не вполне корректным можно признать и такое утверждение: «Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД) – так стала называться КВЖД после войны» [Каневская, 2008, с. 127]. Действительно, исследователи подают

КЧЖД как синоним КВЖД [Воскресенский, 1999, с. 219; Тарасов, 2003, с. 262; Капран, 2011, с. 62]. И еще одна особенность отечественной историографии вопроса: во многих работах КЧЖД упоминается лишь в связи с ее ликвидацией, но ничего не говорится о создании и проблемах ее истории [Тарасов, 2003; Капран, 2011].

В большинстве работ по истории русско-китайских отношений, в разделах, касающихся 1940-х гг., КЧЖД вообще не упоминается. Для периода начала 1950-х гг. тема КЧЖД остается за рамками исследований [Сотникова, 2015, с. 47–73; Макеева, 2012, с. 106–112]. Например, современные забайкальские историки в книге «Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–1952», в разделе о 1945–1949 гг. ни разу не упоминают КЧЖД [Забайкалье, 2015]. Не затрагивается КЧЖД в работах по проблемам советской «мягкой силы» в Китае [Телюк, 2018, с. 25–30], по разным актуальным на сегодня проблемам двухстороннего сотрудничества [Дружба, 2018].

В современной России интерес к истории КЧЖД проявляют некоторые дальневосточные ученые. В подготовленном владивостокскими историками 3-м томе «Истории Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.» выделен параграф «КЧЖД и ее значение. Советско-китайские торговые связи на Дальнем Востоке» [История, 2004, с. 49–63]. Авторы делают вывод о том, что экономическое сотрудничество между СССР и Китаем на «Китайско-Чанчуньской железной дороге» представляет собой многоплановый, неоднозначный процесс взаимодействия союзных государств в материальной сфере. Китай заимствовал передовые, современные знания в области транспорта и связи, набирался опыта в совершенствовании хозяйственных структур, проводил социально-экономическую модернизацию региона. Для СССР же это был «опыт приумножения материальных ценностей путем организации сферы обращения, опосредованно влияющей на процессы производства и потребления, а также конструирования новых подходов и защита интересов страны в межгосударственных отношениях» [История, 2004, с. 58].

Значительный вклад в изучение КЧЖД сделала известный историк из Владивостока – Г. Н. Романова. Она, ссылаясь на документы из фондов Российского государственного архива экономики, пишет: «Согласно ст. 1 Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, основные магистрали Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, идущие от ст. Маньчжурия до ст. Пограничная и от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, являлись общей собственностью СССР и Китайской Республики и должны были эксплуатироваться

обеими сторонами совместно. Китайское правительство признало право КЧЖД на все вспомогательные и дополнительные предприятия дороги, поскольку они были построены во время русского управления КВЖД. Совместная эксплуатация этих железных дорог осуществлялась единым управлением (под китайским суверенитетом) как чисто коммерческим транспортным предприятием. В силу ст. 3, договаривающиеся стороны в целях совместной эксплуатации учреждают Китайско-советское общество КЧЖД, руководит им правление из 10 членов, из которых 5 назначаются китайским правительством, а 5 – советским. Правление находится в городе Чанчуне. В соответствии со ст. 4, председатель правления и его помощник назначаются китайским правительством из числа членов правления – китайских граждан, а заместитель председателя правления и его помощник назначаются советским правительством из числа членов правления – советских граждан. Управляющий КЧЖД назначается правлением из числа граждан СССР, а заместитель его – из числа граждан Китайской Республики (ст. 4). За охрану дороги несет ответственность китайское правительство (ст. 9). Прибыли и убытки от эксплуатации дороги делятся между сторонами пополам (ст. 14). Дорога должна была совместно эксплуатироваться на паритетных началах, как это предусматривалось Соглашением 1924 г. о статусе КВЖД. Соглашение 1945 г. заключалось сроком на 30 лет, по истечении которого КЧЖД со всем имуществом должна была безвозмездно перейти в полную собственность Китайской Республики (ст. 17)» [Романова, 2015, с. 146].

Исследователь Г. Н. Романова делает акцент на политических аспектах: она утверждает, что КВЖД и ЮМЖД были построены на средства русского народа, а китайская делегация требовала признать эти китайские дороги собственностью Китая. Г. Н. Романова пишет, что «советское правительство в целях поддержания добрососедских отношений пошло на уступки, согласившись рассматривать эти дороги... как совместную собственность СССР и Китая, а не как собственность СССР, признанную Ялтинским соглашением» [Романова, 2015, с. 144–145]. Дальневосточный историк утверждает, что гоминьдановское правительство хотело лишить КЧЖД обслуживающих их вспомогательных предприятий. Кроме того, китайцы хотели использовать дорогу для военных целей. СССР же, как утверждает Г. Н. Романова, «не соглашался превращать КЧЖД в орудие, направленное против китайской революции» [Романова, 2015, с. 145].

В числе работ дальневосточных историков можно отметить статью А. В. Пасмурцева [Пасмурцев, 2020, с. 59–60], в которой освещены не-

которые проблемы, связанные с КЧЖД. Историк отмечает «репрессии и террор, применявшийся армией и полицией Чан Кайши по отношению к советским гражданам на юге Маньчжурии», и далее указывает: «Советскому правительству пришлось решительно поставить перед китайским правительством вопрос об эвакуации в СССР советских железнодорожников и рабочего персонала, обслуживавшего деятельность ремонтных и других предприятий КЧЖД» [Там же, с. 61].

Вопросы истории КЧЖД, но лишь в период после провозглашения КНР, затрагивают забайкальские ученые в книге «Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–1952». В этой коллективной монографии утверждается: «В феврале 1950 г. было подписано соглашение между СССР и КНР о Китайско-Чанчуньской железной дороге (бывшей КВЖД), по которому Советское правительство передавало безвозмездно правительству Китая все свои права по совместному управлению КЧЖД» [Забайкалье, 2015, с. 77], после чего авторы пишут, что в апреле 1951 г. из Читы передали «в распоряжение Управляющего КЧЖД генерал-директора тяги II ранга тов. Груничева» документы этой дороги [Там же, с. 78].

Отдельные проблемы, важные для понимания КЧЖД как наследия КВЖД, поднимаются в работах известных исследователей русской эмиграции в Маньчжурии. В статье, посвященной истории Харбинского политехнического института, отмечается, что для «КЧЖД, бывшей КВЖД» был в 1945 г. восстановлен Политехнический институт в Харбине. Исследователи приводят записку управляющего КЧЖД А. Ф. Журавлева, в которой говорится: «Управлением КЧЖД принят Харбинский политехнический институт, принадлежавший КВЖД... Совместно с консульством возвращены профессора и преподаватели, работавшие в институте при КВЖД» [Бочарова, 2019, с. 796]. В статье также отмечается, что на втором этапе истории КЧЖД, после провозглашения КНР, Харбинский политех перешел в ведение китайских властей, а после ликвидации КЧЖД начался переход обучения в институте с русского на китайский язык. В обобщающем исследовании Н. Н. Аблажей фактически отмечается, что КЧЖД была инструментом советизации русского общества в Маньчжурии [Аблажей, 2007, с. 160–161]. Таким образом, в ряде работ отечественных исследователей затрагиваются вопросы истории КЧЖД, но нет выделения их в качестве специальных проблем исследования.

В отечественной историографии КЧЖД, несмотря на ограниченность работ, имеются и противоречия. Например, авторы обобщающей работы «Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные

отношения. 1945–1952» пишут, что с 1945 г. и до 25 ноября 1949 г. прямой железнодорожной связи от советских границ до Порт-Артура и Дальнего не было [Забайкалье, 2015, с. 62]. А известный исследователь Г. Н. Романова утверждает: «В ноябре 1948 г. восстановили прерванную в 1945 г. прямую железнодорожную связь станций Отпор (ныне Забайкальск) и Гродеково с портами Дальний и Порт-Артур» [Романова, 2015, с. 151].

Таким образом, изучение материального и духовного наследия КВЖД в постсоветской России невозможно без учета истории КЧЖД. Именно в преломлении опыта и проблем КЧЖД Россия с середины XX в. и до наших дней воспринимала это наследие. Однако в российской науке до сих пор не появилось ни одной работы, где бы история КЧЖД стала предметом специального исследования, российское научное сообщество и общественность пока не осознали необходимость полноценного включения истории КЧЖД в историю России и русско-китайских отношений.

Литература

- Аблажей Н. Н.** С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
- Бочарова З. С., Кротова М. В.** Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 779–803.
- Воскресенский А. Д.** Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 408 с.
- Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.). М.: АНО «НИИ истории, экономики и права», 2018. 250 с.
- Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–1912. 2-е изд. / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-издательство, 2015. 360 с.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3: Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток: Дальнаука, 2004. 338 с.
- Каневская Г. И.** Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 125–132.
- Китайско-Восточная железная дорога. СПб.: Издательский дом «Дескрипта», 2022. 368 с.
- Капран И. К.** Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011. 204 с.

- Ким К. В.** Деятельность предпринимательской разведки службы «Кредит-бюро» в российском концессионном экономическом районе Китайской Чанчуньской железной дороги в период НЭП // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7, № 10 (103). С. 69–72.
- Макеева С. Б.** Деятельность забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества (1949–1960 гг.) // Ойкумена. 2012. № 1. С. 106–112.
- Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.
- Пасмурцев А. В.** Основные направления советско-китайского экономического сотрудничества и помощь СССР Северо-Восточному Китаю в период гражданской войны (1946–1949) // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вып. 4. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2020. С. 59–60.
- Романова Г. Н.** Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 139–156.
- Сотникова И. Н.** Отечественная историография о советской помощи Китайской Народной Республике в 1949–1960 гг. // Отечественная историография КНР: некоторые направления. М.: Восточная литература, 2015. С. 47–73.
- Тарасов А. П.** Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. 432 с.
- Телюк К. Р.** Дискурс о «дружбе» и советская «мягкая сила» в Китае в период расцвета советско-китайских отношений (конец 1940-х – 1960 гг.) // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 25–30.
- Шиляев Е. П.** Моя служба на КЧЖД // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. Торонто. 1999. № 6. С. 169–218.

Vladimir G. Datsyshen

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

THE CHINESE CHANGCHUN RAILWAY: THE OVERLOOKED LEGACY OF THE KVZHD

Abstract: The article studies the place and role of the Chinese Changchun Railway (CCR) in the tangible and intangible heritage of the Chinese-Eastern Railway (CER). It presents a historical overview of the joint Russian-Chinese railways in Northeast China and analyzes a range of facts and problems that

necessitated the study of the history of the CCR. Examining the Russian historiography regarding the history of the CER and CCR, the article identifies the issues yet to be researched. It concludes that the Russian historiography lacks works that focus on the history of the CCR. Moreover, there is no research projects or publication in the Russian language where scholars argue the importance of incorporating the CCR history as an integral part of Russian-Chinese relations and Russian history.

Keywords: *The Chinese Changchun Railway, Russian historiography of the Chinese Changchun Railway, the material and spiritual heritage of the Chinese-Eastern Railway.*

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-48-00004 "Chinese Eastern Railway as a Trans-Border Socio-Cultural System: Studying Its History, Reconstructing and Modeling Mechanisms of Cultural Heritage Protection".

DOI 10.25205/978-5-6049863-7-0-81-104

Константин Анатольевич Жабинский

*Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова
Ростов-на-Дону, Россия
zhabinsky55@mail.ru*

«ДЕЛО С. РАХМАНИНОВА – Р. ПЮНЬО»: ФАКТЫ И ДОМЫСЛЫ

Аннотация: Взаимоотношения С. Рахманинова и Р. Пюньо, как принято считать, весьма поверхностно знакомых друг с другом, вплоть до недавнего времени фактически не привлекали внимания музыковедов и культурологов. Ситуация изменилась в конце 2010-х – начале 2020-х гг., когда некоторыми исследователями была выдвинута гипотеза о «причастности» Рахманинова к трагической смерти Пюньо, наступившей в Москве во время гастролей 1913 г. Было заявлено, что Рахманинов якобы отказался помочь тяжело больному французскому коллеге, просившему заменить его в объявленной концертной программе. Это повлекло за собой очевидные финансовые трудности для Пюньо и даже могло спровоцировать его внезапную кончину (от сердечного приступа).

В настоящей статье подвергается анализу весьма ограниченная и неполная источниковедческая база подобных утверждений, акцентируется явно произвольное толкование немногочисленных архивных материалов, которые фигурируют в качестве аргументации вышеназванной гипотезы. Высказывается альтернативное предположение относительно возможного источника рассматриваемых обвинений по адресу Рахманинова, которое нуждается в последующей проверке на основе архивных разысканий.

Ключевые слова: *С. Рахманинов, Р. Пюньо, Н. Буланже, А. Т. Венявский, архивные материалы, источниковедческие публикации.*

О ЧЕМ ПОВЕСТВУЮТ АРХИВЫ (ВВЕДЕНИЕ)

В конце минувшего десятилетия на страницах музыковедческого сборника, выпущенного в Москве, была опубликована статья И. Акимовой «Гастроли Нади Буланже и Рауля Пюньо в России в 1913 году» [Акимова, 2019]. Автор статьи – исследователь российско-

го происхождения, работающий в Париже, – обратилась к малоизвестным архивным материалам, которые хранятся ныне в персональных фондах Национальной библиотеки Франции. Опираясь на эти материалы, И. Акимова изложила собственную, весьма драматическую версию названных гастролей. Как известно, прославленный французский пианист, намеревавшийся выступить с концертами в Москве (декабрь 1913 г.), прибыл к российской публике серьезно больным. Запланированные концерты пришлось отменить. Процесс лечения оказался малоуспешным; состояние Р. Пюньо ухудшалось, и две недели спустя он умер от сердечного приступа. Отпевание состоялось в Москве, после чего прах выдающегося музыканта был перевезен в Париж (см.: [Кривицкая, 2015, с. 273–274]. Между тем, по утверждению И. Акимовой, существовала и скрытая подоплека этих событий, якобы характеризующая причастностью к несостоявшимся гастролям Р. Пюньо нашего великого соотечественника С. Рахманинова.

В качестве «неопровержимого» аргумента фигурировало письмо, адресованное французским музыкантом «выдающемуся коллеге» Рахманинову и отправленное из гостиницы «Метрополь». Данное письмо содержало просьбу о «замене» (то есть выступлении вместо заболевшего Р. Пюньо) в первом из московских концертов. Далее И. Акимова сообщала, что в «ответном письме» (его текст был приведен по «вторичному источнику» более позднего времени – книге французского автора Ж. М. Шартона) Рахманинов отказался выполнить эту просьбу. «Категоричный отказ если и не повлек за собой скоростижную смерть Пюньо (sic! – К. Ж.), то стал причиной безысходного финансового положения и отчаяния французских музыкантов», – констатировала автор статьи [Акимова, 2019, с. 180]. Вот почему Н. Буланже в течение всей жизни «...запрещала произносить имя Рахманинова своему окружению и многочисленным ученикам»: он якобы представлялся ученице Р. Пюньо¹ безусловно «причастным» к трагедии, разыгравшейся на ее глазах [Там же, с. 179–180].

Следует заметить, что публикация освещаемой статьи в сборнике «источниковедческой направленности» [Брежнева, 2019, с. 5] закономерно вызывала большие сомнения. Целый ряд принципиально важных материалов, относящихся к обозначенной теме, либо не был представлен И. Акимовой, либо фигурировал в далеко не безупречных «пересказах». Аналогичная «небрежность» доминировала в «персо-

¹ По окончании Парижской консерватории (1908) Н. Буланже в течение пяти лет совершенствовала композиторское мастерство под руководством Р. Пюньо. Несколько сочинений были написаны ими в соавторстве.

нальных» комментариях, подготовленных автором. Эти сугубо научные «лакуны» едва ли компенсировались подчеркнута «драматической» манерой изложения и многочисленными субъективными «гипотезами». Отнюдь не случайно в предисловии редактора-составителя указанная статья аннотировалась весьма кратко и уклончиво, без упоминания имени С. Рахманинова: «...исследование... посвящено пребыванию Нади (Буланже. – К. Ж.) в России совместно с Раулем Пюньо и событиям, произошедшим во время их гастролей в Москве» [Там же, с. 5]. Насколько можно судить, в течение двух лет характеризующее «исследование» вообще не привлекало внимания российских специалистов в области научной биографики.

Ситуация радикальным образом переменялась благодаря недавней публикации второго тома новейшей «Летописи жизни и творчества» С. Рахманинова. Здесь были процитированы оба «эпистолярных текста» из статьи И. Акимовой [Валькова, 2022, с. 363–364], что позволяло (исходя из общеизвестного статуса музыковедческой летописи) не только объявить рахманиновское «ответное письмо» реально существующим, но и подтвердить «реальность» фактической ситуации, излагаемой в этой статье, наряду с авторским «вердиктом» относительно подлинной «виновности» Рахманинова, и т. д. Опрометчивость соответствующего решения, демонстрируемое в широко известном издании энциклопедического типа, является вполне обоснованным поводом для подробного рассмотрения статьи И. Акимовой, которое и будет предпринято ниже, с последовательной сменой «ракурсов» применительно к основным «действующим лицам».

СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ

Стремясь (по крайней мере, внешне) представить объективную характеристику ситуации, которая сложилась в декабре 1913 г., И. Акимова обращается к справочным материалам, содержащимся в трехтомном «Литературном наследии» Рахманинова. Так, утверждается, что «в переписке Рахманинова конца 1913 – начала 1914 года нет упоминания (sic! – К. Ж.) имени французского музыканта. <...> Возможно, занятость собственными (концертными. – К. Ж.) выступлениями побудила композитора отказать Пюньо. В хронографе выступлений Рахманинова... указан плотный график концертов: 30 ноября, 3, 8, 14 и 21 декабря» [Акимова, 2019, с. 178]. Тем самым, однако, достигается фактически противоположный эффект: реальный декабрьский «график концертов», проходивших только в Москве, оказывает-

ся не столь уж «плотным»². (Например, в конце 1930-х гг., после вынужденной эмиграции в США, 66-летний Рахманинов уверенно справлялся с «двойной» нагрузкой подобного рода, чередуя клавирабенды и выступления в сопровождении оркестров, да еще с разъездами.) Кроме того, гипотетическое выступление 10 декабря было отделено выходными днями от хронологически соседствующих концертов Рахманинова, и т. д. Иными словами, для музыканта подобного ранга утверждение о «занятости» выглядит лишь неубедительной отговоркой.

Между тем И. Акимовой не рассматриваются вопросы, гораздо более значимые для музыканта-исполнителя в подобной ситуации. К примеру, насколько привычным и «нетрудным» для Рахманинова должен был выглядеть сольный или камерный концерт в «избранной аудитории», сыгранный через *несколько часов* (!) после анонсирования, да еще с *незнакомой программой* (фактически *a prima vista*) и *неизвестными ему партнерами* – в ансамбле с певицей и фортепианном дуэте?! Не составляет труда убедиться в том, что подобных «экспериментов» в публичных выступлениях Рахманинов избегал на протяжении минимум двух десятилетий (середина 1890-х гг. – гастроли с Терезиной Туа). Его совместные концерты с довольно ограниченным количеством инструменталистов и певцов, как правило, объявлялись заранее, подразумевали определенный репертуар (в основном рахманиновские сочинения), предварительную репетиционную подготовку и т. д. Столь ответственный подход ко всем без исключения исполняемым программам представлялся вполне обоснованным, поскольку в первой половине 1910-х гг. профессиональная репутация концертирующего пианиста Рахманинова для отечественной аудитории и музыкальной критики отнюдь не выглядела столь «безоговорочной», как в дальнейшем. С ним довольно успешно конкурировали И. Гофман, А. Скрябин, А. Зилоти, периодически – И. Левин, К. Игумнов, зарубежные гастролеры Л. Годовский и Ф. Бузони... В тогдашней столичной прессе существовала довольно влиятельная «оппозиция» во главе с В. Каратыгиным (Петербург) и Л. Сабаневым (Москва), не упускавшая случая скептически высказаться о Рахманинове – компо-

² Названный график приводится неточно: с 30 ноября по 21 декабря С. Рахманинов выступил в *шести* концертах (пропущено выступление 18 декабря). Кроме того, специфическая трудность заключается в чередовании различных типов исполнительской техники: 30 ноября и 14 декабря – выступления в качестве дирижера симфонических концертов, 3 и 8 декабря – клавирабенды, 18 и 21 декабря – исполнения собственных фортепианных концертов с оркестром.

зиторе и исполнителе. Поскольку именно концертные выступления оставались важнейшим источником рахманиновского семейного бюджета, именно в данной ситуации (выступление перед «высшим обществом» и внушительной «делегацией» музыкальных критиков) отсутствие времени для подготовительной репетиционной работы должно было представляться крайне рискованным, фактически же – недопустимым.

Существовал и другой аспект предполагаемой «замены», опять-таки нуждающийся в разъяснениях. Как утверждает И. Акимова, гипотетический «категоричный отказ» Рахманинова, несомненно, «...стал причиной безысходного финансового положения и отчаяния французских музыкантов» [Акимова, 2019, с. 180]. Это, по всей видимости, означает, что «проблемы с деньгами», о которых сообщает автор статьи (основываясь на текстах позднейших телеграмм, отправленных Р. Пюньо своей супруге, а также импресарию в Париж и Варшаву [Там же, с. 178–179]), следовало интерпретировать как полное отсутствие средств из-за несостоявшегося концерта 10 декабря. Между тем дело не ограничивалось однократным выступлением: в Москве, судя по всему, были запланированы минимум *три концерта* с участием Пюньо³. Следовательно, Рахманинову надлежало не только «единожды рискнуть» собственной репутацией и передать выплаченный гонорар большому Пюньо, – указанный «эксперимент» следовало повторить вновь и вновь (самочувствие французского коллеги с каждым днем только ухудшалось), чтобы не вызвать протестов со стороны потенциальной аудитории и закономерных претензий московских импресарию, вездесущих газетчиков и т. д. При этом заявленные концерты Рахманинова (14, 18 и 21 декабря) никто отменять или переносить не собирался, их следовало отыграть в те же сроки на традиционном «рахманиновском» уровне, и т. п.⁴ Возникает неизбежный вопрос о правомерности указанных «ожиданий» со стороны Пюньо, объявляемых вполне резонными и даже самоочевидными в статье И. Акимовой.

³ В указанных выше телеграммах говорилось о «пяти потерянных концертах» в Берлине и Москве. Поскольку в Берлине французскому артисту довелось пробыть «пять дней», в Москву он прибыл 7 или 8 декабря, а последующий концерт в Варшаве планировался не ранее 16-го, естественно заключить, что Пюньо собирался выступить перед московской публикой трижды (см.: [Акимова, 2019, с. 177, 179]).

⁴ Следует заметить, что рахманиновский клавирабэнд, состоявшийся 8 декабря, также был объявлен как благотворительный («в пользу недостаточных слушательниц Высших женских курсов» – см. [Валькова, 2022, с. 363]).

Действительно, утверждение данного автора по поводу «отсутствия» французского пианиста в сохранившейся переписке Рахманинова зимних месяцев 1913–1914 гг. требует несомненной коррекции. С одной стороны, имя Пюньо фактически «отсутствует» во *всем* литературном наследии Рахманинова. По-видимому, они вообще никогда не обменивались письмами, имя Пюньо крайне редко фигурировало в эпистолярных рахманиновских диалогах с коллегами и т. д. Разумеется, допустимо предположить «шапочное» знакомство Рахманинова и Пюньо в начале 1900-х годов. Этому способствовал общительный характер А. Зилоти, пытавшегося (с большим или меньшим успехом) сформировать некое «интернациональное содружество» из видных музыкантов-исполнителей, участвовавших в концертах под его управлением. Когда Пюньо завершил свои выступления в упомянутой концертной антрепризе (к началу 1910-х гг.), его спорадические контакты с Рахманиновым, по сути, прекратились. Какие именно «весомые аргументы» (собственные или «привнесенные извне») позволяли французскому пианисту рассчитывать на благополучное завершение «концертной истории» в декабре 1913-го? Этот вопрос, безусловно, требует специального рассмотрения.

С другой стороны, именно в зимний период 1913–1914 гг. (подразумевается начало января) печальная судьба Пюньо обсуждалась Рахманиновым в беседах с близкими. По свидетельству С. Сатиной, «он с большой неохотой согласился ехать на этот раз за границу. Неожиданная смерть французского пианиста Пюньо в Москве, проболевшего около недели и умершего (дня за два-три до отъезда Рахманинова) в одиночестве, без друзей и помощи в какой-то гостинице, сильно поразила Рахманинова. Ему казалось, казалось, что и с ним случится какая-нибудь катастрофа в Англии и он не вернется больше домой. К счастью, все эти опасения оказались напрасными» [Сатина, 1988, с. 44]. Как видим, гипотетическая история с «просьбой о замене» и последующим «отказом» Рахманинова в данном контексте не фигурирует вовсе. Показательно и неточное изложение фактических обстоятельств пребывания французского музыканта в Москве⁵. Ско-

⁵ На самом деле Пюньо скончался за 5 дней до начала гастрольной поездки Рахманинова (за 3 дня до отъезда состоялось отпевание). В Москве французский пианист находился примерно две недели; его навещали (по крайней мере, это подразумевается И. Акимовой, ссылающейся на публикации во французской прессе) коллеги по гастролям и т. п. [Акимова, 2019, с. 177–179]. Заметим, что столь важное свидетельство, заведомо противоречащее утверждению о «полученном письме», не комментируется и даже не упоминается в рассматриваемой статье.

рее всего, Рахманинов и его близкие были крайне поверхностно осведомлены об этом. Смерть известного музыканта в период гастрольной поездки рассматривалась ими, условно говоря, с позиций общежитейских («судьба артиста») и даже «мистических» (некое «смутное предчувствие» рахманиновского ухода из жизни, последовавшего при аналогичных обстоятельствах тридцать лет спустя). Наряду с этим очевидны мотивы социальной незащищенности любого артиста, выезжавшего в ту пору на гастроли за границу, необходимости разработки и внедрения соответствующих международных конвенций для охраны его прав, усиления ответственности импресарио и т. д.

В целом, допустимо констатировать следующее. И. Акимова не располагает какими-либо значимыми свидетельствами, подтверждающими гипотезу о бесспорном *прочтении* цитируемого выше письма Рахманиновым и его *негативной реакции* на высказанную просьбу Пюньо. Вот почему нет оснований полагать, что именно эта *негативная реакция* повлекла за собой катастрофические последствия для тяжело больного Пюньо, что указанные «предположения» в какой-то мере позволяют «доказать виновность» русского музыканта. Кроме того, сами по себе реальные обстоятельства, относящиеся к данной просьбе, выглядят более чем странными и нуждаются в отдельном рассмотрении с привлечением дополнительных источников.

РАУЛЬ ПЮНЬО

О начальном этапе гастрольной поездки, трагически завершившейся в Москве, публикация И. Акимовой умалчивает – за исключением тех немногих сведений, которые приводятся в опубликованном письме самого Пюньо⁶. Исходя из вышесказанного, мы не располагаем сведениями о тех важнейших мотивах, которые побудили французского пианиста продолжить турне, вопреки опасности рецидивов недостаточно вылеченного бронхита в зимний период⁷. Следует ли признать решающим фактором невозможность получения медицинского свидетельства о болезни, желание компенсировать финансовые потери «берлинского» периода или «сохранить лицо» перед молодыми

⁶ По утверждению автора письма, он прибыл в Москву «...из Берлина, где провел пять дней в постели с бронхитом. Тем не менее врач разрешил продолжить путешествие...» (цит. по: [Акимова, 2019, с. 177]).

⁷ Даже в наши дни, при наличии антибиотиков и других новейших препаратов (заведомо отсутствовавших в арсенале берлинского врача, который оценивал состояние здоровья Пюньо), говорить о полном излечении бронхита в течение пяти (!) дней представляется едва ли правомерным.

коллегами (к выступлениям в Москве привлекались певица М. Веняская и Н. Буланже), – сказать трудно. Однако не вызывает сомнения, что именно двухсуточное пребывание в железнодорожном вагоне явилось фатальным для самочувствия Пюньо. К моменту высадки он чувствовал себя крайне плохо. Приехавшие в гостиницу местные врачи подтвердили необходимость безусловной отмены заявленных ранее концертов. Подобные осложнения могли быть спрогнозированы мало-мальски опытным гастролером заранее.

Между тем дальнейшее развитие ситуации представляется крайне запутанным. Согласно комментарию И. Акимовой, французский пианист и сопровождавшая его Н. Буланже приехали в Москву не позднее 7 или 8 декабря⁸. Таким образом, медицинский вердикт был сообщен Пюньо задолго до концерта. Предшествующий опыт лечения в Берлине свидетельствовал, что рассчитывать на скорое выздоровление, при самом благоприятном развитии событий, не приходилось. Артисту и его окружению следовало оперативно принять решение по поводу отмены концертов либо (если уж возникла идея с «альтернативным» приглашением исполнителя) начать соответствующие переговоры сразу, без проволочек. Фактически же Пюньо обратился к Рахманинову *через два или три дня*, за несколько часов (!) до концерта. Чем объяснить подобную «замедленность», явно граничившую с легкомыслием? Вопрос этот не затрагивается в цитируемом письме и не освещается в статье И. Акимовой.

Допустима ли вероятность «отсроченного» приглашения врачей? Едва ли. Ведь Пюньо должен был как-то информировать о своем затруднительном положении (включая невозможность репетиционной подготовки) других участников ближайшего концерта. Кроме того, надлежало заручиться обещанием гарантированной выдачи медицинского свидетельства (аналогичного тому, которое пианисту не удалось получить в Берлине). Рассматривались ли перспективы другой «замены»? Гипотетически названный вариант не исключен⁹. На-

⁸ Как отмечается в цитируемой статье, Пюньо умер 21 декабря, «через две недели после прибытия в Москву» [Акимова, 2019, с. 177]. В опубликованном письме, которое адресовалось Рахманинову, артист также оговаривал, что день его приезда не совпадает с анонсированной датой концерта 10 декабря [Там же]. Конкретный день в обоих случаях не сообщается.

⁹ В откликах французских газет на смерть Пюньо, цитируемых И. Акимовой, говорилось о «...невнимании, с которым отнеслись к его болезни *московские музыканты*» (курсив мой. – К. Ж.) [Акимова, 2019, с. 179]. Кто именно из коллег в Москве проявил такую душевную черствость, не указывалось.

помним, что к числу авторитетных музыкантов – почитателей французского артиста – принадлежал С. Танеев; что в конце 1890-х – первой половине 1900-х гг. Пюньо активно сотрудничал с таким выдающимся русским пианистом, как В. Сафонов, выступая в абонементных концертах под его управлением и т. д. Однако в дальнейшем (по-видимому, уже к середине 1900-х гг.) названные контакты были прерваны. Инициатором выступил сам Пюньо, объявивший о своем намерении добиваться более высоких гонораров за выступления в России (см. об этом подробнее: [Письма, 2002, с. 231–232; Кривицкая, 2015, с. 278–280]). Теперь же рассчитывать на «экстренную» безвозмездную помощь со стороны московских друзей Пюньо, скорее всего, не мог. Сафонов тогда по преимуществу жил и выступал в европейских странах, из российских городов предпочитая Петербург; Танеев же, вполне склонный к подобной «благотворительности», давно отказался от регулярных концертных выступлений, не соглашаясь играть публично без предварительных репетиций.

Помимо этого, вполне естественным представлялось обратиться за помощью к остальным участникам концертов. Так, Н. Буланже, окончившая Парижскую консерваторию по двум специальностям: композиция и орган, – превосходно владела фортепиано¹⁰. В обозначенной программе концерта «перед высшим обществом» фигурировали ее камерные вокальные произведения («Гимн» и «Волшебница»), исполняемые при участии автора. Вероятно, планировалось и выступление Буланже в четырехручном ансамбле с Пюньо (соответствующая возможность упоминается в его письме к Рахманинову). Кроме того, регулярно контактируя с мэтром в преддверии гастролей, она должна была хотя бы в общих чертах ознакомиться с намеченным к исполнению репертуаром. Иными словами, на протяжении двух или трех дней, предшествовавших концерту, высокоталантливая артистка вполне могла, руководствуясь указаниями мэтра, подготовить к исполнению аккомпанементы хотя бы нескольких вокальных пьес. Однако подобная «замена», судя по всему, даже не рассматривалась.

Следует признать, что финансовая сторона московских гастролей Пюньо нуждается в более подробном освещении. Анонсируя объявленное турне Берлин – Москва – Варшава как «завершение» собственной пианистической карьеры, французский артист явно рассчитывал

¹⁰ В мемуарных публикациях фигурируют восторженные отзывы по поводу блестящего владения роялем, демонстрируемого Н. Буланже вплоть до преклонных лет [Мейер, 2021, с. 217–218].

на соответствующие материальные итоги¹¹. Необходимость компенсации финансовых потерь, относящихся к «берлинскому» этапу, вынуждала Пюньо изыскивать какие-то варианты, благодаря которым намеченные выступления в Москве все-таки состоялись бы, принеся вполне удовлетворительный доход. Следовательно, решающим аргументом для Пюньо в сложившейся «форс-мажорной» ситуации являлось отнюдь не успешное исполнение заявленной программы, а благополучный финансовый итог. Скорее всего, французский пианист опасался, что публика «из высшего общества», узнав о его болезни, возмутится «журльнической рекламой», наотрез откажется присутствовать на концерте неизвестных в России музыкантов и потребует вернуть деньги за приобретенные дорогостоящие билеты. Вот почему выбор «подходящей» кандидатуры обуславливался, по словам Пюньо, критериями отнюдь не художественного свойства – только «известностью и признанием публикой» (цит. по: [Акимова, 2019, с. 177]), попросту говоря, принадлежностью к аналогичной «ценовой категории» в тогдашних рейтингах московских импресарио и концертных агентств. До самого последнего момента рассчитывая на возможность «подмены» (отнюдь не «замены»!), Пюньо умышленно скрывал информацию о своем реальном самочувствии. По тем же причинам он, вероятно, даже не пытался вступать в переговоры со своими русскими коллегами, боясь вероятной огласки.

«Отложенное» письмо Рахманинову, скорее всего, мотивировалось иными причинами¹². Во-первых, следовало переждать его очередное концертное выступление 8 декабря, поскольку задуманная просьба французского артиста «об услуге» могла прибыть в «неподходящий» момент (выше отмечалось, что указанному клавирабенту был придан благотворительный статус). Во-вторых, надлежало доставить послание Рахманинову «не слишком» рано или поздно, создавая тем самым правдоподобный эффект «безвыходной ситуации», фактически лишая адресата какой-либо реальной возможности для обдумывания альтернативных решений и оставляя время лишь для предконцертных сборов, беглого ознакомления с исполняемыми пьесами и т. д. С этой же целью планировалось доставить письмо, не при-

¹¹ «...Пюньо хотел, чтобы это была последняя гастрольная поездка: пианист мечтал посвятить себя композиторской деятельности», – утверждает И. Акимова [Акимова, 2019, с. 177].

¹² Хотя в тексте письма утверждается, что после запрета врачей на выступление 10 декабря Пюньо «сразу же подумал» о Рахманинове [Акимова, 2019, с. 177], известить последнего относительно этих «мыслей» было решено значительно позже.

бегая к услугам почты либо гостиничного рассыльного. Указанную функцию взялся осуществить муж певицы М. Венявской, по-видимому, обещавший затем доставить рахманиновский ответ Пюньо «из рук в руки». В-третьих, упорно именуя исполнение полномасштабной камерной программы лишь «услугой»¹³, автор письма вообще не затрагивал проблему последующей оплаты. Говорить о материях такого рода после рассуждений: «...артисты не только коллеги, но и немного братья, помогающие друг другу» (цит. по: [Акимова, 2019, с. 177]) – как будто представлялось мало уместным. Рахманинов, принадлежавший в первой половине 1910-х гг. к числу наиболее высокооплачиваемых пианистов России, славился к тому же активным участием в благотворительной концертной деятельности, и Пюньо мог рассчитывать на успех своей попытки склонить «выдающегося коллегу» к очередному выступлению «задаром».

Между тем заслуживает более тщательного рассмотрения историко-ведческий аспект указанной переписки, характеризуемый И. Акимовой весьма поверхностно. «Письмо на французском (языке. – К. Ж.) написано от руки, 10 декабря 1913 года, на бумаге гостиницы “Метрополь”» [Акимова, 2019, с. 178] – информация, вызывающая у специалиста немало резонных вопросов¹⁴. Кем написано это письмо – самим Пюньо или кем-то от его имени? Присутствует ли в тексте аутентичная подпись предполагаемого автора (в цитированном переводе она вообще не фигурирует)? Представляет ли собой оригинал черновую версию, беловик или рукописную копию? Вопросы эти нуждаются в конкретных и достоверных ответах по двум причинам. С одной стороны, в тексте письма обнаруживается довольно странный фрагмент: Рахманинову предлагается исполнить «вместе» с Н. Буланже некий «концерт Моцарта» [Там же, с. 177]. Известно, что моцартовские клавирные концерты подразумевают сопровождение оркестра (и сам Пюньо нередко обращался к ним в сольно-симфонических выступлениях 1900-х гг.). Однако приглашение соответствующе-

¹³ Вероятно, по этой причине вообще не было упомянуто действительное содержание названной программы: «концерт Моцарта или другое (? – К. Ж.) произведение», «у Вас будут два сольных номера», – вот и все, что сообщалось предполагаемому исполнителю (!) за несколько часов до выступления [Акимова, 2019, с. 177].

¹⁴ Более чем странным выглядит также отсутствие факсимильного воспроизведения письма (по утверждению И. Акимовой, оригинал хранится ныне в Национальной библиотеке Франции) или хотя бы французского текста, сверенного с первоисточником (а не с газетными «перепечатками», на которые ссылается автор цитируемой статьи).

го коллектива с целью исполнения подобного опуса в рамках сугубо камерной программы – явное «финансовое излишество» для Москвы тех лет. В свою очередь, весьма распространенные переложения моцартовских концертов для двух роялей – составная часть тогдашнего педагогического (не концертного!) репертуара. Наверняка зная об этом, Пюньо едва ли упомянул бы такое переложение в личном письме, адресуемом коллеге-пианисту уровня Рахманинова. Если же текст был написан кем-то другим (под диктовку или от имени Пюньо), знающим фортепианный репертуар менее основательно, подобная «оплошность» (скажем, «концерт» вместо четырехручной «сонаты» Моцарта) выглядит естественной и легко объяснимой.

С другой стороны, указанный источниковедческий анализ может предоставить необходимые комментарии к позднейшим и чрезвычайно оперативным публикациям данного текста во французской прессе (январь 1914 г.). Если письмо, отправленное (точнее, переданное) Рахманинову, достигло адресата, сразу же написавшего и вручившего «условному курьеру» ответное послание, каким образом это послание могло «исчезнуть», а предшествующее – вновь оказаться в распоряжении отправителя, что позволило затем доставить названный текст в Париж? Едва ли Рахманинов, на протяжении более чем десятилетия вовлеченный в активную деловую переписку с музыкантами России и зарубежных стран, уверенно определявший фактическую ценность того или иного присылаемого ему документа, возвратил бы полученное письмо от авторитетного французского коллеги условному «курьеру». В этой ситуации допустимо утверждать одно из двух: либо черновик эпистолярного текста, предназначавшегося Рахманинову, был заботливо сохранен (равнозначный вариант – беловая «версия» скопирована перед отправкой), либо соответствующий текст вообще «миновал» адресата – «курьер» вернулся в гостиницу с непрочитанным письмом. Существовал ли в этом случае письменный же ответ? Крайне сомнительно, ведь тогда французские журналисты не преминули бы его обнародовать или хотя бы пересказать содержание рахманиновского текста. К сожалению, И. Акимова не приводит комментариев, сопровождавших январские «мемориальные» публикации рассматриваемого письма. Вероятно, по поводу «ответного послания» в названных публикациях не сообщалось чего-либо определенного, и этот вопрос, по мнению автора статьи, желательнее было не затрагивать вовсе.

Полагая, что Рахманинов все же ознакомился с текстом письма (хотя бы в пересказе «курьера») и кратко сформулировал «резюме»,

не фиксируя его на бумаге, специалисту приходится допустить более чем условную «точность» последующей (опять-таки устной) информации, доставленной Пюньо. Едва ли возможно исключать и полностью выдуманное содержание гипотетического ответа (проверять его достоверность, по сути, не было времени). Аналогичное завершение «эпистолярного сюжета» представляется столь же вероятным, если «курьер» не встретился с Рахманиновым и задуманное «благотворительное» выступление оказалось невозможным в принципе.

НАДЯ БУЛАНЖЕ

На протяжении всего повествования о злополучных гастролях ученица Р. Пюньо, сопровождавшая его в поездке, странным образом пребывает на периферии событий, хотя в самом начале статьи анонсируется видимое значение архива Н. Буланже для изучения «московского эпизода»¹⁵. Между тем И. Акимов не сообщает, какие именно документы, хранящиеся в данном архиве, позволяют сделать соответствующий вывод. Так, не комментируется реальная осведомленность Н. Буланже о гипотетических «переговорах» с Рахманиновым, не сообщаются причины ее вероятного отсутствия на отпевании «любимого наставника» [Акимов, 2019, с. 179] и т. д. Ввиду полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств, принадлежащих самой Н. Буланже или другим участникам событий, читатель вынужден довольствоваться лишь категоричными утверждениями самой И. Акимовой, попросту «верить ей на слово». Сказанное в полной мере относится и к финальному разделу цитируемой статьи, посвященному Н. Буланже как преданной хранительнице «памяти ее друга и учителя» [Там же, с. 180].

Так, утверждается, что «на протяжении всей жизни в многочисленных интервью Надя Буланже сознательно избегала упоминаний о случившемся в Москве в 1913 году, запрещая произносить имя Рахманинова своему окружению и многочисленным ученикам. <...> Легко представить, что молодая Надя не могла примириться с участием Рахманинова...» в планируемом мемориальном концерте, посвящен-

¹⁵ Соотнеся датировку одного из писем (29 января 1914 г.) с упоминаниями Варшавы и предстоящего возвращения М. Венявской (Муромцевой) в Москву, Н. Буланже – в Париж, уместно предположить, что речь идет о совместных концертных выступлениях, планировавшихся (под руководством и при участии Пюньо) на вторую половину декабря и фактически состоявшихся месяцем позже. Разумеется, эти выступления лишь косвенно связаны с характеризуемым «эпизодом» [Акимов, 2019, с. 170].

ном Р. Пюньо, и т. д. [Акимова, 2019, с. 179–180]. При этом, разумеется, ни одна из приводимых авторских инвектив не подкрепляется отсылками к достоверным источникам. Откуда почерпнуты указанные биографические сведения? Из личного общения с Н. Буланже? Однако последняя умерла более 40 лет назад, следовательно, И. Акимова (заведомо не достигшая преклонного возраста) едва ли могла претендовать в конце 1970-х гг. на подобное доверительное общение. Вероятно, Н. Буланже перед смертью оставила потомству некие тайные признания? Или об этом «проговорился» кто-то из близких друзей Н. Буланже? Автор статьи не приводит необходимых комментариев, как будто речь идет о само собой разумеющихся, общеизвестных фактах, хотя любой компетентный специалист вправе оценить их с диаметрально противоположных позиций.

Чтобы разрешить кажущееся противоречие, обратимся к недавней публикации, вполне доступной любому отечественному исследователю. Речь идет о воспоминаниях польского композитора и музыковеда Кш. Мейера, включенных в его биографический очерк «О Наде Буланже» [Мейер, 2021]. Данный источник представляется вполне заслуживающим доверия по двум причинам. Во-первых, Кш. Мейер принадлежит к числу исследователей, с видимым успехом проявивших себя в области музыкальной биографики (достаточно упомянуть его известную книгу о Д. Шостаковиче). Во-вторых, автору очерка, по его собственным словам, «...посчастливилось трижды на несколько месяцев приезжать на учебу к Наде в Париж и наблюдать за ее манерой преподавания» [Мейер, 2021, с. 216]. Эти «мастер-курсы» датировались примерно серединой 1960-х гг., и многое из услышанного и запечатленного цепкой памятью Кш. Мейера следует признать фактическими «комментариями» к процитированному выше утверждению И. Акимовой.

По словам указанного мемуариста, «все ученики Нади отмечали ее либерализм, терпимость к любым убеждениям и направлениям. Но при этом мало кто вспоминал, с какой неприязнью она обычно высказывалась о Берлиозе, Штраусе, Скрябине или Малере, как критиковала эстетику Шумана, Листа, Вагнера и даже Дебюсси. Она *полностью отрицала ценность музыки Рахманинова*, резко критиковала Прокофьева (“финал Седьмой сонаты – это большевистская музыка”). Мессиана Надя Буланже однажды объявила “великим обманщиком в музыке XX века”. <...> Она не могла понять актуальные течения, новые приемы и тенденции – они были ей совершенно чужды. <...> Уже Веберн никогда не был темой ее уроков, как, впрочем, и Барток, и

Шимановский. Представитель Дармштадтской школы она однажды назвала “бедными детьми”. <...> *О Штокхаузене Надя не хотела слышать*, а насчет Булеза походя высказалась так: “Этот всё слышит” – и ни слова больше. Она терпеть не могла избыточно сложных партитур <...> и т. д. Более того, «польская певица Мария Модраковская свидетельствовала, что *Надя буквально запрещала вспоминать о своем раннем* (композиторском. – К. Ж.) *творчестве*. Это она объясняла “бесполезностью” своей музыки <...>» (курсив мой. – К. Ж.) [Мейер, 2021, с. 221, 212]. Заметки Кш. Мейера, буквально перекликающиеся с утверждениями И. Акимовой, могут рассматриваться двояко: либо речь идет о некой «абerrации», вследствие которой не только С. Рахманинов, но и А. Веберн, К. Штокхаузен, П. Булез, даже сама Надя Буланже оказываются «виновными» в каких-то «злодеяниях», либо вышеупомянутые «фигуры умолчания» вообще не обнаруживают связи с «московской историей» 1913 г., и эта связь попросту мистифицируется (сознательно или по неведению) автором цитируемой статьи.

В самом деле, «ненавидимый» Рахманинов, по сути, оказывается представителем едва ли не элитарного «сообщества» крупнейших композиторов XIX–XX вв., чьи «провинности» обуславливаются только эстетическим «пуризмом» Н. Буланже как приверженца «неоклассических» тенденций. Кстати, ее «друг и учитель» Р. Пюньо, будучи ярко выраженным представителем французского позднеромантического искусства, чуждался подобных «увлечений», вследствие чего Надя Буланже избегала упоминаний его имени в той же степени, что и рахманиновского. Вполне допустимо утверждать о неприятии музыки Рахманинова, характерном для отдельных учеников Н. Буланже, как о «заимствованной» черте. Однако сохранялся ли подобный «творческий нигилизм», свойственный их педагогу, авторитетному музыканту-«неоклассику», при обращении к творчеству Рахманинова-исполнителя? Едва ли – об этом неопровержимо свидетельствуют документальные материалы.

Как известно, 7 мая 1933 г. в Париже состоялось торжественное чествование Рахманинова, посвященное его 60-летию. Подробный комментарий об этом был опубликован местной газетой русской эмиграции «Возрождение» 8 и 9 мая. Сообщалось, помимо прочего, что на этом собрании выступил Альфред Корто, «...прочитавший адрес Рахманинову от виднейших французских композиторов, дирижеров и музыкантов (других специальностей. – К. Ж.)». В числе подписавшихся, наряду с А. Корто, Г. Пьерне, М. Лонг, Ж. Тибо, М. Равелем, Ж. Ибером, П. Дюка, А. Онеггером и другими, значилась и Н. Буланже

[Апетян, 1980, с. 559]. Достоверность указанной информации была подтверждена в дальнейшем З. Апетян, изучавшей материалы рахманиновского архива в Нью-Йорке (Библиотека Конгресса) и сообщившей коллегам необходимые каталожные данные о местопребывании этого юбилейного адреса. Более того, в современном детализированном описании упоминаемого архива, ныне размещенном в Интернете, фигурирует и персональная (!) поздравительная телеграмма, полученная Рахманиновым от Н. Буланже в связи с указанным событием [Sergei Rachmaninoff Archive, p. 48]. Нужно ли рассматривать подобные документы в числе особо «изоциренных» проявлений тайной «нелюбви», о которой столь обстоятельно рассуждает И. Акимова, – представим судить другим исследователям.

Между тем, если подобная неприязнь отсутствовала в принципе, оказывается легко объяснимым и «странный» факт, сообщаемый автором статьи. В персональном архиве Н. Буланже хранится адресованное ей письмо Ж. М. Шартона, автора книги «Французские годы Сергея Рахманинова», датированное 1968 г. и предшествовавшее публикации упомянутой книги: «...пребывание французских музыкантов в Москве в 1913 году его (письма. – К. Ж.) автором не обсуждается» [Акимова, 2019, с. 178]. Если пресловутый «запрет на произнесение» имени Рахманинова отсутствовал в принципе, логично предположить, что Ж. М. Шартон попросту не знал о какой-либо связи Н. Буланже с тогдашними гастролями, поэтому в его кратком пересказе «московского эпизода» упоминания о тогдашней ученице Пюньо отсутствуют вовсе [Charton, 1969, p. 65–66]¹⁶. Сама Н. Буланже могла по истечении полувека не придать особого значения данному «эпизоду» или даже позабыть о нем.

Ж. М. ШАРТОН КАК «ПУБЛИКАТОР РАХМАНИНОВСКОГО ПИСЬМА»

Упомянутой книге «Французские годы Сергея Рахманинова» в статье И. Акимовой отведено существенное место. Заметим, что сам Ж. М. Шартон предусмотрительно именуется здесь «автором», и это легко объяснимо. По всем важнейшим признакам соответствующий текст не может быть признан «исследованием»; в книге собраны

¹⁶ Единственное упоминание имени Н. Буланже фигурирует в перечне «благодарностей», адресованных известным французским музыкантам и деятелям культуры. По словам Ж. М. Шартона, этими уважаемыми «особами» высказывались ценные «советы» и «пожелания» относительно разнообразных проблем, освещаемых во «Французских годах Сергея Рахманинова» [Charton, 1969, p. 9].

«вольные эссе», которые объединяются анонсируемой «национальной» тематикой: хронологическими периодами, на протяжении которых великий музыкант проживал или регулярно гастролировал во Франции, конкретными местностями, которым он был склонен отдавать предпочтение, его кругу общения в этой стране, культурно-просветительским и образовательным проектам, реализованным при его участии, и т. д. Сам Ж. М. Шартон откровенно признает, что опирался на многочисленные биографические источники – опубликованные книги или статьи (условно говоря, от книги О. фон Риземана до второго издания «Воспоминаний...» под редакцией З. А. Апетян), разнообразные сведения, почерпнутые из переписки или интервью с родными, друзьями, коллегами Рахманинова, заметки и рецензии в национальной периодике etc. В начальных разделах книги обнаруживаются сразу несколько списков, охватывающих данные источники (вероятно, формирование указанных списков осуществлялось по мере завершения отдельных глав), призванных так или иначе компенсировать полное отсутствие традиционных отсылок. Подобные изыскания в большей мере сближаются с искусствоведческими или музыкально-критическими эссе, и сходство это еще более возрастает по причине «беллетризованной» манеры изложения: с обилием цитат из художественной литературы, пространными рассуждениями о французском искусстве первой половины XX столетия, авторскими эмоционально-образными характеристиками отдельных опусов Рахманинова и т. д. Вопреки несомненному стремлению Ж. М. Шартона быть точным, фактическое содержание его «компилятивного» текста весьма уязвимо в аспекте подлинно научной выверенности и корректности.

Наглядное тому подтверждение – эпизод с участием Р. Пюньо и С. Рахманинова, представленный в книге следующим образом: «В январе 1914 года Рауль Пюньо находился в Москве, где должен был дать *сольный концерт*. Накануне *концерта* великий французский пианист почувствовал себя плохо. Он попросил Рахманинова выступить вместо него. На это Рахманинов ответил: “Московская публика хочет слушать не Рахманинова, а Пюньо. Г-н Пюньо *сыграет завтра*”. Этот рыцарский жест по отношению к коллеге имел, однако, фатальные последствия. Пюньо *отыграл концерт и, изможденный, вернулся в отель. Спустя несколько дней его нашли мертвым в комнате; он умер в результате приступа*. После случившегося поведение Рахманинова осудили лица, более или менее негативно настроенные по отношению к композитору. Воистину, лучшее – враг хорошего. Рахманинов, должно быть, очень жалел, что не поддался на уговоры Пюньо» (перевод

В. Черноморской; курсив мой. – К. Ж.) [Charton, 1969, p. 65–66]. Как видим, цитируемое описание изобилует явными ошибками или неточностями (они отмечены в тексте), позволяющими вполне уверенно заключить: от начала до конца данная ситуация явно «транслируется» автором книги с чьих-то слов, без какой-либо проверки и дополнительного изучения фактов. Объясняется подобное «легкомыслие» в равной степени «вторичным» жанром книги и тем, что Ж. М. Шартон фактически не придает указанному эпизоду скольконибудь серьезного значения. Для автора книги предполагаемый поступок Рахманинова – «рыцарский жест», смерть Пюньо – результат фатального стечения обстоятельств, которое невозможно было предвидеть. Рахманинову, соответственно, остается лишь посочувствовать, ибо «лучшее оказалось врагом хорошего». Разве что национальная принадлежность Пюньо (француз) и некие последствия для рахманиновской репутации (по-видимому, относящиеся к его гастрольным выступлениям во Франции) побуждают автора книги кратко упомянуть о произошедшем.

И. Акимова также сетует на видимое незнание «архивных документов», характерное для Ж. М. Шартона [Акимова, 2019, с. 178]¹⁷, однако это не мешает ей объявить «апокрифический ответ» Рахманинова подлинной «цитатой из письма» (!), якобы отправленного в ответ на письменное обращение Пюньо¹⁸. Достигается указанная «подмена» незатейливым способом: текст Ж. М. Шартона цитируется лишь избирательно (причем в искаженном переводе), большей же частью – пересказывается с необходимыми «уточнениями». Так, вместо «попросил» и «ответил» предлагается читать, соответственно, «обратился с письмом» и «написал ответное письмо», чего в цитируемом фрагменте заведомо нет, реально приведенная фраза «сыграет завтра» подменяется другой – «будет играть». Благодаря этим «уточнениям» однозначно декларируется не только «реальность» обмена посланиями, состоявшегося между Пюньо и Рахманиновым, но и фактически оскорбительный тон рахманиновского ответа, якобы отосланного (или переданного) старшему и весьма почитаемому кол-

¹⁷ При этом, однако, упоминаются «архивы Нади Буланже», хотя не разъясняется, что именно оказалось бы полезным в этих «архивах» для Шартона.

¹⁸ «К сожалению, Шартон не помещает каких-либо сведений о языке оригинала письма Рахманинова. Неизвестно и его (т. е. “письма”. – К. Ж.) местонахождение» [Акимова, 2019, с. 178]. Эта «странная» информация дословно воспроизводится в рахманиновской «Летописи...» [Валькова, 2022, с. 364].

леге¹⁹. Тем самым Шартону приписывается нечто, им самим не утверждаемое и не подразумеваемое, – обнаружение, «цитирование» и сокрытие «письма» Рахманинова; в свою очередь, гипотетическое «письмо» фактически позволяет И. Акимовой, ссылаясь на Шартона (!), аргументировать свой обвинительный «вердикт».

Однако если весь эпизод попросту «заимствовался» автором книги, почему именно для «виртуальной цитаты» он должен был сделать исключение? Ответ предскажем: потому что «концепция виновности», измышляемая ныне другим, более поздним автором, настоятельно требовала подтверждения – хотя бы фиктивного. Вот почему Ж. М. Шартон, сам того не ведая, предстал в амплу «источниковеда», якобы открывшего миру неизвестное «письмо Рахманинова», однако почему-то «утаившего» этот документ. Ведь если указанного ответного письма в действительности не было, пресловутая «виновность» оказывалась под сомнением и выстраиваемая исследовательская «система доказательств» лишалась бы соответствующей (хотя бы внешней) убедительности.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ АРХИВЫ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Исходя из вышеизложенного, результаты архивных разысканий, предпринятых И. Акимовой, должны быть признаны более чем скромными. Письма А. Спиридоновой, обнаруженные и подготовленные исследователем к публикации, не содержат значимых фактов, имеющих отношение к биографии Рахманинова, анонсируя в лучшем случае определенные (по-видимому, оставшиеся нереализованными) планы самого автора письма²⁰. Другие материалы, привлекаемые

¹⁹ Как известно, официальное письмо, содержащее упоминания адресата исключительно в третьем лице, с повелительными интонациями, без начального уважительного обращения и аналогичных заключительных фраз, традиционно считается в русской эпистолярной традиции демонстративным проявлением крайнего пренебрежения. В опубликованном эпистолярном наследии Рахманинова такие письма отсутствуют – он избегал подобного тона даже в заведомо конфликтных ситуациях.

²⁰ Среди этих планов, озвучиваемых в письме от 29 января 1914 г., – желательное завершение портрета Р. Пюньо, начатого художником Д. Щербиновским после отпевания артиста. Как отмечает И. Акимова, «предположительно, ответов на письма Анны Спиридоновой (со стороны Н. Буланже. – К. Ж.) не последовало» [Акимова, 2019, с. 180] – разумеется, по причине упоминаемого выше «праведного гнева» адресата, хотя существует и более очевидная мотивация: Анна фактически предложила своей французской подруге принять участие в дальнейшем финансировании этой живописной работы (после отказа М. Венявской, оценившей

в качестве аргументации, избобляют вольными «допущениями» и заведомыми ошибками. Пытаясь (вольно или невольно) придать указанным материалам большую значимость, И. Акимова создает у мало-мальски внимательных и непредвзятых читателей фактически противоположное мнение. При этом специалист вправе усомниться в реальной исследовательской компетентности и профессиональной источниковедческой квалификации названного автора.

Скорее всего, выявление ключевых материалов, связанных с московскими гастрольями Р. Пюньо 1913 г. и нуждающихся в целенаправленном изучении и описании, предполагает иной вектор упомянутых архивных разысканий. Следует обратиться к малоизвестным фактам биографии «супругов Венявских», непосредственно вовлеченных в тогдашние события и при этом вообще обойденных вниманием И. Акимовой²¹. Это обращение мотивируется несколькими причинами. Во-первых, камерная певица Мария Сергеевна Венявская (урожд. Муромцева), младшая дочь прославленной оперной артистки и вокального педагога М. Климентовой-Муромцевой, поддерживала творческие контакты с такими авторитетными музыкантами Москвы, как С. Танеев и А. Гольденвейзер (которые, в свою очередь, принадлежали к рахманиновскому «кругу общения»), В. Сафонов и А. Гречанинов. При этом М. Венявская на протяжении 1900-х – первой половины 1910-х гг. регулярно приезжала (как правило, вместе с матерью) в Париж²². Здесь она принимала участие в исполнении разнообразных концертных программ (и вокально-хоровых, и камерных), благодаря чему познакомилась и с Р. Пюньо, и со своим будущим мужем – композитором Адамом Тадеушем Венявским, выпускником «Schola Cantorum» и Парижской консерватории²³.

гонорар, запрошенный Щербиновским, как «чрезмерный»). Между тем Н. Буланже едва ли располагала необходимыми средствами после окончания столь трудных и едва ли не убыточных гастролей, что побудило ее уклониться от поддержки данного «мемориального проекта».

²¹ Согласно утверждению цитируемого исследователя, «сведений о супружеской паре найти не удалось» [Акимова, 2019, с. 177].

²² Как утверждает современный исследователь, «местопребывание... Климентовой-Муромцевой... разделилось между Москвой и Парижем» еще с конца 1880-х гг. [Петухова, 2023, с. 115].

²³ Исходя из этого, «неустановленная персона» из письма А. Спиридоновой – «госпожа Муромцева», заказавшая портрет Р. Пюньо художнику Д. Щербиновскому [Акимова, 2019, с. 170–174], и певица М. Венявская, фигурировавшая в числе участников московских концертов, есть одно и то же лицо.

Во-вторых, сам Венявский, будучи уроженцем Варшавы и поданным Франции, столь же регулярно посещал Россию и приобрел здесь некоторую известность в музыкальных кругах. Этому способствовало его близкое родство с выдающимися исполнителями второй половины XIX столетия братьями Генриком и Юзефом Венявскими, преподававшими и концертировавшими в России на протяжении 1860–1870-х годов, а в особенности – женитьба на Марии Муромцевой²⁴. По-видимому, А. Венявский, откликаясь на просьбы участников будущих гастролей, занимался решением организационных проблем (официально или нет – предстоит выяснить), связанных с московскими концертами. Судя по тексту письма Пюньо к Рахманинову, а также высказываниям парижской прессы, которые цитируются И. Акимовой, ни одно из важнейших событий данного периода: лечение знаменитого артиста; его предполагаемая попытка договориться с «выдающимся коллегой» относительно вероятной «замены»; последующее ухудшение самочувствия и смерть; отпевание, состоявшееся в одном из католических храмов Москвы [Акимова, 2019, с. 177–179], – не проходило без присутствия или прямого участия А. Венявского. Более того, согласившись выступить в роли «почтальона», А. Венявский оказался не только обладателем вышеуказанного письма, но и, быть может, единственным «информатором» для своих коллег и музыкальной общественности в целом по поводу состоявшейся (либо не состоявшейся) встречи и беседы с Рахманиновым.

Естественно предположить, что в указанной ситуации обнаружение соответствующих документов и мемуарных свидетельств, относящихся к «московской истории» 1913 года, в архивах фондов Пюньо и Буланже, представляется крайне маловероятным. И «молодая Надя», и парижские журналисты, и столичные коллеги Пюньо (равно как и Ж. М. Шартон, чья книга о Рахманинове создавалась в конце 1960-х гг.), были заведомо лишены доступа к альтернативным источникам информации, полностью доверяя (или не доверяя) «версии», изложен-

²⁴ Известно, что в московской прессе А. Венявского называли «Адамом Александровичем» [Акимова, 2019, с. 177], подобно тому, как ранее Юзеф и Генрик Венявские именовались соответственно «Иосифом Федоровичем» и «Генрихом Федоровичем». Примечателен и другой факт: скорее всего, именно благодаря посредничеству М. Муромцевой некоторые вокальные произведения ее мужа дополнили камерно-концертный репертуар Л. Собинова. Впрочем, у А. Венявского имелись влиятельные покровители и в Петербурге, о чем свидетельствовала постановка его первой оперы «Мегаэ» на сцене Мариинского театра (март 1916 г.).

ной А. Венявским. Проверить же данную версию не представлялось возможным: Рахманинов на протяжении ближайших месяцев не приезжал во Францию (ограничившись выступлениями в нескольких городах Великобритании), а разразившаяся полгода спустя Первая мировая война заставила музыкальную общественность немедленно позабыть о декабрьских событиях, произошедших в Москве.

Ныне, задумываясь о целенаправленных разысканиях соответствующих материалов в зарубежных архивах, следует обозначить два наиболее перспективных «вектора», связанных с четой Венявских. Одно из этих направлений – Париж, куда А. Венявский отбыл еще до начала военных действий²⁵. Восемь лет спустя он вернулся на родину, а в Париже обосновались М. Климентова-Муромцева с дочерью, тогда же покинувшие Москву. Как известно, обе артистки умерли в Париже: М. Венявская – в 1930 г., ее мать – значительно позже, в 1946-м. При этом на протяжении 1920–1930-х гг. М. Климентова-Муромцева вела активную педагогическую и музыкально-просветительскую деятельность, что закономерно предполагает наличие обширного архива; в указанном архиве, скорее всего, хранились и материалы, относящиеся к М. Венявской (она проживала совместно с матерью). Выявив местонахождение этого архива и получив к нему доступ, исследователи смогут хотя бы ориентировочно установить, насколько М. Венявская была вовлечена в «московскую историю», завершившуюся смертью Р. Пюньо.

Другим «вектором», по нашему мнению, являются польские города: Варшава, где в 1922 г. поселился А. Венявский, позднее – Быдгощ, куда он переехал после Второй мировой войны (здесь же и скончался в 1950-м). Поскольку именно в Быдгоще проживали дочь А. Венявского от второго брака и ее семья, то личный архив композитора, по-видимому, был унаследован ими. Упомянутое направление архивных разысканий представляется нам особенно важным: судя по всему, в польской столице, как явствует из новейших справочных изданий, сохранились преимущественно официальные документы, связанные с музыкально-административной, общественной и педагогической деятельностью А. Венявского, рукописи его некоторых музыкальных и литературных сочинений etc. [Chmara-Zaczkiewicz, 2012, s. 166–167].

²⁵ Об этом сообщается в недавней энциклопедической статье (см.: [Chmara-Zaczkiewicz, 2012, s. 166]. По-видимому, уже тогда «интернациональный» брак фактически распался и в дальнейшем супруги жили порознь.

Таким образом, в данном случае углубленное изучение мемуарных и документальных источников не должно подменяться «имитацией» соответствующего процесса (весьма уязвимой с точки зрения научной добросовестности), тем более – публичными «инвективами», адресуемыми одному из крупнейших русских композиторов XX столетия. Допустимо надеяться, что исследования ближайших лет позволят внести необходимые коррективы в аналитическое освещение указанной проблематики.

Литература

- Акимова И. В.** Гастроли Нади Буланже и Рауля Пюньо в России в 1913 году // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций. Вып. 8 / сост. И. В. Брежнева. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2019. С. 169–180.
- Апетян З. А.** Комментарии // Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. / под ред. З. А. Апетян. М.: Сов. композитор, 1980. Т. 2: Письма. С. 371–568.
- Брежнева И. В.** Предисловие // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций. Вып. 8 / сост. И. В. Брежнева. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2019. С. 169–180.
- Валькова В. Б.** С. В. Рахманинов: Летопись жизни и творчества. Т. 2: 1900–1917. Тамбов: Музей-заповедник С. В. Рахманинова «Ивановка», 2022. 580 с.
- Кривицкая Е. Д.** Рауль Пюньо в России: По страницам писем Р. Пюньо к В. И. Сафонову // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций. Вып. 7 / сост. И. В. Брежнева. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2015. С. 272–280.
- Мейер Кш.** О Наде Буланже // Музыкальная академия. 2021. № 1. С. 211–222.
- Петухова С. А.** Письма М. Н. Климентовой-Муромцевой к С. И. Танееву (1901–1903): хлопоты об «Орестее» // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций. Вып. 9 / сост. И. В. Брежнева. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2019. С. 272–280.
- Письма зарубежных музыкантов XIX–XX веков: Из фондов Музея музыкальной культуры: Аннотированный указатель / сост. Н. С. Востокова, К. Н. Игнатьева. М.: ГЦММК им. М. И. Глинки, 2002. 436 с.
- Сатина С. А.** Записка о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост. и коммент. З. А. Апетян. Т. 1. Изд. 5-е, доп. М.: Музыка, 1988. С. 12–115.
- Charton J. M.** Les annees francaises de Serge Rachmaninoff. Paris: Revue moderne, 1969. 164 p.
- Chmara-Zaczkiewicz B.** Wieniawski Adam Tadeusz // Encyklopedia Muzyczna PWM. Czesc Biograficzna: w 12 t. / pod redakcja E. Dziebowskiej. T. 12. Krakow: PWM, 2012. S. 165–167.

Sergei Rachmaninoff Archive: Guides to Special Collection in the Music Division of the Library of Congress. 138 p. URL: https://findingaids.loc.gov/exist_collections/ead3pdf/music/2015/mu015003.pdf (дата обращения 15.09.2023).

Konstantin A. Zhabinsky

*S. Rachmaninov Rostov State Conservatory
Rostov-on-Don, Russian Federation*

**“CASE OF S. RACHMANINOFF – R. PUGNO”:
THE FACTS AND CONJECTURES**

Abstract: Until very recently, the idea that the relationship between S. Rachmaninoff and R. Pugno was not very close dominated musical and cultural studies. The situation changed in the late 2010s – early 2020s when some researchers put forward a hypothesis about Rachmaninoff’s “involvement” in the tragic death of Pugno, which occurred in Moscow during a tour in 1913. They stated that Rachmaninoff allegedly refused to help a seriously ill French colleague who asked to replace him in the announced concert program. This situation caused financial difficulties for Pugno and maybe even his sudden death (from a heart attack). The article analyzes the limited and incomplete source base underlying such statements and highlights the obviously biased interpretation of the few archival materials supporting this hypothesis. It makes an alternative assumption regarding the possible source of the allegations against Rachmaninoff, which requires further verification based on archival research.

Keywords: *S. Rachmaninoff, R. Pugno, N. Boulanger, A. T. Wieniawski, archives materials, source studies publications.*

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия
katiadmitrieva@mail.ru*

**СЕНАР С. РАХМАНИНОВА И ГРАСС И. БУНИНА:
РУССКАЯ УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ, ПРОДОЛЖЕННАЯ В ЭМИГРАЦИИ**

Аннотация: Если ранее бытовало представление, что жизнь русской усадьбы была весьма коротка, замыкаясь между 1762 г. («Указом о вольности дворянской») и 1917 г., уничтожившим помещичью Россию, то ныне исследователи все настойчивее задаются вопросом о том, какую роль играла усадебная жизнь в русской культуре уже после 1917 г. Форм этой последующей жизни было множество: превращение усадеб в музеи усадебного быта, в музеи, освященные именами знаменитых владельцев и пр. Можно вспомнить и о той новой волне пассивизма, которая охватила писателей уже в советские времена, когда усадебный мир и усадебное прошлое стало важной составляющей культурной и исторической памяти, «обителью души». Но была у этого фабулирования и вполне реальная основа – попытка реконструировать усадебное прошлое уже вне России, за рубежом. Статья, написанная в жанре case-study, посвящена сравнительному описанию усадебных экспериментов, актерами которых стали два крупнейших оказавшихся в эмиграции русских художника. Первый случай – это история И. А. Бунина, в эмиграции поселяющегося на юге Франции и пытающегося – при, казалось бы, явно не благоприятствующих тому условиях – создать некое подобие русской усадебной жизни на чужбине. И второй случай – гораздо более благополучного, по крайней мере в материальном смысле, С. В. Рахманинова, строящего усадьбу на берегу Фирвальдштетского (Люцернского) озера, дабы утешить жену, тоскующую по Тамбовской родовой усадьбе. Основной вопрос, который поднимается в статье: какую роль подобное воскрешение кусочка России

Данная статья представляет собой переработанные и дополненные главы монографии Е. Е. Дмитриевой «Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880–1930-е годы)» (М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2020. 768 с.): «Грасс Бунина: воскрешение русской усадебной жизни в нерусском пространстве» и «Между тамбовской Ивановкой и американскими виллами на Гудзоне: швейцарское имение Сенар С. В. Рахманинова» (с. 143–171, 172–200).

за границей сыграло не только в эмигрантском бытии Рахманинова и Бунина, но насколько и как оно смогло сублимироваться в их творчестве.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, С. В. Рахманинов, Грасс, Сенар, эмиграция, усадебная жизнь.*

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

30 августа 1930 г. неподалеку от виллы «Бельведер», где в те времена проживало семейство Буниных, появился «чей-то великолепный темно-синий автомобиль». А когда возвращавшиеся с купания хозяева вошли в калитку дачи, навстречу им «с кресла под пальмой поднялась высокая мужская фигура, а за ней что-то голубое». Это был С. Рахманинов с дочерью Таней, приехавшие на несколько дней в Канны.

В той записи в дневнике, сделанной Галиной Кузнецовой, где описывается встреча Бунина и Рахманинова на вилле «Бельведер», отчетливо проглядывает разность той жизненной ситуации, в которой пребывали эти два знаменитых русских эмигранта, покинувшие Россию после 1917 г. «У Тани оказался с собой американский аппарат, маленький синема, который она наводила поочередно на всех нас. Одеты оба были с той дорогой очевидностью богатства, которая доступна очень немногим. <...> Тотчас же были “мобилизованы” все съестные припасы в доме. Камий послали вниз за ветчиной и яйцами, я побежала за десертом, и через полчаса мы все уже сидели за столом. <...> Они уехали часов в десять, предположительно решив встретиться с нами на другой день в Каннах. Во время обеда я часто смотрела на него и на И. А. и сравнивала их обоих – известно ведь, что они очень похожи, – сравнивала также и их судьбу. Да, похожи, но И. А. весь суше, изящнее, легче, меньше, и кожа у него тоньше, и черты лица правильнее» [Кузнецова, 2009, с. 181].

Они, действительно, были внешне очень похожи, об этом и сегодня можно судить по их портретам. Но было и духовное родство. На самом деле, с Рахманиновым Бунин «кратко» подружился еще в молодости. Об их неожиданно обнаруженном избирательном сродстве он впоследствии написал: «При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. / Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на

берегу моря, он обнял меня и сказал: “Будем друзьями навсегда!” / Уж очень различны были наши жизненные пути, судьба все разъединяла нас, встречи наши были всегда случайны, чаще всего недолги, и была, мне кажется, вообще большая сдержанность в характере моего высокого друга» [Бунин, 1967, с. 377–378].

Среди того, что роднило Рахманинова с Буниным, был опыт усадебного – российского – детства, проживания в родительских усадьбах, которые вскоре будут утрачены по вине живших «не по чину» отцов, а также жизнь в чужих усадьбах, которые затем начинают ощущаться как свои (у Бунина такой усадьбой стало Глотова, у Рахманинова – тамбовская Ивановка). Впоследствии, осмысляя собственную свою судьбу и исконное – не-стяжательное – отношение русского человека к земле, Рахманинов писал: «В каждом русском есть тяга к земле, больше чем у какой-либо другой нации. У других, например у американцев, я ее совсем не замечаю. Мне кажется, здесь она отсутствует. / Когда я говорю про тягу к земле – не думайте, что в этом чувстве я подразумеваю любовь к стяжанию, то есть чувстве, лучше всего выраженном в знаменитом рассказе Л. Толстого о лошади Холстомере, который рассказывает, что у людей есть потребность как можно больше вещей назвать “моими”. Нет, в мыслях русских людей о земле есть какое-то стремление к покою, к тишине, к любованию природой, среди которой он живет, и отчасти стремление к замкнутости, к одиночеству. Мне кажется, в каждом русском человеке есть что-то от отшельника». <...> До 16 лет я жил в имениях, принадлежавших моей матери, но к 16 годам мои родители растеряли свое состояние, имения пропали, были распроданы и я уезжал на лето в имение моего родственника Сатина¹. С этого возраста вплоть до мо-

¹ Под имениями, в которых Рахманинов жил до 16 лет, он имел в виду Онег под Великим Новгородом, где вскоре после свадьбы поселились родители Рахманинова. А также усадьбу Семеново, находившуюся в 60 километрах от Старой Руссы, в которой, по одной из версий, и родился композитор (об имени Семеновское был снят документальный фильм Н. Басмановой «Вернись на родину, душа», в основу которого легли три романа С. В. Рахманинова и стихи И. А. Бунина). Последующий усадебный опыт Рахманинова был связан уже с имением бабушки, С. А. Бутаковой, которая, согласно семейной легенде, купила его по просьбе внука: это было имение Борисово под Великим Новгородом, где Рахманинов провел не одно лето, в том числе и в те годы, когда уже учился в консерватории. Затем была еще подмосковная дача Н. С. Зверева (1833–1893), известного мецената, профессора московской консерватории, который своих воспитанников (а в их числе был и Рахманинов) каждое лето возил в Крым или на дачу под Москвой [Крутов, 2019]. А также подмосковное имение певицы Т. С. Любатович (1859–1952), которая приглашала на свою дачу Рахманинова вместе с другими членами Частной русской

мента, когда я покинул Россию (навсегда?), целых 28 лет я и жил там. С 1910 года это имение перешло в мои руки. Находилось оно около 300 миль к ю[го]-в[остоку] от Москвы, или ночь пути по железной дороге и называлось оно Ивановкой. Туда я всегда стремился или на отдых и полный покой, или, наоборот, на усидчивую работу... <...> Я сказал, что туда, в Ивановку, я всегда стремился. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доныне туда стремлюсь» [Рахманинов, 1978, т. 1, с. 51–52].

Последний раз в Ивановку Рахманинов приехал весной 1917 г. «на посев». Все дела по хозяйству он в это лето поручает управляющему². «Вскоре, – вспоминала С. Сатина, – вместе с семьей он уехал на все лето в Крым. Осенью перед возвращением из Крыма в Москву он дал в Ялте концерт <...> Это было 5 сентября 1917 года, и это был последний его концерт на родине вообще» [Там же, с. 47].

Вспоминается финал рассказа И. А. Бунина «Таня»: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни» [Бунин, 1987–1988, т. 5, с. 342].

Бунин после продажи в 1889 г. родительского имения Озерки в дальнейшем оседлого жилья не имел, бóльшую часть времени проводя в гостиницах, путешествиях, имениях родственников, особенно навещая в Глотово, к двоюродной сестре С. Н. Пушешниковой. С 1909 и по 1913 г. зимы они с женой проводили на Капри – пребывания, которые, возможно, стали для Бунина первым опытом «усадебной» жизни на вилле вне России [Нинев, 1973]. За чтением газет в

оперы С. Мамонтова. Наконец, имение бабушки Варвары Васильевны Рахманиновой Знаменское, пребывание в котором (купание в реке) чуть не будет стоить Рахманинову жизни. Лето 1893 г. Рахманинов проведет в еще одной усадьбе – имении купца Лысикова в Харьковской губернии. Пребывание это, необычайно для него плодотворное, завершится созданием духовного концерта «В молитвах неусыпающую богородицу», шести романсов (ор. 8) и симфонической фантазии «Утес» (ор. 7) [Сатина, 1998, с. 26]. Но главным усадебным опытом стало имение сестры его отца Варвары Аркадьевны Сатиной, которая после разрыва, произошедшего у Рахманинова со Зверевым, приютила его сначала в своей московской квартире на Пречистенке, сделав по сути членом своей семьи, а затем пригласила его на лето (1890) в имение Ивановка Тамбовской губернии. Дочь Варвары Аркадьевны, Наталья Александровна Сатина (двоюродная сестра Рахманинова, выпускница Московской консерватории по классу фортепиано) станет в 1902 г. его женой, другая же его кузина Софья Сатина – его первым и, по-видимому, самым достоверным биографом, на воспоминания которой мы в дальнейшем в основном и опираемся.

² Об Ивановке и ее судьбе в советские и постсоветские годы см., в частности, [Харламова, 2017].

чужом, но все же очень родном Глодове Бунин в 1917 г. провел последние свои лето и осень в России.

ЭМИГРАЦИЯ

Жизненные пути оказавшихся в эмиграции Рахманинова и Бунина, действительно, были различны. Хотя правильнее было бы сказать – не жизненные пути, но те обстоятельства, которые эти пути определяли. Концертная деятельность Рахманинова, которой с 1918 г. он отдавал все больше сил и времени, приносила ему существенный доход, позволявший не только безбедно жить его семейству, но и ему самому заниматься в эмиграции прозелитизмом, жертвуя немалые деньги «на нужды русских людей». Она же позволяла (и заставляла) также снимать недешевые виллы как в Америке, так и в европейских странах, где он концертировал.

Бунину его литературные труды приносили не слишком много, вынуждая даже не столько его, сколько его жену Веру Николаевну Муромцеву, жить экономно, за исключением того краткого эпизода, когда в 1933 г. Бунин получил Нобелевскую премию, которая, впрочем, оказалась довольно быстро растратчена.

Но общей была потребность в обретении, путь и на чужой земле, собственного дома, усадьбы, которая могла бы хотя отчасти компенсировать тоску по родине. Такой усадьбой стала для Рахманинова швейцарская усадьба на берегу Фирвальдштетского озера, которую он купил в 1931 г. и где он прожил до 1939 г. В жизни Бунина аналогичную роль (возможно, даже чуть большую, сыграл французский приальпийский городок Грасс³ и те три виллы, которые он вместе с Верой Николаевной здесь снимал. Южный город, который станет местом его преимущественного пребывания почти в течение 20 лет, магнитом, к которому Бунин постоянно тянулся, восхищаясь им и в то же время хуля, и который означил важный период в его жизни и творчестве, собственно, и увенчавшийся Нобелевской премией.

Как и вживанию Рахманинова в Сенар, вживанию в Грасс у Бунина предшествовали поиски. Отплыв 20 января 1920 г. из Одессы в

³ Во времена Бунина (да, собственно, это справедливо и по сей день) Грасс был небольшим городком, весьма живописно расположенным в 40 километрах от Ниццы на южном склоне горы Рокавинь, откуда открывается вид на Средиземное море и на горную грядку Эстерель. История этого города, уходящая в глубь Средневековья, была тесно связана с историей Прованса. Важной культурной референцией Грасса стало присутствие в нем художника Жан-Оноре Фрагонара (1732–1806), когда-то прогуливавшегося по кривым улочкам города.

Константинополь, в марте того же года Бунины оказываются во Франции, где поначалу поселяются в Париже. Но вскоре Бунин пытается, «как и в дореволюционное время», организовать следующий распорядок: «летом на юге Франции, зимой поездки в Париж и другие города» [Двинятина, Морозов, Шинкова, 2019, с. 354]. И начинает подыскивать себе летнее пристанище в Приморских Альпах, которыми будет подписан целый ряд его рассказов 1920-х гг. Летом 1922 г. он вместе с В. А. Злобиным ездит по югу Франции в поисках жилья на лето, которое планирует провести с Мережковскими [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 72]. По словам В. Н. Буниной (Муромцевой), объехали они тогда пол-Франции и Бунину понравился один из замков на окраине города Амбуаз в Шато Нуаре – старинное имение, некогда монастырь, недалеко от дома Леонардо да Винчи. Здесь Бунины прожили с 7 июня по 6 ноября 1922 г. Но уже весной 1923 г. Буниным удается снять их первую виллу в Грассе. Возможно, одним из главных факторов, повлиявших на выбор Грасса, была не только красота его местоположения, впрочем, имеющая свои «за» и «против» (не так легкий спуск, и особенно подъем по крутому холму, и можно только представить, как непросты были, особенно для Веры Николаевны Буниной, почти ежедневные походы на рынок и в съестные лавки). Важным фактором была, конечно же, относительная дешевизна Грасса, расположенного не на побережье и пользовавшегося репутацией города демократического (еще в 1932 г. в одном из писем В. Н. Бунина напишет мужу, что Париж, дескать, «не Грасс», имея в виду несопоставимость в них расходов [Бунин, 2019, с. 607]). Впрочем, сомнения время от времени Буниных все же одолевали: «Что такое Грасс и сколь он не годится вам на лето: жарко, скучно, – пустыня! – жить дорого, до моря далеко, русских, кроме нас, ни души, да и мы – будем ли мы этим летом в Грассе?» [Муравьева-Логинова, 1973, с. 307].

Что касается Рахманинова, то он в эмиграции между гастролями, выступлениями и частыми перемещениями между европейскими странами и Америкой не переставал искать «уголок», где бы он мог сочинять музыку, оставаться наедине с семьей, принимать друзей, как это бывало у него в Ивановке. Таким «уголками» становятся поначалу снимаемые им дачи. Приехав в Данию, где жила семья ехавшего с ними музыканта Н. Г. Струве (ему Рахманинов посвятит симфоническую поэму «Остров мертвых»), он снимает нижний этаж дачи в окрестностях Копенгагена, где, по словам своей сестры, Наталья Александровна Сатина-Рахманинова старалась «насколько возможно внести уют в эту новую, незнакомую им обстановку» [Сатина, 1988, с. 49]. Летом Рахманиновы поселяются вместе со Струве в местеч-

ке под Копенгагеном под именем Шарлоттенлунд (где располагалась летняя резиденция королевский семьи), наняв там дачу. Весной 1921 г., уже оказавшись в Америке, Рахманинов покупает себе пятиэтажный особняк на Манхэттене на берегу Гудзона (Риверсайд Драйв, 33), куда переезжает осенью с семьей. Дом этот станет местом встречи русских артистов и художников. Здесь бывал Ф. Шаляпин, артисты Художественного театра, приезжавшие на свои знаменитые гастроли в Нью-Йорк (К. С. Станиславский, В. В. Лужский и др.); художники, устроившие выставку русских картин в Нью-Йорке (К. А. Сомов, С. А. Виноградов) и многие другие. Лето 1921 и 1923 г. Рахманинов проводит с семьей на даче Локуст Пойнт, Нью-Джерси, на берегу Атлантического океана в пятидесяти милях от Нью-Йорка. По соседству с ними находится русский пансион, где также проживали русские. С. А. Сатина описывает этот период как своего рода русско-американский вариант усадебной жизни: поездки на автомобиле, словно в продолжение автомобильных ралли, когда-то устраивавшихся композитором вокруг Ивановки, катание на моторной лодке, морское купание в заливе и в открытом океане [Там же, с. 67–68].

Начиная с 1924 г. Рахманиновы ежегодно проводят лето в Европе, возвращаясь осенью в Нью-Йорк. Летом 1924 г. их местом отдыха становится дача в окрестностях Дрездена (Германия) на Эмзер Аллее. Лето 1925 г. они проводят на даче в Корбевиле (Франция), где, в частности, К. А. Сомовым был написан известный портрет Рахманинова. Лето 1926 и 1927 гг. – вновь под Дрезденом на даче вблизи от известного немецкого курорта Вайсер Хирш (Белый Олень), а самый конец лета 1926 г. – в Каннах [Там же, с. 72]. Летом 1929 г. они возвращаются во Францию, сняв дачу в имении Клерфонтен, в тридцати пяти милях от Парижа, около летней резиденции французских президентов – Рамбуйе, которая была когда-то местом знаменитого салона госпожи де Рамбуйе. Именно сюда и приглашал Рахманинов погостить Бунина во время их встрече в 1930 г. в Грассе. Дачу эту они будут снимать в течение трех лет, до 1931 г., и из всех до тех пор снимаемых дач это был дом, который более всего напоминал Рахманинову Ивановку.

А при этом идея иметь собственное жилье (причем в Европе – не в Америке) все более казалась Рахманинову насущной. Одно время он думал о Германии, но жена, не любившая немцев, умоляла его не покупать ничего в Германии. Семья склоняла его остановиться на Франции [Там же, с. 80]. Дело, как это часто бывает, решил случай. В конце двадцатых годов двое знакомых Рахманинова начинают работать над его биографией. Один из них был англичанин, Р. Холт, другой, Оскар

фон Риземан (Bernhard Oskar von Riesenmann, 1880–1934), русский немец, дирижер, композитор и музыковед, учившийся когда-то в Московском университете и бывший музыкальным рецензентом издававшейся в Москве немецкой газеты. Холт биографии так и не написал. Риземан же, ознакомившись с материалами, которые по его просьбе ему прислала С. А. Сатина, попросил у Рахманинова разрешения приехать летом 1930 г. в Клерфонтен⁴. Покидая Францию, он уговорил Рахманиновых навестить его в Швейцарии, где в то время проживал. Так в августе 1930 г. Рахманинов вновь оказывается в местах, где почти 30 лет назад он проводил медовый месяц. Из переписки Рахманинова того времени очевидно, что именно Риземан в конечном итоге уговорил его здесь обосноваться, разъезжал с ним по окрестностям, осматривал предлагаемые участки. Наконец был найден участок недалеко от Люцерна в местечке под названием Гертенштейн, на скалистом берегу Фирвальдштетского озера. Выставленная на продажу вилла «Каролина» Рахманинову понравилась, и уже 7 сентября 1930 г. он ее купил у госпожи Шмидт за 205.000 швейцарских франков (см.: [Рахманинова, 1988, с. 321].

По имеющимся воспоминаниям, покупка эта не встретила сочувствия в семье, которой казалось, что слишком оторванными они будут от друзей, остававшихся во Франции. К тому же Наталия Александровна (жена), выросшая в степной полосе России, тяготилась мыслью о том, что ей придется жить в горах. А купленный участок был большой скалой, величиной около двух с половиной гектаров. Рахманинов понимал, что ему придется вложить много средств, чтобы привести его в порядок [Сатина, 1988, с. 80] и воскресить дух родной Ивановки. Для этого следовало снести трехэтажный старый дом, принадлежавший предыдущим хозяевам, и взорвать часть скалы над озером.

Как когда-то в Ивановке, в 1932 г. он сам взял в свои руки управление помещьем. Разрабатывал дизайн, соединяющий элементы классического ландшафта и баухауса вместе с садовыми архитекторами, Бернхардом Мурбазом и Фриомом Дове. Имя Рахманиновых назвали Сенар, сложив его из своих имен (Сергей и Наталия) и прибавив начальную букву фамилии Рахманинов. Прецедент подобного ономастического жеста у композитора уже был: частное издательство,

⁴ Биография Рахманинова, написанная О. фон Риземаном, была напечатана в Лондоне в 1934 г. под названием «Rachmaninoff's Recollections». На русском языке см.: [Сергей Рахманинов, 2018]. О негодовании, которое вызвала у композитора первая версия этой книги, равно как и ее название, см. подробнее: [Bertensson, Leyda. Satina, 2001, с. 299–300].

им организованное вместе с дочерьми Ириной и Татьяной с целью оказания помощи русским писателям в эмиграции, носило имя «Таир» (аббревиатура имен дочерей: Татьяна и Ирина)⁵.

Налаживание жизни в Сенаре потребовало около четырех лет, в течение которых Рахманиновым порой овладевало и отчаяние [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 288]. И все же по окончании подготовительной работы он действительно впервые со времени отъезда из России почувствовал, что у него есть дом и что он может, как и мечтал, осесть на месте. Примечательно своеобразное упрямство Рахманинова, желавшего, чтобы его Сенар, вопреки окружающей его холмистой местности, выглядел как степь («пустыня»), каковой и была Ивановка. Именно так он описывает новое имение в письме к Э. К. Метнеру (старшему брату композитора Н. К. Метнера), отправленном 19 августа 1931 г. из Гертенштейна, с виллы Сенар:

Дорогой Эмилий Карлович!

Был бы очень рад, если бы приехали к нам в пятницу к четырем часам пить шоколад¹. К сожалению, ничего другого моя жена приготовить не может. Если этот день Вам подходит, подтвердите открыткой.

Предполагаю, что Вы приедете из Люцерна пароходом. От пристани минут пять ходьбы. Надо спрашивать дорогу к *Töchter Pensionat*, против которого находится наша villa «Senar».

Как Вы увидите среди роскошной зелени пустыню — смело входите! Это и есть наше местожительство [Рахманинов, 1978–1980, т. 2, с. 312].

УСАДЕБНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО И ПРИМЕТЫ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

В Грассе Бунины последовательно снимали три виллы. Первой из них, где они проживали с весны 1923 г., была вилла Мон-Флери (нынешнее название *La Rivolte*). Здесь Бунины прожили три года, по прошествии которых вилла оказалась сдана другим. «Ян в тихом отчаянии», – записывает Вера Николаевна в дневник в апреле 1925 г. [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 137]. Так они попадают на следующую виллу – Бельведер (*Chemin du Vieux Logis, 18*), где проживут с мая 1925 по сентябрь 1936 г. и с мая по октябрь 1939 г. В. Н. Бунина позже объясняла брату Д. Н. Муромцеву: «...вилла нужна так же, как было нужно Глотова или Капри для Яна. Ведь <...> работать он может только в уединении, <...> чтобы было спокойно и весело. Почти все созданное им за эти годы создалось здесь» [Бабореко, 2004, с. 261]. Именно здесь

⁵ В этом издательстве были, в частности, опубликованы книги А. М. Ремизова и И. С. Шмелева и сочинения русских композиторов, которые в силу тех или иных причин в России не печатались.

Бунин написал знаменитый цикл «Темные аллеи», «Митину любовь», «Солнечный удар», роман «Жизнь Арсеньева», эссе «Освобождение Толстого», здесь он узнал о своем награждении Нобелевской премией. Вилла Бельведер оставалась в распоряжении Буниных до 26 сентября 1939 г. Но когда они уже окончательно вынуждены были ее покинуть, им вновь неожиданно «повезло» – на бульваре Жоржа Клемансо (*boulevard Georges Clemenceau, 35*, ранее назывался *Route Napoléon, Наполеоновская дорога*) в это время сдавалась вилла Жанетт: «Вчера сняли виллу Jeanette <...> дешево, за 12.000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, “с сюрпризами”, но стоит высоко, с кульками подниматься трудно», – пишет В. Н. Бунина 18 сентября 1939 г. [Устами Буниных, 1981, т. 3, с. 34]. От англиканского пастора (А. В. Бахрах называл его филологом-богословом [Бахрах, 2005, с. 73]), до того проживавшего на этой «английской вилле», оставались еще «стоящие внизу шеренгами какие-то богословские трактаты» [Там же, с. 33]. Пребывание на вилле Жанетт пришлось на военные годы: Бунин вынужден прятаться от бомб в саду, в облюбованной им будке, прилепившейся к скале, которую считал «верным от бомб убежищем» [Там же, с. 161]. Затем будет еще «Русский дом» в Жуан-ле-Пен на Лазурном берегу близ Антибов [Двинятина, Морозов, Шинков, 2019, с. 373], где Бунин мечтает о Париже так же, как в Париже он некогда мечтал о Ницце. Но в целом можно сказать, что квазиусадебная жизнь на французском юге после войны для Бунина закончилась, как закончилась она и для Рахманинова 23 августа 1939 г., когда, за день до объявления мобилизации, он вместе с семьей выехал из Парижа, сев на пароход «Аквитания», направлявшийся в Америку.

Те более чем 20 лет, что Бунины прожили в Грассе, сменив три раза места обитания, были разными и по материальным условиям, и по климату, царившему в этих французских усадьбах. Но что поразительно: при неизменно стесненных условиях (кроме краткого периода после получения Нобелевской премии) Бунины жили в традициях русского барского гостеприимства, не только постоянно принимая гостей, но и предоставляя свой кров друзьям и тем, кого они почитали за таковых. Даже в тяжелое военное время, переселившись на менее удобно расположенную виллу Жанетт, Бунин боялся не удаленности от центра города, но одиночества на этих «высотах», и поэтому желал поскорее заселить свое «гнездо» «“живыми” людьми» [Муравьева-Логинова, 1973, с. 309].

Среди тех, кто подолгу жил на снимаемых Буниными виллах, были поэтесса Г. Н. Кузнецова (с мая 1927 г. до апреля 1942 г.) и ее подруга певица Марга (Маргарита) Степун (с 1939 г.), сестра фило-

софа Ф. А. Степуна. При всей драматичности пребывания Кузнецовой и Степун у Буниных отъезд своих «домочадиц» в Канны в 1942 г. Бунин все же счел изменой («И все-таки она меня бросила, бесчеловечно бросила» [Одоевцева, 1989, с. 258]). В ноябре 1929 г. с кульком антоновских яблок⁶ на вилле Бельведер появился Л. Ф. Зуров, которому впоследствии будет суждено стать наследником архива И. А. Бунина. Подолгу оставался на вилле Бельведер и Н. Я. Рошин, некогда боевой офицер в Добровольческой армии А. И. Деникина, после ее окончательного разгрома покинувший с остатками добровольцев Россию. Обосновавшись в Париже, по рекомендации Бунина он начал работать постоянным литературным сотрудником парижской эмигрантской газеты «Возрождение» и стал в Грассе «своим». В письмах и воспоминаниях обитателей Бельведера Рошин упоминается под разными «домашними» прозвищами; его именовали то «Никой», то «Пэкой», то «Капитаном» (намек на его военное звание в деникинской армии)⁷. Это о нем делает запись Г. Кузнецова в своем дневнике: «Накануне отъезда он читал нам статью “Вилла Бельведер”, которую собирается послать в рижскую газету “Сегодня”. Описал в ней весь наш дом и всех в нем живущих, “расхвалил”, как выражается В. Н., Ивана Алексеевича» [Кузнецова, 2009, с. 9]⁸. А. В. Бахрах, в ту пору молодой и энергичный журналист, проживет с Буниными с 22 сентября 1940 г. по 23 октября 1944 г., частично выполняя функции секретаря писателя и помощника по дому его жены [Бахрах, 2005, с. 143].

В марте 1941 г. Бунин записывает в дневник: «Сейчас десять минут двенадцатого. Г. и М. и Бахрах только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержат троих, четвертый, Зуров, платит в день 10 фр<анков>» [Устами Буниных, 1981, т. 3, с. 87]. Год спустя оценка гостей уже не столь радостна: «Живем мы коммунальной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой – деньги Нобелевской премии давно уже прожиты. Один вот приехал к нам погостить денька на два <...>. Было это три года тому назад. С тех пор вот так и живет, гостит (речь идет о Бахрахе. – Е. Д.). Да и уходить ему, по правде говоря, некуда – еврей. Не могу же я его выставить» [Бахрах, 2005, с. 5]. Примечательно здесь неизменное желание писателя, даже в самые тяжелые и голодные годы, видеть в своем

⁶ Об этом чисто литературном жесте см.: [Бахрах, 2005, с. 37].

⁷ О Рошине на вилле Бельведер см. подробнее: [Шинкова].

⁸ Речь идет о статье Н. Рошина «Литературный уголок. Вилла Бельведер» (опубл.: Сегодня. 1929. 1 января. № 1. С. 4).

доме «гостей» – своего рода странников, всегда живших даже в бедных дворянских усадьбах (такой была и усадьба его родителей). Обычай этот описан Буниным и в романе «Жизнь Арсеньева», и в ряде рассказов-новелл, в частности, сочиненной уже в Париже новелле «Баллада», посвященной странницам, «шатавшимся» по российским усадьбам (см. подробнее: [Там же, с. 126]).

В «статусе» не домочадцев, но друзей бывали в Грассе Ходасевич, Мережковские, к которым Бунины в свою очередь ездили в гости начиная с 1921 г.⁹

Помимо Мережковских, Бунины ездили в гости повидаться, например, с Зайцевыми в Пюжет, имение В. Б. Эльяшевича [Двинятина, Морозов, Шинков, 2019, с. 355], навещали М. Алданова в Жюан Ле Пен [Кузнецова, 2009, с. 183]. Еще одно имение, которое Бунин посещал – это Тенар, вилла великого князя Николая Николаевича, посещение, которое не просто отразится, но составит целый эпизод в романе «Жизнь Арсеньева» [Там же, с. 139].

По воспоминаниям очевидцев и несмотря на сложные обстоятельства, Бунины (в особенности Вера Николаевна) всячески стремились сохранять обычаи старины и очень внимательно относились к празднованиям дней рождения (так, например, на один из дней рождения Бахраха был приглашен и именитый гость Андре Жид [Бахрах, 2005, с. 49]. О завтраках обычно «торжественно возвещал гонг, что так не ввязало со скудостью трапезы» [Там же, с. 69] (современные исследователи рассматривают ныне этот жест как акт психологической компенсации, сопоставимой с тем местом, которое занимает перечисление изысканных парижских блюд в парижской папке неопубликованных текстов и набросков Бунина 1940 г., вступая в трагическое противоречие с полуголодным существованием Буниных на вилле Жаннетт)¹⁰. На протяжении всего пребывания в Грассе были и «обязательные» для усадебной жизни прогулки [Дмитриева, 2009, с. 195–203] – только пространством их выступал уже не столько сад (или парк), сколько сам походивший на сад Грасс. Немало описаний этих

⁹ О том, как Бунин принимал гостей и как сам ездил в гости, есть немало записей в «Грасском дневнике». Вилла, на которой обитали Мережковские, производила впечатление своим контрастом по сравнению с не столь обихожённым бытом Буниных: «Были и слушали, – записывает Кузнецова 10 ноября 1927 г. – Посещение знаменательное и даже довольно волнующее. Множество новых впечатлений и от виллы, очень чистой, нарядной, даже с некоторой кокетливостью убранной (ковры, кретоновые абажуры в розах, мягкая мебель и хризантемы в вазе на камине), от хозяев в домашнем быту... [Кузнецова, 2009, с. 57].

¹⁰ Речь идет о наброске «Из ресторанов лухе советую...» (см. [Бунин, 2019, кн. 1, с. 29]).

прогулок оставила Г. Кузнецова, вообще имевшая тенденцию рисовать грасскую *довоенную* жизнь как «некую идиллию» [Кузнецова, 2009, с. 28–29], вполне вписывавшуюся в представление об идиллии усадебной.

Характерно, что и Рахманинов, описывая в 1934 г. (11 апреля), когда строительство дома уже было завершено, в письме к Е. И. и Е. К. Сомовым свой приезд в Сенар, практически превращает свое письмо в род литературной прогулки, где сам выступает в качестве фланера, осваивающего собственный сад:

Дорогие Сомовы,

Третьего дня, без четверти семь утра, мы выехали с Наташей из Парижа. Было пасмурно и погода не предвещала ничего хорошего. <...> Из-за скользкой дороги во Франции, проба «Линочки» не могла состояться. В Швейцарии же скорый ход немислим из-за многих поворотов. Въехали мы в ворота «Senar'a» в восьмом часу вечера. Было уже темно. Но все же я один пошел посмотреть все места кругом большого дома, в самый дом не заходя. Несмотря даже на темноту, впечатление импозантное. После этого осмотра отправился по всему саду посмотреть на все деревья. Все еще здесь голое. На деревьях маленькие почки. Приехали, значит, как раз в самое мной так любимое время. Каждый день буду наблюдать за деревьями и цветами, как они распускаются. Легли рано спать. Наташа меня умоляла ее не будить до половины девятого. Я обещал! Но про себя решил, что в восемь часов у меня начнутся приступы кашля. Проснулся в половине седьмого и терпеливо ждал. Без десяти минут восемь раздался, радостный для меня, сонный голос Наташи: «можешь вставать». Я не заставил себя просить и сразу поднялся. Приподнял наши тяжелые жалюзи и увидел безоблачное голубое небо и сверкающее солнце. Тут я и Наташу поднял. Пока одевался, глядел из всех окон по всем направлениям на сад, на дом. Выпили кофею и отправились с Наташей и пришедшим Rossi вниз на набережную, чтобы посмотреть произведенные Rossi работы: новые каменные стены около воды и каменные работы на скале, на которой стоит большой дом. Эта последняя напоминает теперь в микроскопическом виде Гибралтар. Очень красиво! Оглядел все деревья внизу, около скалы. Ничего не попорчено! И только после этого пошли с Наташей в большой дом.

Ну, Sir! Умопомрачительно! Верно наш шофер сказал, которого Наташа сегодня водила по дому, что «можно брать деньги за осмотр!».

Хожу я по дому и чувствую себя миллионером. Да и не у всех миллионеров такой дом найдется. Гордится этим домом и архитектор, который мне сегодня сказал, что «неправда ли дом великолепен?!». <...> Завтра привезут мне мой концертный рояль [Рахманинов, 1978–1980, т. 3, с. 15–16].

Собственно, именно с этого времени (с 1934 г.) начинаются славные дни виллы Сенар, о радостной – вопреки всему – ауре которой по сей день свидетельствуют бутылки из-под шампанского, хранящиеся на вилле. Дом наполняется гостями [Вачнадзе, 1979, с. 107–108], среди которых, помимо членов семьи (дочерей и уже появившихся у Рахманиновых внуков) – музыканты и музыкальные критики: В. Менгельберг, А. Тосканини, В. Горовиц, В. А. Маклаков, Эмилий Метнер, Артур Херст, беседа с которыми ведется подчас «музыкально». Так, Херст вспоминал, как однажды в Сенаре, «для иллюстрации какого-то места в <...> разговоре, [он] сыграл несколько тактов бетховенской Bagatelle и был поражен, когда [Рахманинов] строго <...> заметил: “А вы ведь не упражнялись!..”». Из Сенара Рахманиновы часто ездят в Париж, в Дрезден, в Байрейт на музыкальные концерты, в Италию, которые, как выясняется, находятся вовсе не на таком уж большом отдалении от Гертенштейна [Сатина, 1988, с. 84].

Разумеется, возможностей принимать гостей и путешествовать у Рахманинова было больше, чем у Бунина. Тем более поразительно, насколько формат русского усадебного гостеприимства сохранялся ими, будучи воспроизведенным в освоенном обоими «чужом», но ставшим своим пространстве.

СУБЛИМАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ

Рахманинов любит цитировать слова Генриха Гейне: «Что у нас отбирает жизнь, то возвращает музыка» [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 298]. Возможно, что все же главное в том «дворянском гнезде», которое Рахманинов обрел для себя в Сенаре, была именно возможность возвращения к музыке. «Давно он не чувствовал такого морального покоя и удовлетворения, – писала С. А. Сатина. – Устроив все согласно своему желанию, почувствовав, что у него есть настоящее пристанище, он немедленно начал сочинять. Приступив к работе 3 июля, он уже 18 августа оканчивает одно из лучших своих творений – Рапсодию на тему Паганини для фортепиано и оркестра op. 43. Быстрота и легкость, с которой Сергей Васильевич сочинил и инструментовал эту вещь (шесть недель), ее свежесть и вдохновенность показывают, как крепок и здоров был творческий дух в композиторе, достигшем шестидесяти одного года. <...> Многим казалось, что в Сергее Васильевиче угас его талант композитора. В действительности это было не так; ему мешала больше всего его концертная деятельность, отсутствие времени, скитальческая жизнь, но желание писать никогда не угасало. В нем происходила борьба между желанием продолжать деятельность пианиста, в которой он достиг совер-

шенства, и стремлением к творческой деятельности. Летом 1934 года в Сенаре победило, по-видимому, последнее» [Сатина, 1988, с. 87].

Сам Рахманинов, радуясь завершению рапсодии на тему Паганини, предельно для него автобиографичной и решающей музыкальным языком крайне болезненную для него тему изгнанничества и приобретенного у адских сил мастерства (тема самого Паганини), при этом полушутя-полусерьезно истолковывает в письме к С. А. Сатиной этот свой первый опус, который он сочинил именно в Сенаре, как компенсацию за все те «глупости», которые он позволил себе, задумав строительство виллы (см. подробнее: [Bertensson, Leyda, Satina, 2001, с. 304]. Первое исполнение рапсодии самим Рахманиновым состоялось 7 ноября 1934 г. в Балтиморе с Филадельфийским оркестром под управлением Леопольда Стоковского.

В апреле 1935 г. Рахманинов вновь возвращается после многочисленных гастролей в Сенар – единственное место, где, как он сообщает о том Дагмару Райбнеру (Rybner), ему хочется жить (письмо от 4 мая 1935 г.), намекая туманно на нечто им здесь задуманное [Martyn, 1990, р. 333]. Задуманной окажется Третья симфония aMoll op. 44, которую он также закончит в Сенаре 30 июня 1936 г., приписав на партитуре: «Beendet. Ich danke Gott. Senar»¹¹.

Это была симфония, в адажио которой давала себя знать ностальгия по России, но вместе с ней и ощущение вновь обретенного счастья и дома¹². Дополнительным к ней вербальным комментарием служит также проникнутое глубинной ностальгией стихотворение В. В. Набокова 1926 г. «Тихий шум», написанное им для сборника «Возвращение Чорба» (на английский язык переведено как «Soft Sound»), на котором ныне в Сенаре лежит открытой книга его стихов и новелл, затерявшаяся среди нотных манускриптов Рахманинова [Niels, 2016, S. 26–27]:

Когда в приморском городке,
среди ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

¹¹ Закончено. Благодарю Бога. Сенар. (нем.) См.: Turicum. 1994. № 25. S. 13. URL: https://books.google.ru/books/about/Turicum.html?id=bYtrAAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения 07.09.2023).

¹² О жизни на вилле см. также: [Cunningham, 2001, p. 142–143].

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире.

Не моря шум — в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
ее дыханье и биенье.

В нем все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора.

Отдохновенье, счастье в нем,
благословенье над изгнанием.
Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.

Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, ее шумящей,
ее бессмертной глубине¹³.

Среди книг и партитур, хранившихся в библиотеке Рахманинова в Сенаре [Norris, 2016, S. 30–31], особый интерес представляет экземпляр посвященного Рахманинову романа Марка Алданова «Десятая симфония» (1931), на форзаце которого имеется надпись: «Посвящено фортепианному Пушкину Серг. Вас. Рахманинову [Ibid, S. 27].

Вспомним: в центр своего повествования Алданов помещает (наряду с французским живописцем Жан Батистом Изабе и графом Андреем Кирилловичем Разумовским) Бетховена, чья не написанная «Симфония № 10» фигурирует в качестве заглавного образа-символа. И сам Бетховен предстает в романе как композитор, совмещающий в себе черты гениальности и «сатанинства», что явно соотносится с тематикой рахманиновской рапсодии на тему Паганини. И тогда воз-

¹³ Об обстоятельствах написания Набоковым этого стихотворения, которое в июне 1926 г. он читал на праздновании Дня русской культуры в Берлине, см. комментарий М. Э. Маликовой: [Набоков, 2002, с. 558–559].

никает вопрос: каков был тот *message*, который Алданов оставил Рахманинову? Была ли то мысль о роковой недостижимости творческого совершенства, которая и составляет содержание романа? [Богданова, 2016, с. 97–99]. Или же мысль о том совершенстве, которое, в отличие от немецкого композитора, дано было явить русскому композитору. Но только какой ценой?

О цене обретенной возможности творчества мучительно размышляет в Грассе и Бунин. 28 июля 1940 г. он заносит в свой дневник: «Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую! Зацвели лилии, лючиоли летают уже давно – с самых первых дней июня. Страшно подумать – 17 лет прошло с тех пор, как мы поселились в Грассе, в этом удивительном поместье Villa Montfleuri, где тогда как раз вскоре расцвели лилии! Думал ли я, что в каком-то Грассе протечет чуть не четверть всей моей жизни! Да, живу в раю. До сих пор не могу привыкнуть к таким дням, к такому виду» [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 345].

И все же это райское место ощущается Буниным, как можно судить и по его собственным признаниям, и по воспоминаниям людей, в ту пору его окружавших, прежде всего *ландшафтом воспоминаний*, во всем том широком смысле, какой вложила в это словосочетание русская литература. И связано это было с особенностью его памяти, о которой также свидетельствовали современники, – жизнью прошлым и ревнивым и ревностным в него всматриванием.

«Были в усадьбе Фрагонара, где устроен теперь музей, – записала Кузнецова 5 января 1928 г. – Смотрели прекрасный старинный провансальский дом, утварь, мебель из золотистого полированного дерева. И. А. все повторял: “И все это исчезло из жизни, все провалилось куда-то! Вот жили люди! Как мы теперь живем!”» [Кузнецова, 2009, с. 67]. Ср. ее запись от 24 декабря 1928 г.: «На подъеме к нашей даче вдруг дружный и нестройно-веселый перезвон, очень похожий на пасхальный. <...> И. А. сказал с волнением: “И вот так странно думать, что пятьсот лет назад звонили точно так же... И какой благостной защитой над всем, даже над смертью был этот перезвон. И как это есть люди, которые не понимают этого!”» [Там же, с. 112]. По словам О. Н. Михайлова, «болезненно восприимчивый к текучести времени, его загадочной необратимости, Бунин стремится найти в нем “окно”, возможность прорыва в причинно-следственной цепи событий» [Михайлов, 1973, с. 307]. Именно так делает и героиня его «Холодной осени» (1944), для которой безостановочный «бег» лишь дурной сон: от него просыпаясь к «настоящему», к встрече с погибшим женихом.

Рассказами-снами, рассказами-видениями, разрушающими структуру времени, выглядят иные бунинские произведения периода эмиграции. Именно из далекого Грасса, отправляется «он» в свое странное путешествие – в молодость, ушедшую любовь, в тот рай, который он некогда пережил, потерял и который заново обретает. И удивительно ли, что райский край (в его ощущениях не всегда райский) французской Ривьеры на протяжении всех лет эмиграции Бунин проецирует (точнее, опрокидывает) на Россию, а более конкретно – на усадебную Россию.

О том, что, живя во Франции, Бунин ментально пребывал в России, свидетельствует запись из дневника Кузнецовой от 17 декабря 1929 г.: «Перед обедом сидели с Зуровым у него в комнате, и он читал вслух “Суходол”. В середине вдруг оба остановились и стали смеяться, и он сказал: “Конечно, тот же Суходол! И нечего говорить о Европе! Здесь тот же самый, чистейший Суходол, и все мы оттуда!”» [Кузнецова, 2009, с. 146].

И все-таки было нечто, что не только позволяло, но и заставляло Бунина в эмиграции (как, собственно, это было и с Рахманиновым) не просто проецировать свою новую жизнь на ту, что он прожил в России, но еще и внутренне их соединять. То был, как представляется, «зов предков», он же – зов культуры, ощущение своей нерасторжимой связи с ней. Художница Т. Д. Муравьева-Логинова вспоминала, как однажды Бунин ей сказал: «Мне кажется, что я живу действительно тысячу лет <...>, и не одну тысячу <...>. Чувствую в себе всех своих предков. Бурлят, шумят они во мне – и дальше чувствую далекую глубь веков. Все корни мои, ушедшие в русскую почву, до малейшего корешка чувствую [Муравьева-Логинова, 1973, с. 301].

Это и было то особое бунинское чувство времени, заставившее его не единожды намекнуть на свою, казалось бы, неявную связь с М. Прустом: как-то он «ошаршил» Бахраха «словами о том, что в некоторых главах “Жизни Арсеньева” есть, мол, немало мест совсем прустовских, хотя это влияние на него Пруста неискушенному читателю мало заметно» [Бахрах, 2005, с. 113].

Главные книги, написанные Буниным в эмиграции – цикл «Темные аллеи» и «Жизнь Арсеньева» – по большей части об усадьбе и о России. Были ли они логическим итогом его дореволюционного «усадебного текста» или что-то в его видении с 1917 г. изменилось? А ведь если сравнить те «усадебные» тексты, что были им написаны до 1917 г. с написанными после, то невозможно не заметить некоей тенденции, вновь возвращающей к тому, что мы ранее обозначили, как

«зов предков»: ощущению (да простится здесь тройная тавтология) обретенной обратимости необратимого времени.

В эмиграции («Несрочная весна», «Именины», «Митина любовь» и незаконченное – «Иволга») Бунин отчасти проигрывает те же темы, что и в рассказах, написанных в России (оскудение рода, оскудение дворянской жизни, усадебной любви, смерть последнего владельца усадьбы)¹⁴. Но появляется в них и нечто новое (а точнее, возвращение к забытому старому): усадебная любовь, вытесненная им ранее на периферию, посрамленная (как в «Последнем свидании»), нелепо сумасшедшая (в «Грамматике любви»), *врывается* в тексты Бунина как та, все на своем пути сметающая сила, которая лишь на первый взгляд парадоксально, а в сущности вполне логично сопрягается со смертью. В этом смысле особое место занимает «Митина любовь» – рассказ, написанный, что для нас немаловажно, на грасской вилле Бельведер – но с воспоминанием о жизни в России, в имении Колонтаевка, куда ездили и сам Бунин, и его сестра Машенька, и где «была сосновая аллея, как-то особенно пахло жасмином» [Кузнецова, 2009, с. 264].

Не уставая любоваться в Грассе Средиземным морем и отрогами горной гряды Эстерель, которые так идилично изобразил в свое время на полотне Клод Моне, Бунин делает запись в дневнике: «Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах!» [Устами Буниных, 1981, т. 2, с. 125].

Так что же получается? Работая над «Темными аллеями» и «Жизнью Арсеньева», Бунин, оказывается, думает не только о России, но и о давно прошедших веках. А зеркалом, в котором каждый раз по-новому отражается бывшее и небывшее¹⁵, выступают теперь сады Грасса и горный массив Эстерель. И мы вправе задаться вопросом, который, возможно, релевантно было бы поставить и в отношении Рахманинова, создающего в Сенаре, этой швейцарской Ивановке, *Равнодию на тему Паганини* и *Третью симфонию aMoll op. 44*: не было ли все это не только порождением ностальгических воспоминаний о потерянной для обоих художников России, но и раздумьем о древнем и неумолимом хроносе, противостоять которому возможно лишь (да простится мне еще раз эта прустовская цитата) ценою непрекращающегося *поиска утраченного времени*.

¹⁴ См. подробнее: [Дмитриева, 2020, с. 166–168].

¹⁵ О зеркале, в котором герой «Жизни Арсеньева» каждый раз видел себя «по-новому отчужденным и отраженным», см.: [Пономарева, 2019, с. 83].

И поиск этот для обоих, и для Бунина, и для Рахманинова, собственно и стал возможным в двух «уголках» воссозданной ими в эмиграции России, в одном случае уголке французском, в другом – швейцарском. Там, где обоим и явилась возможность сублимации собственных утрат в творчестве как преодоления той экзистенциальной трагедии, которой Россия, в том числе и усадебная Россия, была лишь частным выражением.

Литература

- Бабореко А. К.** Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 455 с.
- Бахрах А. В.** Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.
- Богданова О. В.** Тема творчества и «код гения» в повести М. А. Алданова «Десятая симфония» // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. № 3. С. 97–99.
- Бунин И. А.** Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
- Бунин И. А.** Рахманинов // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1967. Т. 9. С. 377–378.
- Бунин И. А.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Худ. лит., 1987–1988. Т. 5: Жизнь Арсеньева: Юность; Темные аллеи; Рассказыва, 1932–1952; Рассказы, не публиковавшиеся при жизни И. А. Бунина. 638 с.
- Вачнадзе М.** В Сенаре – у Рахманиновых // Советская музыка. 1979. № 2. С. 107–108.
- Двинягина Т. М., Морозов С. Н., Шинкова Е. М.** (подг. текста, предисловие). Переписка И. А. Бунина с В. Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947 // Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 351–1169.
- Дмитриева Е. Е.** Сады и парки как пространство инициации // Моцарт в движении времени. М.: Композитор, 2009. С. 195–203.
- Дмитриева Е. Е.** Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5).
- Крутов В. В.** Николай Сергеевич Зверев: личность, судьба, эпоха: монография / отв. ред. И. Н. Вановская. Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2019. 344 с.
- Кузнецова Г. Н.** Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 496 с.
- Михайлов О. Н.** Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 7–56.
- Муравьева-Логина Т. Н.** Живое прошлое. Воспоминания о И. А. и В. Н. Буниных // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.

- Набоков В. В.** Стихотворения / Подг. текста, вступ. статья и примеч. М. Э. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2002 («Новая Библиотека поэта»). 382 с.
- Нинюв А. М.** Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества. М.: Советский писатель, 1973. 559 с.
- Одоевцева И. В.** На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. 332 с.
- Пономарева Е. Р.** Рассказы круга «Темных аллей» // Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 79–86.
- Рахманинов С. В.** Ивановка // Рахманинов С. В. Литературное наследие: В 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Совет. композитор, 1978–1980. Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. С. 51–52. 668 с.
- Рахманинов С. В.** Литературное наследие : В 3 т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Совет. композитор, 1978–1980. Т. 2: Письма. 583 с.; Т. 3: Письма. 573 с.
- Рахманинова Н. А. С. В. Рахманинов** // Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. / Сост., ред., предисл., коммент. З. А. Апетян; 5-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. Т. 2. 665 с.
- Сатина С. А.** Записка о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. / Сост., ред., предисл., коммент. З. А. Апетян; 5-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. Т. 2. 665 с. URL: <https://senar.ru/memoirs/Satina/> (дата обращения 07.09.2023).
- Сергей Рахманинов: Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном [перевод с английского, послесловие и комментарии Валентина Чемберджи]. М.: АСТ, 2018. 318 с.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. Т. 2.
- Харламова О.** История Музея-усадьбы С. В. Рахманинова «Ивановка». Ч. 1–2 // Уваровская жизнь. 2017. № 20, 22. URL: <https://uvarov0.livejournal.com/321241.html> (дата обращения 07.09.2023).
- Шинкова Е. М.** К истории формирования личного фонда И. А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛИМТ). Адрес электронного доступа: <http://turgenevmus.ru/edinaya-fondovaya-kollektsiya/nashi-publikatsii-i-nahodki/> (дата обращения 07.09.2023).
- Bertensson S., Leyda Y. Satina S.** Sergei Rachmaninoff: A Lifetime in Music. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2001, 328 p.
- Cunningham R.** Sergei Rachmaninoff: A Bio-bibliography. Westport, Connecticut, London, 2001, 349 p.
- Martyn B.** Rachmaninoff: Composer, Pianist, Conductor. London, New York, Routledge Taylor and Francis 1990, 583 p.
- Niels E.** Villa Senar. Der Schlüssel zu Rachmananoff. In: *Villa Senar. Sergei Rachmaninoffs Traum von einem Haus*. Altenburg, Serge Rachmaninoff, 2016. S. 26–27.
- Norris G.** Von Bach bis Dostoyevsky. Die Senar-Bibliothek. In: *Villa Senar. Sergei Rachmaninoffs Traum von einem Haus*. Altenburg, Serge Rachmaninoff, 2016. S. 30–31.

Ekaterina E. Dmitrieva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

**RACHMANINOV'S SENAR AND BUNIN'S GRASSE:
RUSSIAN ESTATE LIFE, CONTINUED IN EXILE**

Abstract: The idea that the Russian estate as a phenomenon lived a short life, which began in 1762 and abruptly ended in 1917 with the Russian Revolution and destruction of the institute of private landownership, dominated Russian historiography for quite a long period of time. However, in the last decades, this perspective changed significantly, and now researchers are more focused on studying what role estate life played in Russian culture after 1917. There were many forms of the existence of estate life: some estates transformed into museums of everyday life in the countryside or places where famous personalities lived and worked before their death, and so on. Others were restored or newly constructed in the Soviet times, especially during the wave of passeism, when writers reconsidered the estate world and the estate history as an essential component of cultural and historical memory, the “sanctuary of the soul.” Nevertheless, this myth-making also had a genuine basis – an attempt to reconstruct the estate history from abroad. The article, written in the genre of comparative case-study, is devoted to a comparative description of estate experiments, the actors of which were two famous Russian artists who found themselves in exile. The first case is the experience of I.A. Bunin, who settled in exile in the south of France and tried – under seemingly unfavorable conditions – to create some semblance of Russian estate life in a foreign land. The second case, a much more prosperous, at least in a material sense, is S.V. Rachmaninov's project of building an estate on the shores of Lake Firvaldstät (Lucerne) to comfort his wife, who yearned for their Tambov family estate enormously. The article's central question is what role such a resurrection of a piece of Russia abroad played in the exiled existence of Rachmaninov and Bunin, but also to what extent and how it was able to sublimate in their work.

Keywords: *I. A. Bunin, S. V. Rachmaninov, Grasse, Senar, emigration, estate life.*

Acknowledgements: The research was carried out in the Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

Елена Семеновна Гусева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
h2qguseva@gmail.com*

ВОСПРИЯТИЕ МУЗЫКИ ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ИСКУССТВО

Аннотация: В статье автор обращается к дневникам Л. Толстого и к его работе «Что такое искусство?», прочитывая их с позиции когнитивной герменевтики. Акцентируя внимание на его ценностных суждениях об искусстве, в том числе о музыке, показывает, как им выстраивается иерархия критериев художественной ценности искусства (критерий содержания, сила воздействия силой чувства, понятность художественного языка). Внимание обращается на главенство критерия содержания в целеполагании искусства и на его онтологическую природу. Отмечается близость феноменологической рефлексии в восприятии музыки Л. Толстым (музыка как воспоминание) с философскими взглядами Платона на природу души (в диалоге «Федр»). Делается наблюдение о взаимосвязи ценностных суждений Л. Толстого о музыке с особенностями его личностного восприятия и переживания музыки, с его способностью к одноментному эмоциональному и рефлексивному ее восприятию.

Ключевые слова: *Лев Толстой, критерии художественной ценности искусства, восприятие искусства, эмоциональное и рефлексивное восприятие музыки.*

Творчество Л. Толстого содержит богатейший материал для понимания его этико-эстетических взглядов на искусство, в том числе на музыку, а также для понимания особенностей его восприятия музыки. Как известно, в своих художественных и литературно-критических произведениях Л. Толстой большое внимание уделяет воздействию музыки на человека, художественно описывая музыкальные переживания своих героев, а также свои музыкальные впечатления. Также известно, главным образом, из воспоминаний его современников и автобиографических сочинений писателя, какое сильное эмоциональное воздействие оказывала музыка на Л. Толстого. Не случайно в том пласте научных исследований, которые связаны с темой «Лев Толстой и музыка», большое внимание уделяется раскрытию роли

музыки в жизни Л. Толстого и ее влияния на него. В этом плане интересны работы И. Эйгеса [Эйгес, 1929] и Я. Айгеншарфа [Айгеншарф].

Вместе с тем определенный интерес представляет несколько иной ракурс этой темы: как воспринимается музыку сам Л. Толстой и насколько ее воздействие на него оказывается связанным с его эτικο-эстетическими взглядами на искусство и теми критериями художественной ценности искусства, которые он выстраивает в своих работах, а также с его ценностными суждениями о музыке. Этот аспект представляется довольно малоизученным и прослеживается, например, в работах И. Эйгеса [Эйгес, 1929], в статьях Г. А. Ахметовой [Ахметова, 2012а; 2014] и в ее монографии [Ахметова, 2012б].

В настоящей статье автор, сознательно ограничивая тот большой круг художественных произведений писателя, в которых представлены эпизоды, связанные с музыкой, обращается к дневникам Л. Толстого и к его работе «Что такое искусство?», прочитывая их с позиции когнитивной герменевтики. Такой угол зрения позволяет, акцентируя внимание на эстетическом мышлении писателя, не только прояснить его эτικο-эстетические взгляды на искусство (попутно демифологизируя устоявшиеся представления о морализаторстве Л. Толстого), но и увидеть особенности его восприятия музыки (эмоционального и рефлексивного) в их взаимообусловленности с ценностными суждениями Л. Толстого о музыке.

Отметим и такой важный методологический момент. Работа Л. Толстого «Что такое искусство?», написанная в 1897–1898 гг., прочитывается в ее соотнесенности с его дневниковыми записями 1881–1910 гг., в которых высказываются мысли об искусстве и о музыке. Такое прочтение помогает более отчетливо увидеть, как писатель выстраивает критерии художественной ценности произведений искусства – «условия совершенства искусства», как называет Л. Толстой критерии художественной ценности [Толстой, 1951], а также увидеть их иерархическое соотношение между собою.

Сразу укажем, что к таковым критериям у Л. Толстого относятся три: критерий содержания – внутренний, этический критерий; и два внешних, эстетических критерия – сила воздействия силой чувства, «сила заражения», как ее называет Л. Толстой, и критерий понятности художественного языка, «общедоступности», по Л. Толстому [Там же, с. 166]. Как видим, в названных критериях представлена как этическая, так и эстетическая компонента.

Безусловно значимым для Л. Толстого выступает критерий силы воздействия искусства силой чувства, о чем он неоднократно пишет

здесь, полагая его отличительной особенностью искусства. Приведем следующее его высказывание: «Искусство есть передача одним человеком другим испытанного им чувства, которым он заражает других людей. И потому искусство тогда только искусство, когда оно соединяет три свойственные ему и отличающие его от всякой другой деятельности условия. Условия эти, во первых, новизна, особенность передаваемого чувства. Понятно, что если чувство, передаваемое искусством, известно воспринимающему, он сам испытывает его, то искусство не производит действия. Во-вторых, заражаемость – то, чтобы человек, воспринимающий искусство, заразился чувством передающего. Если нет заражения, нет и передачи и потому и искусства. И в-третьих, единение многих, хотя бы нескольких людей в том чувстве, которое передает автор» [Там же, с. 342].

Однако для нас важно подчеркнуть сам иерархический принцип выстраивания Л. Толстым критериев художественной ценности, в котором ключевым в его ценностных суждениях о сущности и целеполагании искусства выступает критерий содержания, такого содержания, которое способно этически воздействовать на чувства людей (об этом подробнее будет сказано далее). И здесь важно отметить, что силу же «заражения» чувством (силу воздействия силой чувства) Л. Толстой определяет как отличительную особенность искусства от других видов деятельности, но не как цель и предназначение искусства.

Для подтверждения иерархического соотношения критериев художественной ценности во взглядах Л. Толстого на искусство прочитаем, к примеру, такую его мысль, акцентируя внимание на вводной ее части (она выделена нами курсивом): «*Но кроме этой расценки искусства по содержанию* его, оно неизбежно должно расцениваться еще по силе заражения, происходящего от силы чувства, испытанного художником [Там же, с. 348]. Или же прочитаем другую мысль Л. Толстого, также делая акцент на вводной ее части: «*Так что кроме содержания для расценки* художественного произведения есть критерий искренности, силы чувства и потому силы заразительности. Чем сильнее это чувство, тем выше искусство» [Там же, с. 349].

Если обратиться к той части текста Л. Толстого в его работе «Что такое искусство?», где критикуется «Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера, то в этом тексте можно найти ценные разъяснения писателя, высвечивающие критерии подлинного искусства, но как бы методом от противного. Для пояснения приведем один из выразительнейших фрагментов из названной работы. «Я потому и взял за образец это

произведение, – пишет Л. Толстой по поводу своего впечатление о «Кольце Нибелунгов» Р. Вагнера, – что ни в одном из всех известных мне подделок под искусство не соединены с таким мастерством и силою все приемы, посредством которых подделывается искусство, а именно: заимствования, подражательность, эффектность и занимательность» [Там же, с. 138].

Стало быть, такие качества искусства (в данном случае, в «Кольце Нибелунгов» Р. Вагнера), как «заимствования» и «подражательность» входят в противоречие с той «силой заражения», о которой неоднократно говорит Л. Толстой как об одном из качеств настоящего искусства и на которую, главным образом, обращают внимание многие исследователи творчества Л. Толстого. А «эффектность» и «занимательность» оказываются мало связанными с главнейшим критерием подлинного искусства – критерием содержания. И здесь поясним: такого содержания, которое, в ценностном представлении Л. Толстого о воздействии искусства, вызывает в людях «чувства любви к добру» и «дает большое благо» [Толстой, 1953а, с. 81].

Прочтение ценностных суждений Л. Толстого об искусстве и музыке, высказываемых им в названной работе и в его дневниковых записях, позволяет не только выделить особую значимость критерия содержания, но и увидеть его внутреннюю онтологическую природу, осмысливая его как критерий онтологический, связанный с высшими чувствами.

Говоря об онтологической природе критерия содержания, укажем на его совершенно определенную связь с религиозным сознанием, являющуюся такой очевидной для сознания Л. Толстого. На наш взгляд, именно эта связь во многом определяет для Л. Толстого значимость этического в содержании искусства, если же, конечно, не отождествлять религиозное мировоззрение с какой-либо определенной конфессией, а понимать его так, как понимает это Л. Толстой, рассуждая об искусстве и о музыке: «религиозное мировоззрение – ясное и твердое представление о том, что хорошо и что дурно» [Толстой, 1951, с. 392].

В плане раскрытия взаимосвязи этического содержания с религиозным мировоззрением, а также и в плане доказательности главенства критерия содержания для Л. Толстого, примечательна следующая его мысль: «Критики же, лишенные единственного истинного критерия для оценки достоинства искусства, религиозного чувства, на основании которого можно отделить хорошее искусство от дурного...» [Там же, с. 378].

Ценной для нас является следующая дневниковая запись Л. Толстого (за 27 февраля 1896 г.), в которой ясно выражаются его мысли о предназначении и цели искусства, определяемых его внутренним, этическим критерием художественной ценности – критерием содержания. Приведем эту запись: «Думал: 1) Записано о том, что есть два искусства. ... Это одно искусство – искусство и играть и придумывать новые игры – исполнять старое и сочинять. Это дело хорошее, полезное и ценное, п[отому] ч[то] увеличивает радости человека. <...> Но есть еще и другое искусство, которое вызывает в людях лучшие и высшие чувства. Сейчас написал это, то, что я говорил не раз, и думаю, что это неправда: Искусство только одно, и состоит в том, чтобы увеличивать радости безгрешные общие, доступные всем – благо человека. Хорошее здание, веселая картина, песня, сказка дает небольшое благо, возбуждение религиозного чувства любви к добру, производимое драмой, картиной, пением, дает большое благо» [Толстой, 1953а, с. 80–81].

Затрагивая проблему онтологичности искусства, стоит обратить особое внимание на статью В. В. Бибихина «Эстетика Льва Толстого» (Бибихин, 2000), проливающую свет на понимание сути онтологичности искусства, и в которой, собственно, с этих позиций объясняются причины довольно резкой критики Л. Толстым оперного представления «Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера, как известно, произведшего на Л. Толстого впечатление «фальши, происходящей на сцене» [Толстой, 1951, с. 136].

Прислушаемся к объяснениям В. В. Бибихина, почему Л. Толстой критикует сценическое представление «Кольца Нибелунгов» или, точнее, за что Л. Толстой, по выражению В. В. Бибихина, «опрокидывает эту витрину, или этот музей, или эту выставку тщеславия в середине мира» [Бибихин, 2000, с. 276]. «За то, – объясняет В. В. Бибихин, – что сцену события, единственно важного, подменили на сцене театра, как бы превратили храм в место торговли голосами, сценическими данными, режиссерскими новшествами, просто роскошью занавеса, отделкой декораций» [Там же, с. 276]. И далее: «Но в высвеченной середине на сцене становится важно только одно: *то самое*. Как неуловимое *то* оно и опознается. Суть искусства в узнавании, говорит Аристотель. ...а *показать* то самое, дать его цвет, тон, настроение, его краску и красоту может только искусство. <...> когда сцена возвращается к своему призванию быть просветом бытия и это улаживает и примиряет все вокруг и всех с этим миром... <...> только в эти моменты, не очень частые, делается ясно, что такое искусство,

незаменимое и обязательное... Оно умеет вернуть *то самое*, искусство тогда конечно не эстетика, как и трактаты Толстого об искусстве не эстетика, разве что мы начнем понимать эстетику по-другому, по Аристотелю, как ощущение душой всего мирового бытия» [Там же, с. 276–278].

Принимая во внимание приведенные выше объяснения В. В. Библихина и рассуждения Л. Толстого о содержании искусства, правомерно будет сказать, что именно онтологичность содержания произведения, определяемая его этической направленностью, и является тем важнейшим «условием совершенства» искусства, которое, в совокупности с тремя другими «условиями совершенства», к коим писатель относит «силу чувства, внятность и искренность» [Толстой, 1951, с. 406] определяет собой подлинное искусство – такое, которое «вызывает в людях лучшие и высшие чувства», «увеличивает радости человека», связано с возбуждением «религиозного чувства любви к добру», и увеличивает «благо человека» (Толстой, 1953а, с. 81).

Безусловно, в таком этическом измерении искусства, обуславливающим и оценку Л. Толстым музыкальных произведений и жанровых страт в музыке, прослеживается очевидное родство его этико-эстетических взглядов со взглядами Платона на искусство и его целеполагание. Вспомним высказывание Платона: «Действие звуков, воспитывающее и ведущее душу к добродетели, мы, не знаю каким образом, назвали мусическим искусством» [Лосев, 2000, с. 63].

Нам представляется трудным и даже невозможным оспаривать этические суждения Платона о музыке, как в силу укорененности представлений об этическом воздействии музыки на человека в западной и восточной философии, так и в силу феноменологической самоочевидности такого ее воздействия. Нам также представляется довольно затруднительным говорить о морализаторстве Л. Толстого на основании признания им этической значимости критерия содержания в его иерархии критериев художественной ценности – содержания, способного этически воздействовать на чувства людей. Заметим, что представление о морализаторстве Л. Толстого является довольно распространенным в популярной и научной литературе. В частности, в этом ключе интерпретирует эстетические суждения Л. Толстого М. А. Петрухина [Петрухина, 2018], С. А. Симонова [Симонова, 2016], О. В. Ломакина [Ломакина, 2015].

Не дискутируя на эту тему, но затрагивая вопрос демифологизации представлений о морализаторстве Л. Толстого, примем во внимание онтологический статус самой диады «добро и зло», ее перво-

степенность по отношению к таким производным от нее диадам, как аксиологическая диада «прекрасное – безобразное» и гносеологическая диада «истинное – ложное». Прислушаемся к следующим мыслям В. В. Бибихина, высказанным в его работе «Собственность. Философия своего», с которым мы полностью согласны: «Скажу только, что мне все чаще и яснее кажется, что онтология не то что связана, а в принципе то же, что вопрос («тема», как я говорил), добра-зла. С этой стороны или с другой, мировая автоматика, я говорю, страшно надежно защищена (!), до полной неприступности, в своей софии. <...> Все-таки древние были не такие дикари как мы и не такие глупые, чтобы ломать себе голову над тем, как все на самом деле устроено. Другое дело — они ценили и хранили знание того, как пользоваться всей этой автоматикой (!). То есть то, что называется их онтологией, была на самом деле по замыслу и назначению этика, и Аристотель не бредил, когда говорил, что политика архитектурная наука. И онтология была теологией не из-за архаической религиозности, а чтобы помнить, какого рода перепад между тем, с чем мы имеем дело («явления»), и устройством» [Бибихин, 2012б, с. 328].

На наш взгляд, осознание и признание Л. Толстым особой силы воздействия искусства, силы «заражения» чувством (что он неоднократно постулирует в своей работе «Что такое искусство?») и, соответственно, признание силы этического воздействия искусства, воздействия, прежде всего, содержанием произведения, во многом обуславливает его довольно критическое отношение к современной ему оперной и камерной музыке и к музыке некоторых композиторов (Р. Шумана, Г. Берлиоза, Ф. Листа, Р. Вагнера. Признание силы этического воздействия искусства, и музыкального искусства в том числе, во многом объясняет неприятие Л. Толстым искусства гедонистического, «доставляющего только наслаждение» [Толстой, 1953а, с. 80], как объясняет и его критическое отношение к той музыке, которая «по содержанию своему» посвящена «выражению чувств, доступных только людям, воспитавшим в себе болезненную нервную раздражительность, возбуждаемую этой искусственной и исключительно сложной музыкой» [Там же, с. 165]. Совершенно очевидно, что содержание подобной музыки по-своему перечит такому признаку настоящего искусства – признаку «внешнему», как характеризует его сам Л. Толстой [Там же, с. 335] – как «признак общедоступности», понятности художественного языка [Там же, с. 166].

Однако если принять во внимание как факт особую восприимчивость Л. Толстого к музыке, а также тот факт, какое сильное физио-

логическое и эмоциональное воздействие оказывала на него музыка, то можно увидеть, что эти «факторы», каждый по-своему, не могли не повлиять на его ценностные суждения о музыке. И вовсе не случайно по способности музыки оказывать физиологическое воздействие Л. Толстой может ставить ее в одном ряду с духами, пищей, иногда ставя под сомнение ее нравственное воздействие. Показательна в этом плане следующая его дневниковая запись за 21 августа 1892 г.: «Говорил о музыке. Я опять говорю, что это наслаждение только немного выше сортом кушанья. ...Дело в том, что она не нравственное дело. Не безнравственная, а как и еда – безразличное, но не нравственное. Я за это стою. А если она не нравственное дело, то совсем и другое к ней отношение» [Толстой, 1952б, с. 71].

Наряду с сильным физиологическим воздействием музыки на Л. Толстого не менее сильным было и ее эмоциональное воздействие. Так, к примеру, П. И. Чайковский, вспоминая о том впечатлении, какое произвело его *Andante* из ре-мажорного квартета на Л. Толстого, записывает в своем дневнике: «Может быть, никогда в жизни я не был так польщен и тронут в моем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой, слушая *andante* моего квартета и сидя рядом со мной – залился слезами» [Толстой, 1953б, с. 298].

Для понимания ценностных суждений Л. Толстого о музыке в их взаимообусловленности с особенностями ее личностного восприятия и переживания важно принимать во внимание не только то, какое сильное физиологическое и эмоциональное воздействие оказывала на него музыка, но и способность Л. Толстого к рефлексивному, осознанному восприятию музыки.

Так, прочтение под когнитивно-герменевтическим углом зрения дневниковых записей Л. Толстого и его работы «Что такое искусство?» позволяет не только увидеть самостоятельность и независимость эстетического мышления Л. Толстого и его суждений в отношении ценностного содержания искусства и музыки, но и увидеть особенности феноменологического и рефлексивного восприятия музыки Л. Толстым. Заметим, этот аспект является наименее изученным в исследовательской литературе, связанной с темой «Лев Толстой и музыка».

Акцентируя внимание на этом аспекте, представляется важным отдельно сказать о даре Л. Толстого к рефлексии и самонаблюдению, о его опыте духовной практики, столь ясно проявленной в его дневниковых записях. Той рефлексии, которая есть не просто осознание самого себя, но есть «*практическая феноменология*», «феноменология

совести», как точно именуется ее В. В. Бибихин в своей работе «Дневники Льва Толстого» [Бибихин, 2012а, с. 380, 357]. Рефлексия и опыт практики себя с позиции «смотрителя», требующего «возрастания жизни», «повышения жизни» [Там же, с. 47], раскрывающего силу его рефлексивного мышления.

Процитируем одну запись из дневника Л. Толстого (за 8 апреля 1909 года), в которой так отчетливо проявляются одновременно и практика себя с позиции «смотрителя», и «феноменология совести». Л. Толстой: «Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или мое. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN (*Так в подлиннике*), а я (*Слово я подчеркнуто дважды*) не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения, и сотни и тысячи мелочей, к[отор]ые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И все кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого – это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это – мое дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании мне твое благо. Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует» [Толстой, 1952в, с. 47].

Приведем еще две дневниковые записи Л. Толстого, в которых ярко раскрываются его дар к рефлексии и сила духовного мышления. Первая запись (за 17 августа 1909): «Только то, что духовно в нашей жизни, действительно есть. Так новое сознание духовной истины есть совершившийся факт, несмотря на то, что сознание это не получило еще или вовсе не получит (вследствие смерти н[а]п[ри]мер) своего осуществления. Духовное вне пространства и времени, и потому сознание, если оно истинно духовное, искреннее, то оно уже в одном сознании (намерении) совершилось» [Там же, с. 118].

И вторая дневниковая запись Л. Толстого (за 14 марта 1884 г.): «Все круговорот – правда. Но есть начало движения и начало косности. Глядя на мир, я должен признать силу и материю. Стараясь же определить и то, и другое, я прихожу к метафизическому представлению начала того и другого – непостижимой начальной силы и непостижимого вещества. Я пришел к этой бессмыслице только потому, что я не признал известного себя, который есть начальная непостижимая сила и непостижимое вещество. Вещество и сила соприкаса-

ются с непостижимым, но не где-то там, в бесконечном пространстве и времени, а во мне самом. Я сознающая себя сила и сознающее себя вещество, и потому только и вижу круговорот силы и вещества» [Толстой, 1952а, с. 67].

На наш взгляд, дар Л. Толстого к рефлексии и самонаблюдению во многом обуславливает такую особенность его восприятия музыки, как одномоментность эмоционального и рефлексивного восприятия, связанного с осознанием феноменологического воздействия музыки на себя. Совершенно справедливо Г. А. Ахметова в своей статье, посвященной анализу «музыкальных» эпизодов прозы Л. Н. Толстого с точки зрения отражения в них философских взглядов Платона на музыку, констатирует как факт: «Во многих произведениях Толстого музыка и музыкальные переживания становятся объектом изображения и одновременно предметом теоретической рефлексии писателя» [Ахметова, 2012а, с. 1635].

Выразительным образом способность Л. Толстого к одномоментному эмоциональному и рефлексивному восприятию музыки проявляется в следующем фрагменте из его автобиографического произведения «Детство» (в третьей его редакции), где он описывает свое впечатление от музыки Патетической сонаты Л. Бетховена. Прочитируем этот фрагмент: «Музыка не действует ни на ум, ни на воображение. В то время, когда я слушаю музыку, я ни о чем не думаю и ничего не воображаю, но какое-то странное сладостное чувство до такой степени наполняет мою душу, что я теряю сознание своего существования, и это чувство воспоминание. Но воспоминание чего? Хотя ощущение сильно, воспоминание неясно. Кажется, как будто вспоминаешь то, чего никогда не было. Основание того чувства, которое возбуждает в нас всякое искусство, не есть ли воспоминание? Наслаждение, которое нам доставляет живопись и ваение, не происходит ли из воспоминаний образов? Чувство музыки не происходит ли из воспоминания о чувствах и переходах от одного чувства к другому? Чувство поэзии не есть ли воспоминание об образах, чувствах и мыслях?» [Толстой, 1935, с. 182–183].

В содержании приведенного фрагмента нетрудно увидеть близость феноменологического восприятия музыки Л. Толстым и ее феноменологической рефлексии – музыка как воспоминание – с философскими взглядами Платона на природу души, раскрываемую в его диалоге «Федр»: «Припоминать то, что там, на основании того, что есть здесь...» [Платон, 1993, с. 159]. Заметим, что интересные наблюдения о родстве философских взглядов Л. Толстого на музыку с пла-

тоновским пониманием идеальной природы музыки как духовного «воспоминания» содержатся в статье Г. А. Ахметовой [Ахметова, 2012а] и в ее монографии [Ахметова, 2012б].

Обратимся к диалогу «Федр» Платона, к той его части, где Сократ рассуждает о четырех видах неистовства (прорицание, любовь, творчество, человек философствующий, память которого «обращена на то, чем божествен бог») и о подлинной природе божественной и человеческой души, о ее бессмертии. «Но ради чего так стараются узреть поле истины, увидеть, где оно? Да ведь как раз там, на лугах, пастбище для лучшей стороны души, а природа крыла, поднимающего душу, этим и питается. <...> но душа, никогда не выдавшая истины, не примет такого образа, ведь человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия. <...> когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь... <...> Припоминать то, что там, на основании того, что есть здесь...» [Платон, 1993, с. 157–159].

В созвучии с мыслями Сократа, Л. Толстой в повести «Детство» (в третьей ее редакции) пишет: «Ежели допустить, что музыка есть воспоминание о чувствах, то понятно будет, почему она различно действует на людей. Чем чище и счастливей было прошедшее человека, тем более он любит свои воспоминания и тем сильнее чувствует музыку; напротив, чем тяжелее воспоминания для человека, тем менее он ей сочувствует, и от этого есть люди, которые не могут переносить музыку. Понятно будет тоже, почему одно нравится одному, а другое – другому. Для того, кто испытал чувство, выраженное музыкой, оно есть воспоминание, и он находит наслаждение в нем; для другого же оно не имеет никакого значения» [Толстой, 1935, с. 183].

Таким образом, прочтение дневниковых записей Л. Толстого и его работы «Что такое искусство?» в когнитивно-герменевтическом ключе и с акцентом на его этико-эстетических взглядах на искусство позволяет увидеть определенную взаимосвязь его ценностных суждений о музыке с особенностями его личностного восприятия и переживания музыки, с его способностью к одномоментному эмоциональному и рефлексивному ее восприятию, связанному с осознанием феноменологического воздействия музыки на себя. Думается, что названные особенности восприятия музыки Л. Толстым во многом

определяют ту высокую этическую планку, которая задается им по отношению к целеполаганию и содержанию искусства.

Литература

- Айгеншарф Я.** Лев Толстой музицирующий. URL: <https://opentextnn.ru/old/music/Perception/index.html?id=2984> (дата обращения 13.09.23).
- Ахметова Г. А.** Интерпретация музыки в прозе Л. Н. Толстого и традиции романтизма // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 1. С. 150–157.
- Ахметова Г. А.** Интерпретация музыки как «воспоминания» в повести Л. Н. Толстого «Детство» и романе «Война и мир» (в свете взглядов Платона) // Вестник Башкирского университета. 2012а. Т. 17, № 3 (1). С. 1635–1640.
- Ахметова Г. А.** Лев Толстой и искусство (музыка, живопись, театр): Монография. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2012б. 172 с.
- Бибихин В. В.** Дневники Льва Толстого / Вступит. статья О. А. Седаковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012а. 480 с.
- Бибихин В. В.** Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012б. 536 с.
- Бибихин В. В.** Эстетика Льва Толстого // Наше положение: Образ настоящего / О. А. Седакова, В. В. Бибихин, А. И. Шмаина-Великанова, А. В. Ахутин и др. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. С. 275–279.
- Ломакина О. В.** Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015. 329 с.
- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Высокая классика / Худож.-офор. Б. Ф. Бублик. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
- Петрухина М. А.** Этические и эстетические взгляды Л. Толстого в оценке мыслителей, его современников // Язык. Культура. Коммуникация. Вып. 21. 2018. С. 216–221.
- Платон.** Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- Симонова С. А.** Этические размышления Льва Толстого: к вопросу об этико-эстетическом синтезе // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого № 4 (20), декабрь 2016 г. С. 66–72.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Серия первая. Произведения. Том 1. М., Государственное издательство «Художественная литература», 1935. 354 с.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 30. Произведения 1882–1898. Государственное издательство «Художественная литература», 1951. 606 с.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Серия вторая. Дневники. Том 49. Записки христианина, дневники и записные книжки 1881–1887. М., Государственное издательство художественной литературы, 1952а. 308 с.

- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Серия вторая. Дневники. Том 52. Дневники и Записные книжки. 1891–1894. М., Государственное издательство художественной литературы, 1952б. 427 с.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений 90 томах. Серия вторая. Дневники. Т. 57: Дневники и записные книжки 1909. М., Государственное издательство художественной литературы, 1952в. 428 с.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. Серия вторая. Дневники. Т. 53: Дневники и записные книжки 1895–1899. М., Государственное издательство художественной литературы, 1953а. 661 с.
- Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Серия третья. Письма. Т. 62: Письма 1873–1879. М., Государственное издательство художественной литературы, 1953б. 573 с.
- Эйрес И.** Воззрение Толстого на музыку // Эстетика Льва Толстого. М.: Гос. академия худож. наук, 1929. С. 241–308.

Elena S. Guseva

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation*

LEO TOLSTOY'S PERCEPTION OF MUSIC IN THE CONTEXT OF HIS ETHICAL AND AESTHETIC VIEWS ON ART

Abstract: The article analyzes the diaries of Leo Tolstoy and his work “What is Art?” from the perspective of cognitive hermeneutics. The study focuses on Tolstoy’s value judgments about art, including music. It reveals that Leo Tolstoy constructs a hierarchy of criteria for the artistic value of art, such as emotional influence and power to evoke emotional response, accessibility of artistic language, and, last but not least, quality of the content regarding the objective and ontological nature of art. The study also finds out the similarities between the phenomenological reflection of Tolstoy’s perception of music (music as recollection) and Plato’s philosophical views on the nature of the soul (“Phaedrus”). Tolstoy’s value judgments about music and the specifics of his perception and experience of music correlate with his capacity for immediate emotional and reflexive perception.

Keywords: *Leo Tolstoy, criteria for artistic value of art, perception of art, emotional and reflective perception of music.*

Полина Олеговна Тончук

*Новосибирская государственная
консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия
tonchukp@mail.ru*

«ЭЛЕГИЯ» С. В. РАХМАНИНОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА КОМПОЗИТОРА

Аннотация: Статья посвящена изучению известного произведения С. В. Рахманинова – «Элегии» ор. 3. Истоки трагического мироощущения композитора, обусловившие выход за рамки жанровой модели элегии, объясняются особенностями его картины мира. В качестве одной из констант этой картины мира рассматривается концепт «трагического прощания». В статье проводятся аналогии между пьесой С. В. Рахманинова и элегиями французских композиторов, П. И. Чайковского, поэтическим творчеством В. К. Тредиаковского, а также древним прообразом жанра – напевом-причетом двойной флейты Малой Азии. Также в процессе исследования выявлено присутствие в картине мира С. В. Рахманинова темы Востока и музыкального языка П. И. Чайковского, творчески переосмысленных и присвоенных на уровне неотъемлемого компонента собственного художественного стиля.

Ключевые слова: картина мира, С. В. Рахманинов, элегия, трагическое прощание, концепт.

«Элегия» С. В. Рахманинова, вошедшая в цикл «Пьесы-фантазии» ор. 3 – одно из самых известных и всеми любимых произведений композитора. Оно отличается не только удивительным совершенством формы, но и сочетанием страстной эмоциональности высказывания с благородной сдержанностью и даже суровостью. Впечатляет масштаб трагического пафоса, который композитору удалось вложить в небольшую пьесу, особенно учитывая, что в момент ее создания ему было всего девятнадцать лет. Возникает вопрос, откуда же в столь юном возрасте у автора могло возникнуть подобное глубокое переживание горя?

Несмотря на представленное в литературе многоаспектное изучение творчества С. В. Рахманинова, автору настоящей статьи не удалось найти ответа на данный вопрос. «Элегия» ор. 3 рассматривается либо с методических позиций (Н. П. Корыхалова), либо в контек-

сте биографического обзора раннего периода творчества композитора (В. Н. Брянцева, Ю. В. Келдыш и мн. др.). Между тем глубина воздействия музыки С. В. Рахманинова во многом обусловлена сочетанием «эмоционального максимализма» с психологической достоверностью и правдивостью, что возможно только в том случае, если автор не «играет в эмоцию», а непосредственно выражает самого себя и свой взгляд на мир. В связи с изложенным актуальным представляется взгляд на пьесу как на реализацию целостного понимания и глобальной репрезентации мира композитором. Обратившись к многогранному и наиболее адекватному поставленной задаче феномену «картины мира», попытаемся «увидеть» рахманиновскую «Элегию» с новых сторон, поскольку (по меткому высказыванию С. Д. Смирнова) «не мир образов, а образ мира направляет и регулирует деятельность человека» [Смирнов, 1981, с. 17].

Впервые использованное М. Хайдеггером и все более вовлекаемое в орбиту интересов различных социально-гуманитарных дискурсов понятие «картина мира» неоднородно и трактуется разнообразно. Отправной точкой в своих рассуждениях будем считать идею А. Н. Леонтьева о том, что в основе субъективного образа мира лежит жизненный и социокультурный опыт человека [Леонтьев, 1983]. При этом основной «единицей» жизни человека, формирующей его образа мира, является событие.

В данном случае события жизни С. В. Рахманинова отчасти дают нам ответы на вопросы об истоках трагического мироощущения 19-летнего юноши. В этот период композитора сопровождают неприкаянность (его семья из-за материальных трудностей лишилась родового имения Онег¹), затем следует болезненный разрыв с его учителем Н. С. Зверевым. Через некоторое время на семейном совете было решено предоставить юноше кров, и его приютила у себя семья его родственников Сатиных, однако Сергей Васильевич, остро переживая свое зависимое положение, часто ощущал, что его присутствие их тяготит. Он то скитался по своим друзьям, то снова возвращался к Сатиным. Стоит сказать, что даже в принадлежащем Сатиным имении Ивановка, которая стала для композитора местом наивысших творческих достижений, он не чувствовал себя «как дома». Эта ситуация

¹ Переживания об этом сопутствовали композитору на протяжении всей жизни. Своеобразным символом этой темы потери родного дома стал романс «Сон» на стихи Плещеева (из Гейне), открывающийся строчкой «И у меня был край родной...».

не изменилась даже после его женитьбы на его кузине Наталье Сатиной и его существенных материальных вложений в обустройство имения, поскольку по-прежнему полноправной хозяйкой там оставалась теща. Не понаслышке композитор знал и бедность. В этот период его основным заработком были частные уроки, тяготившие молодого музыканта и отнимавшие время от сочинения музыки.

Подобные обстоятельства не могли не повлиять на становление личности композитора и опосредованно отразились в творчестве. В то же время трактовка «Элегии» лишь как творческого переосмысления конкретных жизненных обстоятельств выглядит серьезным упрощением, поскольку в данной пьесе намечается одна из «магистральных тем» творчества С. В. Рахманинова, которая будет сопровождать его на протяжении всей жизни.

Идея приверженности С. В. Рахманинова нескольким важнейшим для него темам уже разрабатывалась исследователями. Так, например, С. Е. Сенков выделяет темы Веры (утверждения собственной веры)², женской измены (несчастной любви)³, потери Родины⁴ (подробнее об этом см.: [Сенков, 2018, с. 14–32]). К названным темам видится необходимым добавить еще одну, отчасти родственную теме потере Родины, но не тождественную ей. Обозначим ее как тему «*трагического прощания*». Парадоксально, что именно эта тема наиболее емко отражает настроение «Элегии» ор. 3, хотя в момент работы над пьесой композитор был окружен родными и близкими по духу людьми, был жив его кумир – П. И. Чайковский, и до расставания с Россией должно было пройти много лет.

² Данная тема может принимать обличья антитезы «Свет/Тьма», «Бог/Дьявол», «Вера/Неверие» и отражена в таких сочинениях, как Литургия, Всенощное бдение, Духовный концерт «В молитвах неусыпающую Богородицу», Первая соната, Рапсодия на тему Паганини, Вариации на тему Корелли, романсах.

³ С одной стороны, эта тема достаточно очевидно проявляется уже в студенческой работе композитора – опере «Алеко», впоследствии отражена во множестве романсов, фортепианных миниатюр и на уровне непосредственного эмоционального восприятия безошибочно считывается во многих страницах его музыки. С другой стороны – в силу закрытости характера композитора, его нелюбви к демонстративному выражению своих переживаний и декларированию творческих замыслов для теоретического осмысления эта тема достаточно трудна.

⁴ Интересно, что звучать в музыке Рахманинова эта тема начинает задолго до событий 1917 г. и эмиграции, во многом обусловив особенности его музыкального стиля, с присущими ему настроениями тоски и ностальгии, стремлением сохранить и в своем творчестве все лучшее, что свойственно русской культуре, и нежеланием «размениваться» на новомодные художественные течения.

Непосредственное эмоциональное воздействие музыки «Элегии» ор. 3 убеждает в правомерности избрания лексемы «трагическое прощание» в качестве основной темы пьесы, однако в данном случае неизбежно высокой оказывается роль субъективного восприятия, не дающая исследователю права преобразования данной метафоры в логос. Разрешению этого противоречия способствует обращение к семантике тональности «Элегии» в творчестве композитора. Энгармонически равная увлекающему А. Н. Скрябина ре-диез минору, тональность ми-бемоль минор представлена у С. В. Рахманинова двумя этюдами-картинами (ор. 33 и ор. 39), прелюдией из ор. 32, Музыкальным моментом ор. 16. Однако предпринимая попытки рефлексии относительно содержания чисто инструментальных и непрограммных сочинений, мы вновь поддаемся риску субъективизма. Гораздо более показательными в этом плане могут быть камерно-вокальные сочинения композитора, где сам выбор поэтического текста бывает весьма красноречивым.

Напомним, что в одной из современных трактовок картина мира определена как «многоуровневая система концептов» [Погорский, 2012, с. 322]. При этом в исследованиях самих концептов подчеркивается их языковая сущность [Воркачев, 2003]. Не будучи вербально определенным, явление не может существовать на уровне концепта и восприниматься в качестве элемента картины мира. Именно это обстоятельство потребовало поиска словесного репрезентанта содержания «Элегии», в качестве которого избрана лексема «трагическое прощание». Если же мы говорим об индивидуальной картине мира, то в ряду разнообразных концептов, составляющих ее содержание, должны выделяться константы, концентрирующие опыт человека, который затем будет многократно транслироваться⁵.

В качестве примера трактовки ми-бемоль минора в камерно-вокальной музыке С. В. Рахманинова назовем романсы «Проходит все» на сл. Д. Ратгауза⁶ ор. 26 и «Не может быть!» на сл. А. Майкова⁷ ор. 34,

⁵ О духовных константах С. В. Рахманинова см., например: [Чупахина, 2009].

⁶ *Проходит все, и нет к нему возврата. / Жизнь мчится вдаль, мгновения быстрее. / Где звуки слов, звучавших нам когда-то? / Где свет зари нас озарявших дней? / Расцвел цветок, а завтра он увянет, / Горит огонь, чтоб вскоре отгореть... / Идет волна, над ней другая встанет... / Я не могу веселых песен петь!*

⁷ *Не может быть! не может быть! / Она жива!.. сейчас проснется... / Смотрите: хочет говорить, / Откроет очи, улыбнется, / Меня увидевши, поймет, / Что неутишный плач мой значит, / И вдруг с улыбкою шепнет: / «Ведь я жива! О чем он плачет!..» / Но нет! Лежит... тиха, нема, недвижна...*

трагически безысходных и «проживающих» горестное прощание с разных сторон. В романсе на слова А. Майкова перед нами непосредственный эмоциональный аффект столкновения с непоправимым горем, в то время как стихи Д. Ратгауза в большей степени отражают аспект философского осмысления неизбежности потери.

Концепт «трагического прощания», столь ярко переданный в «Элегии», может выступить в качестве такой константы, поскольку весь дальнейший жизненный путь композитора своими событиями невольно подтверждает смысловые доминанты его картины мира. Ведь в действительности не только в юные годы, когда была написана «Элегия», но и на протяжении всей жизни С. В. Рахманинова фатально преследовала ситуация потери домашнего очага. Помимо упомянутых распада семьи и продажи Онега, расставания с приемной семьей в Петербурге, вынужденного ухода от Н. С. Зверева, композитору суждено было пережить и утрату Ивановки (вследствие Первой мировой войны и революции), а затем и России. Тот же рок преследовал его и в эмиграции: в водовороте Второй мировой войны потеряна любимая вилла «Сенар» и оборвана связь с младшей дочерью, оставшейся в оккупированной Европе.

Предугадать все эти события, как и ход истории, повлекший за собой революцию и крупнейшие в истории человечества катастрофы – мировые войны, композитор, разумеется, не мог. Тем не менее в 1891 г. своей «Элегией» С. В. Рахманинов уже прощается со всем, что ему дорого, и с уже безвозвратно ушедшим, и с тем, что уйдет впредь. Однако в этой музыке мы имеем дело не с «трагическими предчувствиями» или «предвидением надвигающейся катастрофы», а с мужественным, исполненным достоинства проживанием уже свершившегося и непоправимого. Это приводит нас к необходимости рассматривать это произведение как результат не реактивных, а проективных творческих интенций, а именно – репрезентацию художественной модели мироздания композитора, со свойственным ей единством рационального и интуитивного, логически постижимого и бессознательного.

Диффузность уровней постижения реальности в структуре картины мира ведет к формированию индивидуального хронотопа (термин М. М. Бахтина), для которого события прошлого и будущего сливаются воедино, концентрируясь в точке творческого прорыва. Таким образом, написанное в 1891 г. произведение автора, обладающего гениальной интуицией, содержит в себе признаки интегратив-

ной целостности времени, делая в восприятии автора события, которые еще не произошли, столь же реальными, как свершившиеся.

Своеобразие картины мира С. В. Рахманинова отражается и в специфике его трактовки жанра элегии. В Древней Греции и Риме элегией называлось поэтическое произведение различного содержания – от любовной лирики до политической сатиры. В европейскую и русскую поэзию элегия входит прежде всего как лирический монолог о пережитых чувствах. Вокальное произведение, поэтическим текстом которому служит стихотворная элегия – такова наиболее распространенная форма воплощения этого жанра в музыке, однако встречаются и чисто инструментальные пьесы.

Если же обобщить содержание наиболее известных поэтических и написанных на их текст вокальных элегий, можно говорить о преобладании задумчивого, лирического, нередко печального характера. Однако в «Элегии» С. В. Рахманинова мы встречаемся с подлинным трагизмом и скорбью, а ощущением непоправимости горя и безвозвратности потери эта пьеса, по меткому выражению М. С. Лебензон⁸, больше напоминает эпитафию.

Стоит отметить, что в период создания «Элегии» С. В. Рахманинова этот жанр в виде сольного инструментального произведения не был столь популярен. Большинство широко известных музыкальных элегий написаны уже после издания «Пьес-фантазий» op. 3. Это замечательные элегии В. С. Калинникова (1894), А. С. Аренского (1894), элегия Н. А. Римского-Корсакова «О чем в тиши ночей» (1897), романс на элегию Пушкина «Редет облаков летучая гряда» (1897). Назовем также сочинения А. Т. Гречанинова: «Элегия памяти Чайковского» (1893), «Две белорусские элегии» (1918), «Элегическая поэма памяти героев» (1945). Широко известна написанная в 1978 г. и посвященная памяти А. Хачатуряна «Элегия» А. Бабаджаняна. Среди произведений зарубежных авторов – фортепианные элегии К. Дебюсси (1915), Ф. Бузони (1908 год издания) и элегии для скрипки и фортепиано К. Сен-Санса (1915, 1920).

Но если многие элегии написаны уже после С. В. Рахманинова, то какие же произведения могли послужить «образцом» и источником вдохновения для композитора? Стремление к объективности требует упомянуть о двух элегиях Ф. Листа (1874 и 1877 гг.). Однако по

⁸ Данная мысль высказана выдающейся пианисткой и педагогом, профессором кафедры специального фортепиано Новосибирской консерватории М. С. Лебензон на мастер-классе в Малом зале НГК 18 апреля 2018 г.

своему характеру и содержанию эти пьесы не имеют выраженной жанровой специфики и решены скорее в духе листовской легенды или баллады. В то время как между рахманиновской пьесой и «Элегией» Ж. Массне, написанной в 1866 г., можно проследить некоторое родство.

Интересно, что первоначальное свое рождение «Элегия» Ж. Массне пережила также в качестве сольной фортепианной пьесы⁹. Затем было сделано переложение для виолончели и фортепиано, еще позднее либреттистом Луи Галле, постоянным соавтором французского композитора, был написан стихотворный текст, превративший «Элегию» в популярнейшее вокальное произведение.

«Элегия» Ж. Массне входила в репертуар Федора Шаляпина, однако маловероятно, что С. В. Рахманинов мог слышать его исполнение до создания своей пьесы: великие современники, ставшие впоследствии друзьями, познакомились позднее, лишь в 1897 г. В то же время на предварительное знакомство С. В. Рахманинова с этим произведением указывают многие моменты. Творческим импульсом для него здесь могли выступать скорбный, несколько оцепенелый и застывший характер музыки, несколько патетических эмоциональных всплесков и особенно стихотворный текст, в котором так явно прослеживается тот самый мотив прощания с тем, что было так дорого и что невозможно вернуть. Приведем фрагмент стихотворения Л. Галле в переводе А. Горчаковой: *«Ах, где весна прежних дней, / май, полный грез, / вы пронеслись навсегда! (...) Радость и счастье мое / ты унесла навсегда все с собой! / Не для меня вновь приходит весна! / Ах, безвозвратно прошли светлые дни прежней и чистой любви! / Так и во мне будто все умерло!»*.

Другой замечательный образец музыкального произведения в жанре элегии также принадлежит французскому композитору – Г. Форе, значительную роль в судьбе которого сыграл салон знаменитой певицы Полины Виардо, положивший начало его связям с И. С. Тургеневым, С. И. Танеевым, П. И. Чайковским и А. К. Глазуновым¹⁰. «Элегия» Г. Форе, написанная в 1880 г. для виолончели и фортепиано, затем была оркестрована автором. Скорбный и в то же время мужественный характер также сближает эту элегию с произведением С. В. Рахманинова, хотя в поиске причин этого родства трудно одно-

⁹ «Элегия» вошла в цикл «Жанровые пьесы» ор. 10.

¹⁰ Лично посетил Россию Г. Форе в 1909 г., выступив с концертами в Петербурге и Москве.

значно предпочесть, пользуясь терминами К. Г. Юнга, принцип причинности творческой синхроничности.

При всем художественно-содержательном родстве «Элегии» С. В. Рахманинова с произведениями французских авторов не вызывает сомнений: источник непосредственного влияния нужно искать в музыке русских композиторов, и прежде всего, Петра Ильича Чайковского. Обратившись к его наследию, встречаемся с сочиненной для струнного оркестра элегией «Привет благодарности», предназначенной для празднования 50-летия творческой деятельности выдающегося русского актера и педагога Ивана Васильевича Самарина. Ее первое исполнение состоялось в декабре 1884 г. на юбилейном концерте в Большом театре в Москве. В 1890 г. П. Юргенсон убедил Чайковского опубликовать произведение, но настоял на смене названия на «Элегию» с посвящением памяти И. Самарина, ушедшего из жизни в следующем году после посвященных ему торжеств. Музыка этой оркестровой пьесы трогательная, щемящая и задушевная, но, как закономерно было бы ожидать в связи с ее предназначением для юбилейного концерта, какого бы то ни было трагизма она совершенно лишена.

Другая Элегия П. И. Чайковского – из Серенады для струнного оркестра до мажор, ор. 48, написанная осенью 1880 г. и посвященная композитору и виолончелисту Карлу Альбрехту, тем более не может выступить в роли творческого протообразца для С. В. Рахманинова. Своей струнной серенадой композитор, по его собственному признанию, хотел выразить преклонение перед стилем Вольфганга Амадея Моцарта. Ее чистая, свежая, наполненная изяществом музыка переключается и с «Элегией» из Третьей оркестровой сюиты ор. 55, завершенной П. И. Чайковским в 1884 г.

Наконец, «Элегическая песнь» П. И. Чайковского, входящая в цикл «18 пьес» ор. 72 издана уже после «Пьес-фантазий» С. В. Рахманинова, в 1893 г. Она посвящена памяти высокообразованного и тонко чувствующего юноши Володи Склифосовского, с которым П. И. Чайковский познакомился и сдружился во время путешествия на пароходе. Юноша был неизлечимо болен и вскоре умер. Посвященная его памяти, пьеса действительно напоминает эпитафию, в ней ощущается скорбное и ностальгическое настроение. И все же написанная в возвышенной и романтической тональности ре-бемоль мажор, эта пьеса скорее утешает и умиротворяет, и это прощание не горестное, а светлое и исполненное надежды.

Таким образом, все рассмотренные элегии П. И. Чайковского решены преимущественно в светлых тонах. Масштаба же подлинной трагедии композитор достигает в своем знаменитом трио «Памяти великого художника», написанном на смерть Н. Г. Рубинштейна и открывающимся «элегической пьесой». Посвящая свое второе, ре-минорное «Элегическое трио», памяти П. И. Чайковского¹¹ (1893), С. В. Рахманинов развивает традицию русских мемориальных трио.

Продолжая рассуждения об особенностях претворения элегии в музыке П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова, проведем параллель с разновидностями этого жанра, разработанными в поэзии Василия Кирилловича Тредиаковского. Один вид элегии – лирическая, передающая личные переживания автора, легко прижился на благодатной почве русского характера, получив затем многообразное претворение в творчестве поэтов. Второй – более монументальная, развернутая по форме, трагико-героическая элегия, посвященная смерти выдающегося человека¹² (об этом см., например, [Прокопенко, 2018, с. 66]). Элегии такого типа характеризуются подлинным трагизмом, яркими эмоциональными проявлениями и патетикой, причем речь идет не о переживании личного горя, а о потере всечеловеческого масштаба.

Нетрудно заметить, что П. И. Чайковский в трактовке элегии как миниатюры следует первому типу – лирическому, а в области крупной циклической формы (трио) – второму, в то время как С. В. Рахманинов в своей пьесе из ор. 3 как будто соединяет их воедино. По масштабам его «Элегию» ор. 3 сложно назвать миниатюрой, а главное, глубина вызвавшего ее к жизни горевания такова, что выходит за рамки «индивидуальной лирики». В то же время, если поэтика произведений трагического характера отмечена масштабностью адресата, то в этом «элегическом высказывании» С. В. Рахманинова ощущается его покинутость и сиротливость. Это одиночество имеет не ситуативный, а конституирующий характер для его картины мира: автор не ассоциирует себя ни со своим поколением, ни с соотечественниками, ни с творческими единомышленниками.

Такое мировосприятие присуще было и выдающемуся русскому мыслителю той эпохи Н. А. Бердяеву, утверждавшему: «Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своей истины» [Бердяев, 1991,

¹¹ Первое, соль-минорное трио С. В. Рахманинова, написанное в один год с «Пьесами-фантазиями», также носит название элегического.

¹² Классическим образцом такого рода является известная элегия В. К. Тредиаковского на смерть Петра I.

с. 44]. Концепт «одиночество» у С. В. Рахманинова трактуется в соответствии с глубокими духовными корнями его картины мира. Истоки его одиночества не в индивидуализме, не в противопоставлении себя обществу и тем более не в ницшеанском чувстве собственной избранности. Речь идет, скорее, об эсхатологическом мироощущении, неизбежности личной ответственности перед лицом вечности.

По всей видимости, передаче чувства одиночества и служит фактура «Элегии» ор. 3, отличная от характерных рахманиновским сочинениям плотности, разветвленности и полифоничности. Мелодии в произведениях композитора напитываются живительной силой окутывающих их подголосков. Но в «Элегии» чрезвычайно яркое расщепление мелодии и аккомпанемента, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, создает впечатление не только простора и широты, а бескрайнего пространства «в тысячи верст». Мелодия, «одна одинешенька на белом свете», звучит пронзительно и беззащитно. Строго и беспристрастно, без всякого сочувствия к мелодии, изложена здесь партия левой руки, рисующая образ гранитных глыб или толщи ледяной темной воды. Расположение мелодии в высокой, «холодной» тесситуре обостряет ощущение трагизма и выделяет «Элегию» С. В. Рахманинова из ряда упомянутых выше пьес французских и русских композиторов, в которых тембр виолончели или использование среднего регистра фортепиано придает звучанию теплоту и «человечность».

Несмотря на то что между мелодией и аккомпанементом в «Элегии» ор. 3 существует явное гармоническое соподчинение, художественно они друг другу противопоставлены. Соединенные воедино волей автора мелодия и аккомпанемент здесь «живут в разных мирах», замкнутые в своем индивидуальном инобытии. Таким образом, закономерно возникает ассоциация с типом изложения, свойственным музыке Востока и называемым монодией с аккомпанементом. Вследствие гениальной интуиции композитора его «Элегия» сквозь века апеллирует к своему древнему прообразу – скорбному напеву-причету двойной флейты Малой Азии, сопровождавшему погребальный обряд.

Монодию с аккомпанементом можно встретить и в других сочинениях композитора. Приведем в качестве примера XVII вариацию из цикла «Вариации на тему Корелли», в целом имеющую выраженный восточный колорит.

Необходимо подчеркнуть, что тема Востока имеет огромное значение для творчества С. В. Рахманинова, появляясь уже в самых ран-

них сочинениях – назовем, например, «Восточный танец для виолончели и фортепиано» ор. 2, № 2, «Восточный эскиз». Напомним, что дипломной работой С. В. Рахманинова в консерватории стала опера «Алеко», написанная на сюжет поэмы «Цыгане» А. С. Пушкина.

Интерес к Востоку сформировался и ярко проявил себя в творчестве русских композиторов XIX в., став неотъемлемой частью музыкальной культуры, получившей название «русского музыкального ориентализма» (Б. В. Асафьев). Однако С. В. Рахманинов продолжает эту традицию весьма своеобразно. Если для русских композиторов характерна сознательная апелляция к теме Востока, которая сигнализируется выбором определенной сюжетной тематики («Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова, «Половецкие пляски» И. П. Бородина и мн. др.), то у С. В. Рахманинова мы можем наблюдать «присвоение» восточных интонаций и «растворение» их в своем собственном музыкальном стиле. Таким образом, эти восточные интонации в лирике композитора проникают даже в те мелодические и гармонические обороты, которые мы без малейших сомнений опознаем как «типично рахманиновские» – достаточно вспомнить, например, его «Вокализ» ор. 34. Как отмечает Д. А. Рахимова, ориентализм С. В. Рахманинова проникает в непрограммные сочинения, переходит из сферы симфонической и вокальной музыки в жанры камерной фортепианной музыки (этюды-картины, прелюдии) и отличается преобладанием не эпического размаха, а субъективного, индивидуально-личностного высказывания [Рахимова, 2011]. Также специфика ориентализма С. В. Рахманинова заключается в его интересе к цыганской музыкальной культуре (помимо отмеченной выше оперы «Алеко», назовем также «Каприччио на цыганские темы», романсы «О нет, молю не уходи» и «О, не грусти по мне»). В «Элегии» ор. 3 также ощущается колорит «цыганского надрыва», особенно заметный в проведении темы в секстовом удвоении.

Интересно, что именно в это время, в свои юные годы, С. В. Рахманинов был влюблен в Анну Лодыженскую, сестру знаменитой цыганской певицы, проводил много времени в их доме, слушая цыганские песни. Зашифровав ее имя, композитор посвятил А. Лодыженской свою Первую симфонию. Будучи неразрешимым страданием, (А. Лодыженская была замужем, и этой связью были очень обеспокоены родственники композитора), эта тайная влюбленность, по-видимому, оставила сильный след в душе композитора.

Будучи истинно русским композитором, ощущая связь с русским фольклором, в том числе даже с древними, архаическими его пласта-

ми, С. В. Рахманинов и цыганские интонации воспринимает не как «чужеземные». Глубокие личные переживания сделали музыкальный язык Востока «родным» для С. В. Рахманинова, и на протяжении всего своего творческого пути он продолжает говорить на этом языке. Таким образом, тема Востока также является одной из констант картины мира композитора.

Феномен присвоения восточных интонаций приводит к их органическому переплетению со славянскими. Стоит отметить, что народная обрядовая поминальная песня нередко становилась источником вдохновения для русских поэтов, которые в своих элегиях использовали взятые оттуда словесные обороты и сравнения. Так и в «Элегии» ор. 3 С. В. Рахманинова наряду с цыганскими мотивами заметна опора на протяжную русскую песню, плач-причет.

В среднем же разделе пьесы композитор обращается к музыкальному словарю западноевропейского и русского романтизма, и особенно заметно здесь влияние П. И. Чайковского. Здесь слышны романсовые интонации, а в качестве жанровой основы ощущается баркарола. Интересно, что баркарола присутствует и в среднем разделе «Элегической песни» ор. 72 П. И. Чайковского. Объединяет эти пьесы и «теплый», «многобемольный» мажор среднего раздела¹³.

Попутно отметим, что все три баркаролы С. В. Рахманинова¹⁴ (и все они написаны в соль миноре) обладают чертами элегичности в общепринятом понимании этого термина и, передавая чувство одиночества и тоски, напоминают горестный монолог героя. В решенной в гораздо более трагическом ключе «Элегии» лишь в среднем разделе музыка наконец «оттаивает» теплым виолончельным регистром мелодии, лирический тон которой вызывает ассоциации с лирикой П. И. Чайковского.

Не менее интересный пример стилевого диалога можно обнаружить в кульминации «Элегии», имеющей жанровые признаки вальса – излюбленного жанра П. И. Чайковского. Не имеющий признаков подражательности, этот вальс «присвоен» и переведен на язык С. В. Рахманинова, сигнализируя нам о глубоком переосмыслении музыки П. И. Чайковского, также ставшей неотъемлемой частью картины мира композитора.

¹³ Ре-бемоль мажор у П. И. Чайковского, соль-бемоль мажор у С. В. Рахманинова.

¹⁴ Речь идет о баркаролах из сюиты для двух фортепиано ор. 5 из цикла «6 пьес в 4 руки» ор. 11 и о баркароле для фортепиано-соло ор. 10.

Таким образом, в своей «Элегии» из цикла «Пьесы-фантазии» С. В. Рахманинов выходит за пределы устоявшейся жанровой модели, что обусловлено особенностями его картины мира. Одним из стержневых элементов этой картины мира является концепт «трагическое прощание», обусловивший содержание пьесы. Претворение данного концепта в музыку С. В. Рахманинова способствовало появлению его индивидуальной трактовки жанра элегии, в которой мотив прощания мог быть воспринят от Ж. Массне, а трагический пафос высказывания – от «Элегической пьесы» из трио для фортепиано, скрипки и виолончели ор. 50 П. И. Чайковского. Необходимо подчеркнуть, что содержание пьесы обусловлено не столько событиями жизни композитора, пережитыми им в прошлом, сколько целостной моделью его мироощущения, обладающей свойствами «надвременного хронотопа».

Также в процессе рассуждений определено, что для индивидуальной художественной картины мира С. В. Рахманинова характерно переосмысление и присвоение музыкального языка Востока и стиля П. И. Чайковского, отразившихся в «Элегии» ор. 3 на уровне использования монодии с аккомпанементом и жанровых признаков вальса.

Завершая изложение, отметим, что обнаруженные на примере изучаемой пьесы особенности мироощущения автора не равны его мировоззрению в целом. Выявленный концепт «трагического прощания» презентует лишь одну из отраженных в конкретном произведении граней картины мира композитора, подробное изучение которой способствует как более глубокому пониманию художественного содержания «Элегии» ор. 3 – в частности, так и особенностей композиторского стиля С. В. Рахманинова – в целом.

Литература

- Бердяев Н. А.** Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 445 с.
- Воркачев С. Г.** Культурный концепт и значение // Тр. Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.
- Леонтьев А. Н.** Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. С. 251–261.
- Погорский Э. К.** Картина мира // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 322–323.
- Прокопенко А. Г.** Жанр элегии в русской литературе XVIII века. // Вестник СНО «Донецкий национальный университет». 2018. Т. 2 «Гуманитарные науки», вып. 10. С. 66–68.
- Рахимова Д. А.** Художественный облик ориентализма в музыке С. В. Рахманинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. С. 209–214.

- Сенков С. Е. Рахманинов. Гений признанный и непонятый. М.: Дека-ВС, 2018. 298 с., илл.
- Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. 1981. № 2, апрель–июнь. С. 15–30.
- Чупахина Т. И. Духовные константы в творчестве С. В. Рахманинова // Вестник Омского университета, 2009. № 4. С. 34–40.

Polina O. Tonchuk

*Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka
Novosibirsk, Russian Federation*

**“ELEGY” BY S. V. RACHMANINOV
AS A REFLECTION OF THE COMPOSER’S WORLDVIEW**

Abstract: The article studies S. V. Rachmaninov’s famous work – “Elegie” op. 3. The background of the composer’s tragic perception of the world, determined by his worldview in general, influenced his running out of the limitations of elegy as the genre model. For instance, the concept of “tragic farewell” is one of the constants in the composer’s works and his perspective on life. The article highlights similarities and common points between the works of S. V. Rachmaninov and the elegies of French composers, creations of P. I. Tchaikovsky, the poetic work of V. K. Trediakovsky, as well as the ancient prototype of the genre – the chant of the double flute of Asia Minor. Moreover, the study shows the presence in the worldview of S. V. Rachmaninov the “East theme” and some elements of the musical language of P. I. Tchaikovsky, creatively revisited and integrated as a component of his artistic style.

Keywords: *worldview, S. V. Rachmaninov, elegy, tragic farewell, concept.*

Лариса Дмитриевна Благовещенская¹,
Алексей Владимирович Талашкин²

*Сибирский центр колокольного искусства
Новосибирской митрополии
Новосибирск, Россия*

¹*zvonarcenter@yandex.ru*

²*talashkin@mail.ru*

КОЛОКОЛЬНОСТЬ – ЧЕРТА СТИЛЯ С. В. РАХМАНИНОВА

Аннотация: Рахманинов – один из тех композиторов, на чьем творчестве звон колоколов сказался наиболее весомо. Это не только «лежащие на поверхности» «Колокола», но буквально все его богатейшее наследие. Тем не менее объемного и всеобъемлющего труда на эту тему не существует. Есть только отдельные наблюдения и работы по какому-либо одному произведению, причем нередко с ошибками, свидетельствующими о том, что автор не знаком с самим искусством звона. Данная статья – попытка, хоть кратко, охватить проблему колокольности всего наследия композитора в ожидании монографии, которая со временем появится усилиями молодых ученых.

Ключевые слова: *Рахманинов, колокольность, колокольные попевки, мелодии-ассоциации, гармония, фактура.*

Благодарности: Авторы благодарят композитора, ассистента-стажёра Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского Александра Геннадьевича Перова и кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника Российского института истории искусств Александра Борисовича Никанорова (Санкт-Петербург).

*Как этот звон, могучий и тяжелый,
Сливается с открытой и веселой
Равниной зеленеющих полей!
(И. Бунин)*

Колокольный звон в произведениях русской классики – важная и современная проблема. Тем не менее в музыковедении она еще не ставилась со всей полнотой, хотя в различных трудах и исследовани-

Данная работа представляет собой модернизированную статью *Благовещенская Л. Д. Колокольный звон в творчестве С. В. Рахманинова // Былое и думы, или Как это было. Новосибирск, 2008. 133 с. С. 88–107.*

яя многих музыковедов, специально никогда звоном не занимавшихся, можно найти множество интересных ценных замечаний по этому поводу.

Практически все музыковеды, пишущие о С. В. Рахманинове, упоминают о колокольности в его музыке (о влиянии звона на творчество композитора, о претворении его в конкретных произведениях). Если проанализировать проблему колокольности в работах музыковедов, то обилие отдельных наблюдений, ассоциаций, образных сравнений, констатаций фактов и некоторых выводов говорит о том, что этим вопросом пора заняться специально. Цель настоящей статьи – попытаться проследить колокольность в различных ее проявлениях как одну из черт стиля композитора.

Одним из первых отметил новый подход Рахманинова к звону В. В. Стасов, указав на его преемственную связь с Мусоргским [Асафьев, 1961, с. 359]. Очевидец этого разговора Б. В. Асафьев, обративший внимание на «интонации атмосферности» в русской музыке в целом, уловил связь рахманиновских звонов со звуковой атмосферой и, что очень важно, с атмосферой тревоги и настороженности (предвосхищенной еще Бородиным) в общественной жизни России начала XX в. [Там же, с. 365]. В его выражениях «раскачивание», «волны звона», может быть, неосознанно подсказана необходимость изучения колоколов и звона как физического явления.

Наибольшее внимание колокольности у Рахманинова уделила В. Брянцева. Ее истоки она отмечает в слуховых впечатлениях детства композитора [Брянцева, 1976, с. 156–157], анализирует ее формирование в юношеских произведениях [Там же, с. 172], отмечает новизну факта интонационного цитирования звона [Брянцева, 1966, с. 159–161], констатирует ее проявления на протяжении всего его творчества как продолжение традиций русской классики, наконец, отмечает колокольность как важную черту стиля композитора [Там же, с. 46].

Ценные наблюдения высказали Н. Алексеев – об обращении к звонам как проявлению национального и как средству обогащения фортепианной палитры [Алексеев, 1954, с. 70, 72, 107, 180, 184], М. Арановский – о связи «набатности» с атмосферой кануна революции 1905 г. [Арановский, 1963, с. 30], Т. Бершадская – об отсутствии связи колокольного органного пункта с движущимися голосами [Бершадская, 2004, с. 113–114] (не до конца осмысленное наблюдение; факт объясняется особенностями трактовки устоя в жанре звона); И. Бэлза – о колокольности самой тональности Прелюдии До диэз минор [Бэлза, 1947, с. 31]; Б. Доброхотов – о мотиве звона в эскизах к «Эсмеральде» как одним из моментов, намечающих его дальнейший твор-

ческий путь [Доброхотов, 1947, с. 92]; Ю. Келдыш [Келдыш, 1973, с. 60] и А. Соловцов [Соловцов, 1969, с. 81–82] – о преемственной связи с кучкистами в воплощении звона; В. Протопопов – о роли вспомогательных звуков и гармоний в колокольных звучаниях [Протопопов, 1947, с. 143–144]. А. Кандинский включил мысль о колокольности как черте национального колорита в учебник по русской музыке для студентов училищ [Кандинский, 1985, с. 182] и как источнике тематизма и музыкально-психологической выразительности – в учебник для музыкальных вузов [История, 1960, с. 240]. И. Бэлза [Бэлза, 1947, с. 37] и Г. Коган [Коган, 1945] отмечают колокольность в исполнительской манере Рахманинова. Обобщающую работу написал А. С. Ярешко, но безвременная кончина не позволила ему продолжить исследование. В последнее время появилось несколько работ, посвященных колоколам в отдельных произведениях Рахманинова. Так, В. Любарский обратился к духовному концерту «В молитвах не усыпающую Богородицу» [Любарский, 2012], Н. Федоровская и А. Алябьева – к поэме «Колокола» [Федоровская, Алябьева, 2002], О. Генебарт – в Этюдах-картинах оп. 33. [Генебарт, 2022], Т. и К. Лазуткины рассматривают колокольность как выражение красоты [Лазуткин, Лазуткина, 2014]. Е. Хадеева изучает это явление у Рахманинова в ряду других русских композиторов [Хадеева, 2004].

К сожалению, некоторые исследователи неверно употребляют термины колокольного звона (трезвон, перезвон и др.), что объясняется отсутствием курса колокольного звона в программе обучения музыковедов, неточностью подобного рода терминологии, идущей от неизученности вопроса и разрозненности местных традиций данного вида искусства, а также наблюдавшейся до последнего времени полной изоляцией проблемы из области истории русской музыки. К сожалению, сейчас, когда информация об искусстве звона стала доступной, ситуация не улучшилась.

Как вспоминают очевидцы, на колокольный звон как на один из важных источников *его* слухового опыта указывает сам композитор [Бортникова, 1947, с. 43; Брянцева, 1966, с. 72–73, 101]. В этом плане ему очень повезло. В детстве – Новгород, Софийский собор: «Одно из самых дорогих для меня воспоминаний детства, – говорит впоследствии композитор, – связано с четырьмя нотами, вызвавшими большими колоколами Новгородского Софийского собора, которые я часто слышал, когда бабушка брала меня в город по праздничным дням. Звонари были артистами. Четыре ноты складывались во вновь и вновь повторяющуюся тему, четыре серебряные плачущие ноты, окруженные непрестанно меняющимся аккомпанементом. У меня с

ними всегда ассоциировалась мысль о слезах» [Брянцева, 1976, с. 157]. Не исключено, что маленький Сережа бывал и в Юрьевом монастыре, колокола которого, по воспоминаниям Е. Гиппиуса, тоже звучали необыкновенно своеобразно¹.

После Новгорода – Москва: «Если я в своих сочинениях с успехом заставил вибрировать колокола в лад человеческим эмоциям, то этим я во многом обязан тому, что значительная часть моей жизни была прожита среди звучания московских колоколов» [Там же, с. 101]. Незначительный, но символический факт: дедом композитора А. А. Рахманиновым был написан романс «Вечерний звон» (правда, задолго до рождения внука).

Попробуем подробнее проанализировать московские впечатления Рахманинова. Живя у Зверева на Арбате, он не мог не слышать звона кремлевских колоколов. А. Трубникова вспоминает, что композитор ходил слушать звоны Сретенского монастыря [Трубникова, 1961, с. 123]. Сохранилась докладная записка, составленная после обследования Сретенских колоколов, проведенного Е. Лебедевой в 1928 г., где она пишет: «Весь комплект больших колоколов и мелкого звона представляет редкий образец колокольного оркестра, на котором при виртуозной технике П. Ф. Гедике [звонарь, брат композитора А. Ф. Гедике – Л. Б., А. Т.] возможно разрабатывать любую музыкальную тему...»².

В своих «Воспоминаниях» композитор А. Ф. Гедике пишет, что звонами они с братом увлеклись еще в детстве, сами любили звонить на колокольне. Уже тогда Павел звонил на мелких колоколах, что было технически более трудной задачей³.

Об исполнительском мастерстве П. Ф. Гедике мы сейчас можем судить только по свидетельствам очевидцев, но высокое качество подбора доказать можно. Имеются две записи его звукоряда. Одна, видимо более ранняя, фиксирует двенадцать колоколов, вторая – двадцать четыре.

Сравнивая звукоряды, мы видим, что звонарь прежде всего заполнил отсутствовавший средний регистр. Наложив схематично обертоны низких колоколов на звукоряд подбора, мы увидим, что 1) обертоны нескольких, в том числе двух нижних колоколов, частично совпадают; 2) основные тона многих колоколов подбора совпадают по высоте с обертонами более низких колоколов (см. Пример 1).

¹ Из личной беседы с автором статьи.

² Российский национальный музей музыки (РНММ). Ф. 162. № 261.

³ РНММ, Ф. 47. № 884. Л. 34.

The musical score consists of four staves. Staves I, II, and III are for voices, each starting with a bass clef and a key signature of one flat (B-flat). Staff I has a treble clef for the right hand. Staff II has a treble clef for the right hand. Staff III has a treble clef for the right hand. The fourth staff is a basso continuo part, starting with a bass clef and a key signature of one flat. It includes a section labeled 'подбор' (selection) with various accidentals and a '+' sign above a note, indicating a specific selection or combination of notes.

Эти факты в искусстве звона являются свидетельством высокого качества и гармоничности всего подбора. Учитывая тот момент, что композитор А. Ф. Гедике был одним из близких друзей Рахманинова, трудно предположить, что последний не был знаком с его братом, звонарем, что они не вели разговоров о русских колоколах и звонах Сретенского монастыря.

Среди московских знакомых Рахманинова мы встречаем тех, кто интересовался звоном, внес свою лепту в его изучение. Это прежде всего И. Бунин, А. Кастальский, С. Смоленский, у которого Рахманинов слушал лекции по истории церковного пения, которому посвятил «Всенощное бдение» и работы которого по колокольному звону не мог не знать [Смоленский, 1899; 1907]. Известный историк русской музыки даже тон Синодальному хору, очень ценимому Рахманиновым, задавал по Успенскому колоколу колокольни Ивана Великого.

А. Кастальский не опубликовал трудов по звону, но его композиторское творчество и исследовательские рукописи свидетельствуют о глубоком интересе к проблеме⁵. Рахманинов говорил: «Я многому научился благодаря беседам с ним...» [Брянцева, 1976, с. 455]. Не исключено, что одним из предметов их бесед был колокольный звон.

Среди знакомых из круга других специальностей творческой интеллигенции следует отметить И. Бунина, оставившего поэтические описания звона в своем творчестве, и К. Станиславского. Последний особенно заинтересовался звоном в связи с подготовкой спектаклей «Царь Федор Иоаннович» и «Смерть Иоанна Грозного». Он специально ездил в Ростов Великий слушать знаменитые ростовские звоны, ввел

⁴ «Белыми» нотами обозначены основные тона колоколов, а «черными» – обертоны.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 999. Оп. 1; РНММ. Ф.162. № 104. Л. 1-5, 7.

колокола не только в указанных, но и в других спектаклях МХАТа в качестве важного компонента музыкального оформления [Режиссерские экземпляры, 1980; Изралевский, 1965, с. 51–52]. Рахманинов не только был знаком с режиссером, но и поддерживал тесный контакт с труппой театра, бывал на его спектаклях. Естественно, он не мог не быть в курсе исканий коллектива в этой области.

Главное же – Рахманинов застал знатоков звона старшего поколения: Римского-Корсакова, советовавшего ему, как лучше использовать колокольный звон в Первой сюите [Воспоминания, 1957, т. 2, с. 237], Стасова, горячо пропагандировавшего колокольный звон, как и все самобытное в русском искусстве. Маститый критик оказывал постоянную поддержку исследователю ростовских звонов протоиерею А. Израилеву и написал предисловие к его брошюре [Израилев, 1884], советовал Балакиреву записывать колокольные звоны [Балакирев, Стасов, 1935, с. 77–78, 136].

Вся предреволюционная общественная обстановка в России рубежа веков способствовала пробуждению интереса к колокольному звону как фактору русской истории, русской музыки, древнему символу свободы. Кроме упомянутых работ по этому вопросу, выходит книга С. Рыбакова [Рыбаков, 1896], издается и переиздается труд Н. Оловянишникова [Оловянишников, 1912].

Правда, как и в любом деле, интерес порождает и просто моду. Нотные издания этой поры буквально пестрят галопами, кадрилиями и прочими салонными пьесами на колокольную тему [Полный каталог, 1911; 1911/12]. Но все эти пьесы прочно забыты, как и их авторы, а звоны Рахманинова все больше привлекают внимание слушателей. В роли самостоятельных образов колокольные звучания в творчестве Рахманинова выступают не часто. (Произведения, основное содержание которых исчерпывается изображением звона, чисто колористические, вообще не так часто встречаются в музыкальной литературе: этюд «Трезвон» ор. 11, № 3 Ляпунова, сюита «Звоны» ор. 40 Блуменфельда.) В большинстве же случаев колокольные звоны несут важную смысловую или драматургическую нагрузку. У русских классиков они подчеркивали драматургически важные моменты в развитии действия (например, «Борис Годунов» Мусоргского), служили символом Родины в героико-патриотическом («Псковитянка» Римского-Корсакова, «1000 лет» Балакирева и т. п.) или лирическом плане (романсы Вас. Калинникова и А. Егорова с одинаковым названием «Колокола»), усиливали момент наивысшего торжества (эпilog «Ивана Сусанина» Глинки). По сравнению с предшественниками, у Рахманинова на

первое место выдвигаются колокольные звучания как символ Родины, национального, который он использует, может быть, не реже, чем народный мелос. Как самостоятельный образ и жанровая основа колокола в финале Первой сюиты⁶ служат средством выражения ликования и торжества, а в поэме-кантате «Колокола» они заимствованы у Э. По. Правда, у Рахманинова образы значительно переосмыслены. Зародившись в поэме Э. По, символистская трактовка образов колоколов⁷ получила продолжение в весьма разных областях творчества (сравним романы Роденбаха и психологическую поэму-кантату Рахманинова, где символистские образы значительно «обрусели», драматизировались). Есть случаи, когда колокольные звучания используются Рахманиновым как составная часть образа (Этюд-картина ор. 33, № 4).

При воплощении колокольных звонов следует различать моменты, с одной стороны, прямого воспроизведения звона, и с другой – сознательного и подсознательного ассоциативного воспроизведения. Ведь кроме тех случаев, когда композитор воспроизводил звучание колоколов, существует бесчисленное множество проявлений колокольности, выступающих не прямым подражанием звонам, а например, ассоциирующихся с мерной раскачкой языка колокола, движениями звонаря. Видимо, подобные случаи не всегда осознавались композитором и отличаются от подражаний так же, как, допустим, народная мелодика «Сусанина» от разработки подлинных русских песен в «Камаринской».

В области мелодики существует два основных мелодико-ритмических проявления колокольности, которые условно можно назвать колокольными попевками и мелодиями-ассоциациями. Под первыми следует понимать двух-четырёхзвучные ритмоинтонации, воспроизводящие типичные попевки высоких и средних колоколов. Для них характерно тождество первого и третьего или второго и четвертого звуков (конец Этюда-картины ор. 33, № 7, начало I части «Колоколов», финал Первой сюиты; изобилует ими финал Третьей симфонии; эпизод звона в Этюде-картине ор. 39, № 7 – более сложный вариант).

Четырёхзвучная схема попевки не является обязательной, возможны и шестизвучные (см. мотив трубы из I части «Колоколов» 4, т. 3), тождества звуков тоже может и не быть.

⁶ Несмотря на то что III часть сюиты тоже базируется на звучании новгородских колоколов, образом они там не становятся.

⁷ Об этом случае см. далее. Не следует путать с богатой символикой колокола, не имеющей отношения к символизму как течению в искусстве.

На интонациях колокольных попевок строится главная партия первой симфонии (см. Пример 2)

Пример 2

В процессе развития, вычлняясь, эти попевки звучат в чистом виде, образуя эпизод звона (8–10), но не с целью прямого подражания, как у Мусоргского, а как этап тематической работы.

При сознательном изображении звона используются несколько рядов колокольных попевок, вертикально наложенных, что является типичным для фактуры звонов (финал Первой сюиты).

Мелодии-ассоциации не имеют ничего общего с попевками, характерными для искусства звона и постоянно раздававшимися с колоколни, а лишь вызывают в представлении движения звонаря раскачку как чередование поступательного движения с возвратным при равномерной или увеличивающейся амплитуде. Ассоциация создается размеренностью, неоднократным возвращением к одному и тому же звуку, чередованием небольших отрезков восходящей и нисходящей направленности, последовательным расширением интервалов. Она ощутима лишь тогда, когда особенности интонационного строения мелодии находятся в соответствии с метроритмическими проявлениями колокольности. К таковым относятся двудольность, являющаяся с ассоциативной точки зрения следствием четности движений звонаря и языка колокола; а также ритмическое или динамическое подчеркивание сильной и относительно сильной доли.

Мелодическая раскачка может быть связана не только с движениями звонаря, но и, по-видимому, прежде всего – с целым рядом подобных трудовых движений вообще. Однако в произведениях композиторов XIX в. этот вид мелодики был, несомненно, переосмыслен именно в связи с колокольной раскачкой благодаря тому, что звон стал в более значительной степени занимать умы людей вследствие накопления весомых ценностей в этой области музыкального искусства, да и сами колокола, доведенные до степени совершенства как произведения художественного литья, привлекли к себе больше внимания.

Мелодические обороты, ассоциирующиеся с равномерными колебаниями, более характерны для лирических и эпических образов

(тема средней части Прелюдии соль минор, тема II части «Колоколов»), в то время как мелодии, связывающиеся в восприятии с накоплением и последующей реализацией энергии в процессе раскочки, – для образов активных, действительных (главные партии Второго и Третьего концертов). В этом плане интересно сравнить тему II части «Колоколов» (см. Пример 3), особенно в хоровом варианте, и тему главной партии I части Второго концерта. Обе они основаны на секундовой интонации, но в первом случае спокойный и величественный характер придает музыке не только медленный темп и нисходящая секунда, но и двудольная трактовка трехдольного размера, что вообще характерно для моментов, связанных с колокольностью (Этюд-картина ор. 39, № 3, заключительные такты Серенады). Во втором же случае четырехдольный такт теряет размеренность, трактован очень импульсивно; тема ассоциируется со звоном в один край незакрепленным языком, что выражается соотношением длительностей и акцентированием сильной доли. Интересно, что характер раскочки был найден в этой теме композитором сразу, и этой стороны черновая работа автора не коснулась, что видно из предварительных эскизов темы.

Пример 3

The musical score for Example 3 is written for a chamber ensemble. It consists of five systems of staves:

- System 1:** 2 Cl(B) and Cl basso (B). Both parts play a melodic line with a descending second interval, marked with *sf* (sforzando).
- System 2:** Cor(F) and Arpa. The Cor(F) part has a melodic line with a descending second interval, marked with *p* (piano) and *cresc.* (crescendo). The Arpa part has a rhythmic accompaniment with a descending second interval, marked with *sf* and *pizz.* (pizzicato).
- System 3:** Archi (Violins and Cellos/Double Basses). The Violins play a melodic line with a descending second interval, marked with *sf* and *pizz.*. The Cellos/Double Basses play a rhythmic accompaniment with a descending second interval, marked with *p* and *poco a poco cresc.*
- System 4:** Archi (Violins and Cellos/Double Basses). The Violins play a melodic line with a descending second interval, marked with *sf* and *pizz.*. The Cellos/Double Basses play a rhythmic accompaniment with a descending second interval, marked with *sf* and *pizz.*.

The tempo is marked *Lento*. The key signature is one sharp (F#). The time signature is 3/4.

Соловцов отмечал, что тема Второго концерта воспринимается как глубоко национальная, хотя в ней нет прямого сходства с русскими песнями [Соловцов, 1969, с. 103]. Национальную окраску в данном случае придает не народный мелос, а колокольность; в частности – прием мелодической ассоциации с раскачкой.

Убедительным доказательством колокольной природы мелодий-ассоциаций служит основная тема II части «Колоколов». Партия альты, основанная на упомянутом мотиве трубы из первой части, представляющем собой колокольную попевку, является ассоциативным воспроизведением звона, причем ассоциация здесь сознательная. Последний факт подчеркнут тем, что воспроизведение раскачивающегося движения подкреплено аккордами, воспроизводящими звучание колоколов (см. Пример 3). Итак, в этом случае музыка создает представление о звоне не только путем подражания его звучанию (гармония), но и посредством изображения движения, рождающего это звучание (мелодическая линия).

Чрезвычайно богаты мелодическими раскачками рахманиновские симфонии и концерты. При всем различии образного содержания тем главных партий Второго и Третьего концертов в их строении и развитии наблюдается общий принцип раскачки. Причем, если само слово «раскачка» ближе импульсивной теме Второго концерта, которая четко ассоциируется с накоплением энергии (своего рода апофеоз самого процесса преодоления), то для темы Третьего концерта больше подходит слово «качание» (вспомним, что двухтактовое оркестровое вступление – это тоже качание, правда, гармоническое – T-D). Однако в обоих случаях в процессе дальнейшего изложения тем происходит, если воспользоваться ассоциациями физики, возрастание амплитуды колебания с последующим возвращением к исходному звуку.

Безусловно, нельзя все раскачивания, в том числе весьма распространенные у Рахманинова – секундовые, относить к проявлениям колокольности: они очень характерны и для древнерусских мелодий. Здесь достойна рассмотрения тема взаимосвязи и взаимовлияния звона и старинной русской музыки других жанров, что не входит в задачи статьи. Во всяком случае ясно, что развивались они не изолированно, как и в случае с народной песней.

Колокольные попевки и мелодии-ассоциации не всегда четко разграничены и обособлены друг от друга. Нередко эти проявления колокольности выступают совместно или переходят друг в друга. Вспомним описанный случай интонационных истоков темы II части «Колоколов» (мелодия-ассоциация) из мотива трубы I части (колокольная попевка). Интересны случаи, когда попевки звучат в соединении с мелодиями-

ассоциациями, имеющими с ними общее происхождение и интонационное родство (как в начале II части «Колоколов»). Последовательное их соединение можно услышать в конце той же II части (см. Пример 4).

Пример 4

51

pp К свадь - бе зов свя - той, зо - ло -

pp *p*

pp *p*

pp *p*

pp *p*

pp *p*

pp той. Слы - шись к свадь - бе зов свя

pp *pp* *pp*

Мелодии-ассоциации и колокольные попевки могут как бы переходить друг в друга, сохраняя свойства обоих видов мелодико-ритмических колокольностей, могут без четких границ переходить в построения, интонационно не имеющие ничего общего со звоном, органично вплетаться в ткань произведения. Такими моментами изобилуют «Колокола», и вообще, они очень типичны для творчества Рахманинова, в отличие от его предшественников, для которых характерна обособленность, замкнутость эпизодов звона.

Прямое и ассоциативное воспроизведение звона, воплощающееся в мелодико-ритмической сфере соответственно в колокольных попевках и мелодиях-ассоциациях, аналогично происходит и с помощью иных выразительных средств. Так, в области фактуры возможно подражание полифоническим рядам звона (финал Первой сюиты), неоднократная смена регистров, ассоциирующаяся с раскачивающимся движением (Прелюдия до-диез минор; заключительный такт Прелюдии ор. 23, № 2; начало Этюда-картины ор. 39, № 9; Первый концерт, ч. 1, т. 9–12; Элегическое трио, ч. III, [31](#)). Фактура имеет для Рахманинова огромное значение в достижении эффекта колокольности-

сти. Зачастую, используя типичные аккорды классической гармонии, он необычным их расположением и распределением в фактуре достигает очень своеобразных эффектов. Так, в начале Прелюдии до-диез минор только распределением звуков обычных трезвучий между правой и левой руками пианиста Рахманинов вызвучивает в них кварто-квинтовые комплексы, характерные для звонов (см. Пример 5).

Пример 5

Аналогичный случай можем найти в до-минорном эпизоде звона из Этюда-картины ор. 39, № 7 (т. 6–7). Еще один интересный случай раскочки в фактуре можно найти в финале Первой сонаты (см. Пример 6). Здесь, если можно так выразиться, раскочка двойная: секундовая – на слабых долях в среднем регистре и септимовая – на сильной и относительно сильной долях в басу.

Пример 6

Своеобразием фактуры достигается и другой эффект колокольности у Рахманинова. Нередко фрагменты его фортепианной музыки сравнивают с гудящим колоколом. «Гудение», «гул» в музыке – не термины, а метафоры, рожденные ассоциацией слушателя. Реальная основа этих метафор в некоторых особенностях рахманиновских пассажей: повторении звука не только на разных долях такта, но и на разных, если так можно выразиться, единицах пульсации в доле; помещении опорного звука, основного тона аккорда, не на сильной доле, а среди мелких длительностей. При наличии педали мы слышим неравномерное возобновление некоего звука, какое-то время сохра-

няющего звучание, но вытесняемого родственными ему. Это напоминает эффект изменения звучания колокола во времени, описанный Гарбузовым [Музыкальная акустика, 1940, с. 56], когда на протяжении звучания преобладающим по силе оказывается то один, то другой обертон.

Показателен в этом плане Музыкальный момент ор. 16, № 4 (см. Пример 7)

Пример 7

Presto ♩=104

Тонический звук, не считая сильной и относительно сильной доли, появляется здесь на шестой, второй и четвертой шестнадцатой. Появляющийся после него терцовый звук мы слышим на третьей, пятой, первой и четвертой шестнадцатых. Во второй половине такта эти же места занимает нижняя терция (звук до-диез). Учитывая быстрый темп, когда слушатель не осознает перемещения отдельных звуков, мы получаем впечатление гудения, то есть изменяющегося во времени некоего звучащего комплекса.

В Этюде-картине ор. 33, № 2 эффект «гудения» создается за счет помещения нижнего звука основной оstinатной ритмоинтонации, приобретающего значение органного пункта, на слабой доле (см. Пример 8).

Пример 8

Allegro

Здесь тоже можно найти аналогию в акустике колокола, высота основного тона которого значительно завуалирована обертонами, в отличие от так называемого в курсе элементарной теории музыкального звука.

Еще один акустический эффект можно услышать во II части Элегического трио [23]: после двухкратных колокольных ударов фортепиано в паузе продолжают звучать выдержанные тоны скрипки и виолончели как остаточное гудение колокола. Видимо, в области фактуры частично лежит и замеченная Асафьевым у Рахманинова связь колокольности с «атмосферностью», «далями». Звук колокола по сравнению с большинством других звуков музыки имеет большую амплитуду колебания, а значит, вызывает большие сотрясения воздуха. Для фортепианных произведений Рахманинова типично изложение темы в аккордовой фактуре правой руки на фоне бурных пассажей левой с глубокими басами (средняя часть Прелюдии соль минор). В то же время чрезвычайно привычно для нас изложение мелодии в высоком регистре (часто в октаву) на фоне гармонии в низком или среднем регистре, но отделенной от мелодии «воздушной прослойкой», часто даже за счет тембра и динамики, а не регистра, что имеет обоснование в физической природе звука как органичного комплекса обертонов. В рахманиновской же фактуре «вся основа колеблется», а аккорды высокого регистра – как бы основание других звуков, не слышимых из-за дальности расстояний.

Другая причина впечатления «атмосферы» – обилие в колокольных звучаниях Рахманинова квинт и кварт (средняя часть Элегии, Прелюдия ор. 32, № 12), столь типичных для звонов, в то время как для нашего слуха «наполненность» звучания ассоциируется с терцией, а «пустота», «воздух» – именно с этими интервалами.

Отмеченная В. Берковым склонность Рахманинова к «утверждению отдельных оборотов путем многократного повторения» [Берков, 1960, с. 109] тоже идет от звона, повторения мотива в нем – важнейшее средство развития, типичное для любого орнамента.

Еще одна сторона рахманиновской колокольности – органнне пункты. Они у него, как правило, повторяющиеся, часто акцентированные, как звучание басового колокола (Прелюдия ор. 23, № 7, романс «У врат обители святой»). Глубокие басы, умелое использование ударной природы фортепиано тоже служит достижению эффекта колокольности (Прелюдии ор. 23, № 2; ор. 32, № 10). Нередко композитор с колокольной ударностью звукоизвлечения излагает перво-

начально лирическую тему (главная партия I части Первого концерта в кадении).

Прямые воспроизведения колокольного звона «работают» только в определенном регистре. Это связано с тем, что выразительные возможности подбора колоколов в разных регистрах очень своеобразны. Так, описанные колокольные попевки мы воспринимаем как таковые только в высоком и среднем регистре, причем чем быстрее темп, тем выше регистр. Связано это с тем, что на более низких колоколах они неисполнимы из-за большого веса источника звука, несоизмеримого с силами звонаря. На самых низких колоколах их вообще нельзя исполнить из-за того, что движение языка не может быть быстрее определенной скорости, согласно физическим законам.

В творчестве Рахманинова мы сталкиваемся с уникальным явлением, не характерным для композиторов, обращавшихся к звону, – интонационным заимствованием мотива колокольной попевки новгородских колоколов и использованием его не в качестве самого себя, а для обрисовки совершенно нового образа (слез, горя), о чем говорилось ранее. По поводу этого случая сам композитор пишет: «Для третьей части [Первой сюиты. – Л. Б., А. Т.], которой предпослано стихотворение Тютчева “Слезы”, я тотчас нашел идеальную тему – мне вновь запел колокол Новгородского собора. В моей опере “Скупой рыцарь” я использовал ту же самую тему для выражения слезной мольбы несчастной вдовы...» [Брянцева, 1966, с. 72–73]. Необычность такого цитирования в том, что, как правило, композиторы заимствовали из звона ритм, фактуру, гармонию, поскольку мелодическое начало не относилось к главным выразительным средствам этого искусства и было само по себе не богато. Численно ограниченный, очень широкого диапазона подбор колоколов группировался по регистрам в ряды созвучий и попевок [Гиппиус, 1966, с. 16], и для протяженной мелодической линии мелких зазвонных и средних колоколов было слишком мало.

В композиционном плане у Рахманинова типичны эпизоды звона во вступлениях, переходах, преддыктах, реже – заключениях. Истоки этого в самом жанре колокольного звона. Там он тоже часто служил вступлением – подготавливал какое-либо значительное действие: богослужение, вече, тушение пожара, встречу или проводы войска. В православной службе он также отмечал наиболее важные моменты

и выстраивал завершение. Таково, например, вступление ко Второму концерту, Этюду-картине ор. 39, № 9.

В своем творчестве Рахманинов обращался к разным видам звона. В Этюдах-картинах ор. 33, № 6 и ор. 39, № 7 это похоронный перезвон с четко выраженной нисходящей направленностью, в I части «Колоколов» – звон поддужных колокольчиков, кстати сказать, не вдохновлявший русских классиков, несмотря на его богатую символику в ямщицких песнях. Большой же частью Рахманинов сплавлял черты разных видов звона, обобщая и стилизуя их. Это, однако, не должно давать повод некоторым музыковедам писать про отдельные моменты звона в его творчестве: «праздничный, торжественный перезвон», «набатный перезвон», что просто безграмотно, поскольку праздничным был трезвон, а набат – отдельный вид звона.

Как видно из большинства приводимых примеров, прямолинейная имитация звонов у композитора встречается не часто, но колокольностью пронизано буквально все его творчество. Совсем не обязательно, чтобы Рахманинов обращался к теме или образу звона, хотя бы в самостоятельном эпизоде. Например, в коде Русской рапсодии в колокольной фактуре изложена только партия второго фортепиано, во второй сонате – только левой руки, тогда как партия правой не имеет отношения к звону (см. Пример 9). Иногда приходится говорить уже не об эпизодах, а буквально о моментах звона (заключительные такты Второй сонаты, I часть Первого концерта, т. 14). Отдельные элементы колокольности могут появиться, видимо, совершенно бессознательно в произведениях, в которых их трудно ожидать, например, глубокий гудящий бас в Элегии ор. 3, № 1. В данной связи показательным одно из ранних колокольных произведений композитора – юношеский Гавот, на который обратила внимание В. Брянцева [Брянцева, 1966, с. 48]. От французского танца здесь мало что осталось. Уже пятидольный размер не имеет к нему никакого отношения. Но интересно, что этот типичный русский размер, совершенно не характерный для колокольного звона, в данном контексте ощущению его не препятствует. Интересно также, что гавот произошел из второй части бранля (в переводе с французского – качание); есть даже бранль «Колокольный звон». Так что здесь очень сложное перенесение жанровых истоков на типично русскую почву.

The image shows a musical score for Example 9, consisting of two systems. The first system includes a piano part (left hand and right hand) and a violin part. The piano part features a right-hand melody with triplets and a left-hand accompaniment of chords. The violin part has a melodic line with accents. The second system shows a continuation of the piano part with a right-hand melodic line and a left-hand accompaniment. The score includes dynamic markings such as *poco a poco cresc.*, *m.s.*, and *mf*, as well as articulation marks like accents and slurs.

Этап органичного внедрения колокольности в музыкальную ткань – знамение времени; на рубеже веков в русской музыке он связан не только с творчеством Рахманинова. У кучкистов было, если можно так выразиться, преимущественно «цитатное» использование звона. Следующий этап типичен для более позднего и глубокого освоения любого пласта новых звучаний. Так было с русской песней в XIX в., так же было со звучаниями эпохи научно-технической революции в XX в.

Колокольный звон постоянно претворяется в творчестве советских, постсоветских и современных зарубежных композиторов. Особенно возросло число таких произведений во второй половине XX в. Временами это производит впечатление просто моды. Но в основе явления лежат более глубокие причины: память поколений, стремление осмыслить свою историю, освоить новые (уже другие, нежели у классиков) колористические звучания, использовать новую общественно-политическую символику колокола. Углубление и возрастание роли общественно-политической символики колокола в советской музыке – еще один этап эволюции колокольности в истории музыки, но это уже предмет отдельного разговора. Рахманиновские колокольные традиции отмечены у Прокофьева Л. Гаккелем [Гаккель, 1960, с. 20]. О пьесе В. Казанджиева «Триумф колоколов» Собора Александра Невского» Н. Толстых пишет: «Музыкальным прообразом пьесы в не малой мере стали колокольные мотивы русской фортепианной музы-

ки у Мусоргского, Рахманинова, Бородина. С другой стороны, не следует забывать, что собор Александра Невского был выстроен в центре Софии во славу русского оружия, русско-болгарского боевого братства и совместной борьбы против турецких поработителей. В звоне колоколов – вечное напоминание об этом» [Толстых, 1982].

Литература

- Алексеев А. Д.** С. В. Рахманинов : жизнь и творческая деятельность. М.: Музгиз, 1954. 240 с.
- Арановский М. Г.** Этюды-картины Рахманинова. М.: Музгиз, 1963. 40 с.
- Асафьев Б. В.** С. В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове. М., 1961. Т. 2. С. 345–374.
- Балакирев М. А., Стасов В. В.** Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / предисл. и комментарии В. Каренина; вступ. статья Г. Л. Киселева. М.: Музгиз, 1935. XXXVIII, [1], 276 с.
- Берков В. О.** Рахманиновская гармония // Советская музыка. 1960. № 8. С. 104–109.
- Бершадская Т. С.** О гармонии Рахманинова // Статьи разных лет : сб. ст. СПб.: Союз художников, 2004. С. 90–117.
- Бортникова Е. С.** В. Рахманинов: жизнь и творчество в документах и материалах. 1873–1917 гг. // Рахманинов С. В. Сборник статей и материалов / под ред. Т. Э. Цытович. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 41–74.
- Брянцева В. Н.** С. В. Рахманинов. М.: Советский композитор, 1976. 644 с.
- Брянцева В. Н.** Фортепианные пьесы Рахманинова. М.: Музыка, 1966. 205 с.
- Бэлза И. С.** С. В. Рахманинов и русская музыкальная культура // С. В. Рахманинов: сборник статей и материалов / под ред. Т. Э. Цытович. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 7–40.
- Воспоминания о Рахманинове / сост., ред., примеч. и предисл. З. Апетян ; Гб. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки: в 2 т. М., 1957.
- Гаккель Л. Е.** Фортепьянное творчество С. С. Прокофьева. М.: Музгиз, 1960. 172 с.
- Генебарт О. В.** Семантический спектр преломлений колокольности в языке и структуре этюдов-картин ор. 33 С. В. Рахманинова // ИКОНИ: Искусство. Культура. Образование. Научные исследования. 2022. № 2 (14). С. 91–100.
- Гиппиус Е. В.** Ростовские колокола и звоны // Музыкальная жизнь. 1966. № 18. С. 15–17.
- Доброхотов Б. В.** Оперные замыслы С. В. Рахманинова // С. В. Рахманинов: сборник статей и материалов / под ред. Т. Э. Цытович. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 89–106.
- Израилов А., прот.** Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. 24 с.
- Изралевский Б. Л.** Музыка в спектаклях Московского художественного театра: записки дирижера / предисл. Ю. Шапорина. М.: Всерос. театр. о-во, 1965. 314 с.

- История русской музыки в 3 т.: учебник для исполнительских факультетов консерваторий. М.: Музгиз, 1957–1960. Т. 3 / авт. глав: И. В. Абезгауз, Л. В. Данилевич, Е.А. Добрынина. 1960. 333 с.
- Кандинский А. И.** С. В. Рахманинов // Русская музыкальная литература. Л.: Музыка, 1985. Вып. 4. С. 181–240.
- Келдыш Ю. В.** Рахманинов и его время. М.: Музыка, 1973. 432 с.
- Коган Г.** Рахманинов-пианист // Советская музыка. 1945. Сб. 4. С. 58–79.
- Лазуткина Т. В., Лазуткин Н. К.** Колокольность как выражение красоты в музыке Рахманинова // Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: история, филология, философия, искусствоведение, культурология: Сборник трудов VI Междунар. дистанционной научно-практической конференции. Под общ. ред. доцента О. П. Чигишевой. Ростов-на-Дону. 2014. С. 16–21.
- Любарский В. К.** Русские колокольные звоны и их отражение в духовно-хоровых сочинениях С. В. Рахманинова на примере концерта «В молитвах неусыпающую Богородицу» // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 256–262.
- Музыкальная акустика / под ред. Н. А. Гарбузова. М.; Л.: Музгиз, 1940. 246 с.
- Оловянишников Н. И.** История, колоколов и колоколотейное дело на заводе товарищества П. И. Оловянишникова с-вья. 2-е изд., доп.: История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. 435 с., 14 л. илл.
- Полный каталог музыкальных сочинений, изданных в России. СПб.: Рус. о-во издателей муз. произведений и торговцев нотами и муз. инструментами, 1911. Вып. 1: 1908/12–1911/12. [2], 54 с.
- Полный каталог музыкальных сочинений, изданных в России. [СПб.], 1911/12. Вып. 2: отдел для одного фортепиано в 2 руки / с предисл. А. Сук. [4], 432 с.
- Протопопов В. В.** Позднее симфоническое творчество С. В. Рахманинова // С. В. Рахманинов: сборник статей и материалов / под ред. Т. Э. Цытович. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 130–154.
- Режиссерские экземпляры К. С. Станиславского. М.: Искусство, 1980. Т. 1. 1898–1899: Пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». «Смерть Иоанна Грозного». 479 с.
- Рыбаков С. Г.** Церковный звон в России. СПб.: печ. Е. Евдокимова, 1896. 71 с.
- Смоленский С. В.** Красный звон: из письма [С. В. Смоленского С. А. Рачинскому] // Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1899. С. 257–259.
- Смоленский С. В.** О колокольном звоне в России. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1907. 26 с.
- Соловцов А. А.** С. В. Рахманинов. 2-е изд., доп. М.: Музыка, 1969. 174 с.
- Толстых Н.** Дни болгарской культуры в СССР // Советская музыка. 1982. № 11. С. 130.
- Трубникова А. А.** Сергей Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове / сост. З. Апетян. М., 1961. Т. 1. С. 123–156.

Федоровская Н. А., Алябьева, А. Г. С. В. Рахманинов. Поэма «Колокола»: к проблеме воплощения «колокольности» // Культура Дальнего Востока и стран АТР: Восток-Запад. Вып. 8. Материалы научной конференции 2001 г. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2002. С. 178–183.

Хадеева Е. Н. Колокольная образность в русском музыкальном искусстве XIX – начала XX века: дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2004. 181 с.

**Larisa D. Blagoveshchenskaya¹,
Alexey V. Talashkin²**

*Siberian Center for Bell Art
Novosibirsk, Russian Federation*

BELL-LIKE SOUND IS A FEATURE OF S. V. RACHMANINOV'S ARTISTIC STYLE

Abstract: Rachmaninoff is one of those composers whose works show the influence of the ringing of bells on a grand scale. This is not only the “Bells” “lying on the surface”, but incorporation of the most prosperous tradition of the bell ringing. Despite this, there is no comprehensive work dedicated to this topic. The Russian historiography of this problem consists of sporadic and digressed observations in academic papers on entirely different issues or limited conclusions from the analyses focused on the single Rachmaninov’s work. Moreover, these publications often have errors, indicating that the authors are unfamiliar with the art of the bell ringing. The article presents an overview of the role of the bell ringing in the entire legacy of S. V. Rachmaninov and highlights significant issues related to this topic, which are worth independent research.

Keywords: *Rachmaninov, bells, melodies-associations, harmony, texture.*

Acknowledgments: The authors are grateful to the composer, trainee assistant of the Moscow State Conservatory named after P. I. Tchaikovsky (Moscow) Perov Alexander Gennadievich and candidate of art history, senior researcher at the Russian Institute of Art History Nikanorov Alexander Borisovich (St. Petersburg).

DOI 10.25205/978-5-6049863-7-0-174-194

Виктория Евгеньевна Беленко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
v.belenko@g.nsu.ru*

**НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И НАУЧНЫЕ КОММУНИКАТОРЫ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЯ
ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Аннотация: Научные коммуникации, в отличие от академических, – целенаправленные действия, направленные на передачу научных знаний, результатов исследований аудитории, которую составляют специалисты в этой научной области. Российские научные коммуникации концептуализировались под сильным влиянием международной традиции, «диффузионистской» концепции об основных акторах, каналах и процессах в этой деятельности, также идеи общественного понимания науки.

В статье рассмотрены этапы развития научных коммуникаций в России в последние пятьдесят лет. Подробно рассматривается самый значимый из них – период 2013–2021 гг. Охарактеризовано состояние научных коммуникаций в его начале и успехи, достигнутые к его окончанию.

Поскольку эта профессиональная область наиболее значимым образом стала выкристаллизовываться вокруг мероприятий, проводившихся Ассоциацией коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН), проведенные интервью с ее учредителями и членами правления позволили выяснить, какие основные смыслы легли в основание «научных коммуникаций» в нашей стране, и почему были отвергнуты иные, возможно, более привычные для русского языка понятия, типа «популяризация науки» и «научная журналистика».

Ключевые слова: научные коммуникации, общественное понимание науки, научный коммуникатор.

В российской исследовательской литературе под научными коммуникациями понимаются два различных явления. Во-первых, «сово-

купность видов профессионального общения в научном сообществе, один из главных механизмов развития науки, способа осуществления взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов» [Философия науки, 2004]. По мнению тех, кто полагает, что научные коммуникации описывают взаимодействие в научном сообществе [Лихачев, 2018; Савченко, 2017; Замошанский и др., 2016; Балыхин, Косычева, 2020; Шибаршина, 2019; Тихонова, Раицкая, 2021; и др.], «в настоящее время единственным инструментом популяризации результатов научных исследований и признаком их открытости для международного сообщества является индексация соответствующих статей в международных базах данных» [Иванова, Тивьяева, Евсина, 2013, с. 585].

Вторая трактовка, которой придерживается и автор статьи, напротив, противопоставляет научные коммуникации академическим. «Мы определяем научную коммуникацию как организованные, явные и целенаправленные действия, направленные на передачу научных знаний, методологии, процессов или практик в условиях, когда неученые (nonscientists) являются значимой частью аудитории» (перевод автора) [The handbook of science, 2017, p. 883]. Или: научные коммуникации – это «движение научных идей от ученого через научное сообщество в массовое сознание» [Медведева, Литвак, 2017, с. 29]. Для таких исследователей научные коммуникации стали следствием развития взаимопонимания между учеными и теми, кто представителями научного сообщества не является [Burns, 2003; Handbook of public communication, 2008; Шипман, 2015; Сафонова, 2018; Broks, 2020; Сидорова, 2022].

В статьях встречаются также понятия внутренние и внешние научные коммуникации [Дивеева, 2014, с. 33]. А также варианты, когда коммуникации внутри научной среды и с широкой общественностью видятся как разные этапы развития научных идей: от этапа ученого до этапа художественного творчества через, в том числе, этапы научного сообщества и популяризации науки [Медведева, 2014, с. 278].

Научные коммуникации и общественное понимание науки

Вообще, общественное понимание науки (public understanding of science) дало мощный толчок для привлечения внимания к этой деятельности и вычленения этого профессионального поля, развития связанных с ним образовательных программ, учебных пособий и т. п. Поле естественных наук, проникая в поле журналистики (в терминологии П. Бурдье, озвученной им на лекциях, прочитанных в Коллеж

де Франс в 1995–1996 годах, в частности [Бурдые, 2002, с. 130]), породило на пересечении новое профессиональное поле – научные коммуникации.

Причиной запроса на общественное понимание научной деятельности, в том числе и для государства, которое определяет приоритетность финансирования в различных областях знаний, стала сложность научного метаязыка, что привело к «непрозрачности» науки и даже способствовало постепенному вытеснению научного мировоззрения из социального контекста. Именно «научная коммуникация» используется как синоним для общественного понимания науки, научной культуры или научной грамотности [Burns, 2003, с. 183].

Большую роль (см., например, [Short, 2013]) в развитии этих идей сыграл «Бодмер репортр» («Bodmer report») – подготовленный инициативной группой Королевского общества Великобритании в 1985 г. доклад «The Public Understanding of Science», в котором обосновывается необходимость сделать работу ученых более прозрачной, открытой и подотчетной для государства и общественности. Это одно из первых в новейшей истории обращений ученых к главам правительств развитых стран и широкой общественности, конструктивно обосновывающее необходимость целенаправленного формирования у граждан научно ориентированных оснований мировоззрения [Головко, Рузанкина, Зиневич, 2014, с. 78].

Среди представленных рекомендаций множество тех, которые для России являются актуальными и спустя 35 лет после публикации этого доклада в Англии. Например: «В прошлом профессиональные ученые часто делегировали другим задачу информирования общественности о науке. В научном сообществе все еще существует стигматизация, связанная с участием в средствах массовой информации. Такое отношение неуместно. Учитывая важность общественного понимания науки и степень, в которой ученые должны быть демократически подотчетны тем, кто поддерживает их обучение и исследования за счет государственного налогообложения, очевидно, что часть профессиональной ответственности каждого ученого – содействие общественному пониманию науки. <...> Научное сообщество разделено на множество секторов, включая институты, научные общества, профессиональные исследовательские институты, университеты и их отделы, исследовательские советы, центральные и местные правительственные ведомства, частные фонды и благотворительные организации, а также промышленные и коммерческие организации. Каждый из этих секторов должен оценить свой потенциал для улучшения понимания

науки широкими слоями населения, например, путем проведения тренингов по коммуникации и взаимодействию со СМИ, организации лекций, демонстраций и научных конкурсов, проведения брифингов для журналистов, политиков и других лиц и в целом путем улучшения их связей с общественностью» (перевод автора) [Public understanding, 1985, с. 34].

ИДЕОЛОГИЯ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ

Озабоченность тем, что позитивное отношение, уважение и репутация науки должны стать предметом усилий, а не развиваются сами собой, стала возникать в зарубежных странах с 1970-х гг. [Handbook of public communication, 2008, с. 1]. Это привлекло в сферу популяризации науки специалистов с естественнонаучным бэкграундом. Стала активно развиваться такая специализация, как научная журналистика, также предполагавшая тогда наличие образования в области естественных наук. Однако в начале 2000-х гг. интерес к научной коммуникации расширился, а необходимость истоков такого рода образования в естественных науках ослабло [Там же, с. 3]. Это было как причиной, так и следствием растущей зрелости и рефлексивности научной коммуникации. В своем стремлении обособиться научная коммуникация стремилась определить себя как отдельную сферу деятельности. Ключевой дискуссионной площадкой тогда стала международная сеть Public Communication of Science & Technology (PCST), куда и сегодня входят люди со всего мира, занимающиеся научной журналистикой, научными музеями и центрами, академические исследователи, работающие с общественностью, сотрудники по связям с общественностью (PIOs – Public Information Officers) научных учреждений и др. PCST организует конференцию, объединяющую практиков, преподавателей и аналитиков в области научных коммуникаций.

Благодаря всей этой деятельности сформировалась своего рода идеология научных коммуникаций [Там же, с. 58], которая предполагает, что научные идеи проходят путь от внутриспециального (собственно научного) контекста изложения к упрощенному, популярному. При этом признается необходимость посредничества (mediation) между учеными и широкой общественностью, что в свою очередь порождает потребность в таких медиаторах и часто опирается на метафору перевода для описания этого посредничества.

Эта «диффузионистская» концепция («diffusionist» conception [Там же, с. 58]) предполагает, что научные факты нужно перенести только из специального контекста в популярный, и уходит корнями в профессиональные идеологии двух типов вовлеченных участников. Она узаконивает социальную и профессиональную роль «посредников» – популяризаторов, научных журналистов и коммуникаторов. Она также позволяет ученым объявлять себя посторонними в процессе публичной коммуникации, чтобы они могли свободно критиковать ошибки и перегибы – особенно с точки зрения искажений и сенсационности.

Таким образом, сложившаяся концепция научных коммуникаций, описанная в «Handbook of Public Communication» [2008], включает в себя представления: 1) о СМИ как канале, предназначенном для передачи научных идей, но часто неспособном выполнить эту задачу удовлетворительно из-за отсутствия компетенций и/или преобладания других приоритетов (например, коммерческих интересов); 2) об общественности, чье невежество может быть нейтрализовано соответствующим внедрением научной коммуникации; 3) о научной коммуникации как о линейном, одностороннем процессе, в котором исходные научные идеи и популярный дискурс разделены, и только первый влияет на второй; 4) о научном знании, которое может быть передано без существенных изменений из одного контекста в другой, так что можно взять научную идею или результат и донести его до широкой общественности.

Со временем идея научных коммуникаций дополнилась разными формами включения общественности в эти процессы, переводя «public understanding» в «public engagement». В пособии по общественным связям в науке и технологиях [Букки, Тренч, 2018, с. 305–326] отмечено множество форм возможного общественного участия: собрания общественности, опросы, дни открытых дверей, семинары, голосования, деятельность консультативных комиссий, гражданские жюри, учебные кружки и т. д. Различные культуры управления предполагают различные классификации форм общественного участия, с учетом вариантов коммуникативных площадок, формальных и неформальных практик, степени и этапов вовлечения общественности в науку ученых (от участия в вопросах целеполагания до экспертизы и даже участия в производстве знаний).

Так, на встрече Европейской ассоциации гражданских наук (ECSA) в 2016 г. акцент был сделан на том, как новые и традиционные способы работы граждан с учеными могут обеспечить преобразующий потенциал для усиления научно-политического и социального воз-

действия, научного прогресса, научной грамотности и расширения прав и возможностей в современных обществах [Волкова, 2019, с. 44]. Более подробно области знаний, в которых такое участие неспециалистов наиболее востребовано, можно посмотреть в статье R. Vonpey, T. Phillips, H. Ballard, J. Enck [2015], а как это осуществляется в России, можно увидеть на самой заметной «площадке», которая помогает осуществлять такого рода взаимодействия, – «Люди науки».

К 2020 г. в мире функционировало много международных и национальных организаций, объединяющих гражданских ученых. Крупнейшие из них – американская Citizen Science Association и европейская The European Citizen Science Association (ECSA), которая объединяет более 200 индивидуальных и организационных членов из более чем 28 стран по всему Европейскому союзу и за его пределами. Самая крупная система Citizen Science Global Partnership связывает все сети и структуры гражданской науки в США, Европе и Австралии. Эта сеть была организована в 2017 г. при поддержке ЮНЕСКО. Два специальных научных журнала публикуют статьи по темам гражданской науки: рецензируемый журнал *Citizen Science: Theory and Practice* и электронный *Citizen Science Magazine*. Многие серьезные научные организации объявляют о новых проектах в рамках гражданской науки, которые поддерживаются грантами компаний и организаций. Информацию о них можно найти на сайтах Science for Citizens, Zooniverse и SciStarter¹.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX–XXI В. В НАШЕЙ СТРАНЕ

Современное состояние научных коммуникаций в России было подготовлено рядом этапов развития, которые они прошли в последние полвека (см. подробнее гл. 30, посвященную России, написанную А. Борисовой и Д. Мальковым, одними из «родоначальников» развития научных коммуникаций в России именно как профессиональной области, для книги «Communicating science: a global perspective» [Broks, 2020]).

Этап до 1991 г. можно охарактеризовать как период массированного ликбеза и пропаганды научных знаний. Во второй половине существования Советского Союза флагманом этой деятельности было Общество «Знание». Так, в одном только 1976-м г. членами этого

¹ Гражданская наука: приглашаются все! // Наука из первых рук. 2020. № 5/6. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/435884/Grazhdanskaya_nauka_priglasheyutsya_vse (дата обращения 01.09.2023).

общества было прочитано 24 миллиона публичных лекций («Наука и жизнь», 1977, цит. по [Broks, 2020, p. 716]).

Десятилетие после распада СССР озаменовалось [Макарова, 2013, с. 15; Тертычный, 2016, с. 293] трансформацией общества, в том числе падением уровня покупательной способности аудитории, резким сокращением аудитории невероятно популярных в советское время научно-популярных журналов², а также резким сокращением расходов на науку, снижением престижа профессии ученого, всплеском проявлений мифологического сознания.

Первое десятилетие 2000-х гг. А. Борисова и Д. Мальков [Broks, 2020, p. 720–725] характеризуют как период «приватизации» научных коммуникаций, появления первых фондов, финансирующих перевод и публикацию в России научно-популярных книг, проведения научных фестивалей, публичных лекций, развития музеев. Научная тематика возвращается в общественно-политические, появляется в деловых СМИ.

Поскольку 2010-е гг. – это как раз период, когда научная коммуникация «и у нас в России становится не просто глобальным трендом, а необходимым компонентом для развития науки, которая, являясь социальным институтом, не может успешно функционировать без открытых внешних коммуникаций» [Неустроева, 2018, с. 9], зафиксируем состояние этой сферы накануне периода бурного развития и ее профессионализации, становления профессиональной идентичности ее специалистов. Приведем две цитаты из полуструктурированного интервью (подробнее о заданных вопросах см. ниже), иллюстрирующих состояние этой сферы в конце 2010-х гг.:

«В 2009-м году, когда я начинала работать как журналист, пишущий о науке, в научных организациях почти не было пресс-служб, а если и были, то они занимались во многом “паркетными” темами. И чтобы написать о работе, выполненной российскими учеными, надо было пройти какой-то дурной квест. Даже если нашел опубликованную научную статью, то потом надо найти correspondent author. Им оказывался академик, который тебе не отвечает. Готовы отвечать молодые сотрудники, но их еще не внесли на сайт института, и их невозможно разыскать. В общем, в конце 2000-х гг. значительная часть работы научного журналиста в России – это вот такое странное расследование. А хотелось бы, чтобы как во всем мире: public information officer сделал пресс-релиз, зафиксировал новостную часть. А научный журналист может уделить внимание истории, другим мнениям, деталям».

² Тираж «Наука и жизнь» в 1982 г. составлял 3 млн экземпляров, а в 1996-м – 41,5 тыс. [Никулина, 2017, с. 182].

«Когда я пришла преподавать английский язык в вуз в 2009 г, мне захотелось сделать небольшой сайт, блог, в котором рассказывалось бы о российских ученых. Для этого надо было посмотреть, как все это устроено, как работают пресс-службы в вузах. Я начала со своей. Позвонила, стала задавать вопросы, а расскажите, какие у вас интересные диссертации защищают. А там сидят бабушки, играет радио “Маяк”. И они мне: “Какой сайт? Вы кто? Про нас какую-то гадость написали?” В других вузах было примерно так же. А в 2016-м, когда я работала в “Русском Репортере”, чтобы взять интервью у классного ученого, мне надо было три звонка и четыре часа времени. Это огромная разница. Чтобы сделать очень классные пресс-службы, понадобилось очень мало времени. И в этом большая заслуга тех, кто объединял вокруг себя новых профессионалов».

Обратимся к исследованию коммуникационных практик научно-образовательных организаций РФ, выполненному Российской венчурной компанией и коммуникационным агентством SPN Communications [Исследование коммуникационных практик, 2014]. За 2013-й год из всех публикаций об образовательных и научных организациях в российских СМИ собственно науке и научным инновациям было посвящено около 6 % ([Там же, с. 9], здесь и далее страницы приводятся по краткой версии доклада). Ответы на вопрос: «Есть ли в вашей организации специалист или группа специалистов, занимающиеся внешними коммуникациями?», заданный участникам проекта «Коммуникационная лаборатория» (сюда вошли представители научных и образовательных организаций, институтов развития, компаний, инвестирующих в научно-исследовательские разработки и сотрудничающих с вузами, профильных СМИ, и можно предположить, это представители наиболее крупных и заинтересованных организаций, которые проявили интерес к проекту «Коммуникационной лаборатории»), распределились следующим образом: 23 % – да, но это непрофильные сотрудники, которые занимаются коммуникациями по совместительству с основными обязанностями, 7 % – да, причем каждый отдел занимается этим самостоятельно, 30 % – да, этим занимается группа специалистов (PR-департамент / пресс-служба), 21 % – да, этим занимается отдельный специалист (PR-менеджер / пресс-секретарь, 19 % – нет, внешними коммуникациями никто специально не занимается или ничего об этом не знаю. Причем большинство были уверены, что внешние коммуникации лучше развиты у образовательных организаций.

Проанализировав представленные в «Исследовании коммуникационных практик научно-образовательных организаций РФ» [Там же,

с. 22–23] 23 ответа о ключевых проблемах внешних коммуникаций научно-образовательных организаций, можно обозначить основные проблемы: 1) отсутствие систематизации информации внутри организации: отсутствие точек генерации информации в самих НИИ, неуважительное отношение к пресс-службе, нет поддержки руководства (проблема прозвучала в 9 ответах), 2) отсутствие привычки: закрытость научного сообщества, отсутствие культуры информационной открытости со стороны экспертов (8 ответов), 3) «непонятный язык ученых» (5 ответов), 4) нехватка кадров (2 ответа), 5) нехватка времени: оно необходимо, чтобы качественно представить сложную информацию (2 ответа), 6) неумение «сделать науку захватывающей историей» (1 ответ)³.

И наконец период с 2013-го по конец 2021 г. можно отметить как период активной профессионализации научных коммуникаций: развития профессионального сообщества, формирования и укрепления профессиональной идентичности. Здесь мы несколько расходимся с периодизацией, приведенной А. Борисовой и Д. Мальковым [Broks, 2020, р. 725–737], поскольку они разделяют этот период на два: 2011–2016 («The empire strikes back», речь идет о возвращении интереса со стороны образовательных и научных организаций к представлению себя в медиатизированном и публичном пространстве) и 2016–2020 («Raising the bar on professionalism»). Сами научные коммуникаторы отмечают значительную разницу между состоянием сферы в конце 2000-х гг. и десятилетием спустя (см., например, вторую цитату на с. 181). Или еще одно воспоминание: «Я пришла работать в крупную региональную научную организацию в 2009 г., и в то время мы хорошо чувствовали дефицит этой повестки: хороший пресс-релиз о предстоящей конференции “заходил” как настоящая научная новость, ее публиковали довольно многие СМИ. К 2021-му году даже региональные СМИ стали гораздо более избирательными».

Более или менее значительный интерес к сфере научных коммуникаций со стороны НИИ и вузов возник после 2013 г. Этот период ознаменовался целым рядом инициатив, которые оказали влияние на качественный и количественный рост профессиональной области.

Во-первых, программа «5-100-2020», когда необходимость представленности на международной арене побудила пресс-службы вузов

³ Любопытно, что еще в «Бодмер репорт», написанном представителем научного сообщества, говорится, что масс-медиа следует уделять больше внимания тому, чтобы представить науку и научное развитие как человеческую деятельность, используя биографические и драматические подходы [Public understanding, 1985, с. 22].

начать вытаскивать в публичную плоскость успехи своих ученых, чтобы сообщать о них на сайте и в СМИ, переводить материалы на английский язык, чтобы затем рассчитывать на иностранных абитуриентов и внимание к проводимым исследованиям.

Во-вторых, это связано с трансформациями в медиасистеме, когда началось закрытие ряда «традиционных» СМИ и активное развитие специализированных медиапроектов, ориентированных на интернет (например, N+1 запущен в 2015 г., «Кот Шредингера» – в 2014-м, NakedScience – в 2013-м, ПостНаука – в 2012-м), а также с осознанием, что brand-media (сайты, каналы и сообщества в социальных сетях, которые ведет и наполняет контентом сама организация) неплохо выполняют функцию оповещения общественности о ведущихся научных разработках и полученных результатах, минуя такое звено, как внешний по отношению к организации журналист.

В-третьих, реформа РАН и создание в этом же, 2013-м, году Российского научного фонда стимулировало конкурентность при получении научного финансирования, необходимость отчитываться в том числе публикациями в неспециализированных СМИ, а не только в научных журналах. Да и в целом, если в 2000 г. из бюджета РФ на гражданские научные исследования было выделено 17 млрд руб., то в 2014 г. – 366 млрд руб. [Исследование коммуникационных практик, 2014, с. 35].

В-четвертых, уже упоминавшиеся проекты ОАО «Российская венчурная компания» (РВК), которая в 2014 г. в рамках инициативы «Повышение информационной прозрачности инновационно-венчурного рынка» запустила проект «Повышение коммуникационных компетенций научных и образовательных организаций («Коммуникационная лаборатория»)), основными целями которого стали: преодолеть информационный разрыв и организовать эффективное взаимодействие между российским научным сообществом, бизнесом и СМИ; стимулировать создание нового класса специалистов – научных коммуникаторов [Юдина, Вахрамеева, Федотова, 2019, с. 96].

В-пятых, развитие образовательных курсов и отдельных магистерских образовательных программ в вузах. В 2013 г. была запущена магистерская программа «Высшая школа научной журналистики» в МГИМО (был набор в 2014 и 2015-м гг., после этого программу закрыли), «Научная журналистика и коммуникации» в МГУ, в 2014-м – магистерская программа «Научно-популярная журналистика» в СПбГУ (набор раз в два года), в том же году – «Научные коммуникации» в Университете ИТМО. Одна из серьезных проблем, с которыми

столкнулись магистерские программы в рамках направления подготовки «Журналистика» – значительная фрагментация и разнообразие самого поля научных знаний, при том что у гуманитарных программ высшего образования наблюдается серьезный дефицит научных знаний [Balashova, 2016, p. 1439].

К 2022 г. магистерские программы интересующей нас направленности остались только в ИТМО, СПбГУ и МГУ (но в этом вузе будет программа в конкретном году или нет, зависит от того, сколько будет желающих). Магистранты научной коммуникации в ИТМО (направление подготовки 27.04.05 «Инноватика») изучают коммуникацию в научно-исследовательских организациях, научную журналистику, аудиовизуальные коммуникации, работу в музеях и центрах науки, научную визуализацию и иллюстрацию, научную политику, работу в научно-популярных проектах, создание научных выставок и организацию научно-популярных лекций и мероприятий. «Эти направления и являются содержанием научной коммуникации как профессиональной дисциплины» [Неустроева, 2018, с. 7]. Разовые школы научных коммуникаций или курсы проводились в этот период в Университете ИТМО, УрФУ, НИУ ВШЭ, МФТИ, НИТУ МИСИС, КФУ, МГУ, НГУ, СПбГУ, МИФИ, СФУ.

И, наконец, в-шестых, создание в 2016 г. Ассоциации коммуникаторов в сфере образования и науки. Начавшись с пяти учредителей, к 2020 г. она выросла до 200 человек [Brocks, 2020, p. 735], представитель как PIOs, так и научных журналистов. С 2014 по 2017 г. были изданы три сборника лучших практик по научным коммуникациям «Формула научного PR», с 2017 г. присуждено пять премий «Коммуникационная лаборатория» АКСОН (подробнее о премии и ее обладателях см. [Сидорова, 2022, с. 50–58]). Вручение премии проходило на ежегодном Форуме «SciComm» на площадке организации, получившей гран-при в предыдущем году.

Некоторые итоги сферы научных коммуникаций в этом, самом ярком периоде их развития в России, приведены в «Динамике развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг.» [Динамика развития отрасли, 2017, с. 4]: суммарное количество новостей по тематике науки и образования с 2013 по 2017 г. выросло на 24 %, доля оригинального контента по тематике науки и образования выросла на 21 % и в 2017 г. составила 77 % от общего количества новостных сообщений, доля публикаций, посвященных точным наукам (в противовес образованию) выросла на 22 % и составила к 2017 г. 28 % от суммарного количества новостных сообщений о науке и образовании. Правда, здесь же отмечается, что, несмотря на позитивную динамику,

НИИ значительно отстают в отношении продвижения научной повестки от университетов, хотя ими тоже предпринимаются шаги к разнообразию форматов научной коммуникации [Там же, с. 10].

С. Л. Неустроева, опираясь на выделенные Б. Тренчем (2010) критерии «академической дисциплины», проанализировала научные коммуникации на этот предмет. «Можно отметить соответствие области НК большинству критериев. Наличие теоретических работ и исследований с определенной терминологией сферы НК, специализированных журналов по данной тематике и публикаций в научных изданиях, формирование сообщества исследователей, международный охват – критерии, которым область НК соответствует» [Неустроева, 2018, с. 8–9].

В программных документах АКСОН, как и самом названии ассоциации, в исследованиях РВК появляется название «научный коммуникатор», которое затем закрепляется в официальном, профессиональном и неформальном дискурсе Форумов, на которых объявляются победители премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН.

«Направление “научная коммуникация” в России в последние годы заметно развивается, хотя и неравномерно. Наиболее высокие темпы характерны для ведущих вузов страны, входящих в первую сотню национальных рейтингов» [Дымова, 2018, с. 5]. Самую профессиональную область к 2019 г. можно считать сформировавшейся, а понятие – прижившимся. И именно выражение «научный коммуникатор» начинает использоваться как собирательное для деятельности на стыке науки, пиара или научной журналистики (см., например, «Почему...», [Заdereев, 2018]).

«НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ» В РЯДУ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ: РЕФЛЕКСИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Чтобы понять, какое содержание и смыслы вкладывает в понятие «научные коммуникации» профессиональное сообщество, а также выяснить, почему было выбрано, а главное, закрепилось именно понятие «научные коммуникации» (в отличие от научной журналистики, научного пиара, научной популяризации, пропаганды научных знаний, просвещения и т. п.)⁴, мы провели полуструктурированные интервью с учредителями и членами правления (первого и последнего) АКСОН.

⁴ В том, что оно закрепилось, и не только в публичной, но и в неформальной речи, автор статьи убедилась на Всероссийском форуме «SciComm Сибирь», который прошел в ТГУ 23–24 июня 2022 г.

Всего было проведено семь интервью. Представим основные тематические доминанты ответов.

1. Чтобы связь между наукой и обществом работала, должны быть системные игроки, которые за плату (не волонтерство, не призывание, а именно как работу) осуществляли связь между научными организациями и медиа. Причем сами они должны работать не на стороне медиа (научная журналистика была и так), а это новая профессия, которая неустойчивую конструкцию «если ученый хочет общаться с журналистами, то пусть общается, а если не хочет, то пусть не общается» делает устойчивой. Это мостик между миром ученых и миром массовой аудитории.

2. Ориентация на международные термины и стандарты. Международная практика такова, что пиар работа в научных организациях называется научной коммуникацией (science communication) и противопоставляется академическим коммуникациям (scientific communication). Тем не менее понятие «научные коммуникации» не просто заимствованы из английского языка, а и подверглись некоторым трансформациям: во-первых, более правильным был бы перевод «коммуникация о науке» (потому что в исходном определении «научная» – это не прилагательное, не характеристика, а объект), во-вторых, был долгий спор о том, как правильно «научные коммуникации» или «научная коммуникация». С лингвистической точки зрения все-таки «коммуникаций» не может быть много. Однако прижилась именно форма «научные коммуникации», как бы намекающая на то, что внутри этого понятия есть много вариаций, форматов и форм.

3. Новой сфере было важно дать не только имя, но и идентичность, набор ценностей и посыл, как эту деятельность правильно выстроить. «Нельзя заставить людей использовать какое-то понятие, можно выбрать понятие так, чтобы его было удобно использовать, чтобы оно “село” на существующую деятельность». Во всех остальных упомянутых выше понятиях такой посыл тоже есть: он заключается в односторонней направленности. Рассмотрим пояснения, которые звучали в вопросе для интервью чуть подробнее. «Когда речь идет о пиаре, то все понимают, что есть заинтересованная сторона: образовательная организация, научный институт или персонально ученый. Когда говорят о научной журналистике – то говорят о тех, кто действует в интересах своего СМИ. То есть фокус в этой деятельности смещается на одного актора. А научные коммуникации охватывает все виды акторов: журналисты, сотрудники организаций, просветители и популяризаторы и их всевозможные аудитории». «Думая

над названием, мы отвечали на внутренний вопрос: можно ли объединиться по этому принципу в сообщество? Можно ли этому обучаться?»

4. Научные коммуникации – зонтичный термин. Коммуникации – более широкое понятие, чем PR или журналистика, поэтому это слово было выбрано для объединения в один термин и научной журналистики, и популяризации науки (мероприятия, музеи и центры науки), и взаимодействия с лицами, принимающими решения (например, в госорганах), и научного пиара в научных и образовательных организациях и пр. «Популяризация – это что-то про хобби и публичные лекции, ею занимаются специалисты по велению души, как волонтерство, как призвание. А мы говорили про новую профессиональную область». «Многие люди внутри этой большой деятельности (пресс-секретари, дизайнеры) вполне могли сказать “я сам науку не популяризирую”. К тому же хотелось отстроиться от советских форматов, когда это было общественной нагрузкой и исходило из концепции “башни из слоновой кости”, когда ученые снисходят до просвещения неразумных профанов». Нужно было то, что уравнивает всех участников». «Пиар тоже не подходил. Это вообще очень неудобный термин для массового интеллектуального, ученого сообщества. Я сама из научной среды, и я чувствовала, что к слову “пиар” предвзятое отношение, оно воспринималось как новояз: “черные/белые технологии”». «Связи с общественностью в научных организациях тоже должны быть, но это немного другая функция, это рассказ про то, не загрязняет ли организация воду, как относится к сотрудникам, почему студент покончил с собой или что-то там был за пожар в здании, а научная коммуникация – это другая тема, основанная на экспертизе и понимании как сама наука устроена, как выдвигаются гипотезы, проверяются эмпирические данные и т. п.». «Научная журналистика тоже не подходила, потому что с точки зрения тех, кто в ней работает, они вовсе не популяризируют науку, они больше *watchdog*, а не *cheerleader*, они задают вопросы науке, и часто неудобные. И на самом деле некоторые журналисты до сих пор не любят, когда их относят к научным коммуникаторам, потому что опасаются подмены понятия, снижения права на критический взгляд, объективности, выполнения надзорной функции для научного сообщества. Неправильно было использовать и слово “просветители”, потому что так сложилось, что просветители в России – это люди довольно жестких убеждений о правильном научном мировоззрении (например, считается, что ученый не может быть религиозным), а научная коммуникация – это про

объединение, а не про разъединение, про максимальную инклюзию как для аудитории, так и для самих ученых. Хотелось нейтральный, уникальный термин».

Необходимую «точку кристаллизации профессии», академичное звучание, возможность называть так не только профессиональную деятельность, но и профессиональное образование, причем вписанное в международную образовательную среду, давало именно «научные коммуникации».

5. Диффузность границ внутри общего поля профессиональной деятельности. Из интервью: «В этой сфере часто перепрыгивают: был научный журналист – ушел работать в пресс-службу – из нее вернулся в СМИ, но редактором». «"Научный коммуникатор" может работать и в музее, и в университете, и в институте, и в правительстве, и быть фрилансером». «Научная журналистика хорошо знакома с советских времен, в пиар было "вбухано" много денег, в основном через программу 5-100, а вот например, музеи и центры популяризации науки в середине 2010-х развиты были слабо. Тем не менее в научные коммуникации входили и они».

Научные коммуникации в России: новый этап

Объявление о самороспуске ассоциации в июле 2022 г. породило в телеграм-канале «SciComm Russia», доступ в который по ссылке передают друг другу те, кто работает в этой сфере, волну обсуждения, зачем ассоциация была нужна, чем она пригодилась. Анализ развернутых ответов позволяет выделить три ключевых обоснования. Во-первых, во всех ответах звучит тема «чувствовать себя частью комьюнити» (люди как впрямую пишут о создании мощного комьюнити, так и используют выражения «выстраивать нужные связи», отмечают представившуюся возможность общаться с коллегами из разных мест всей страны и с работающими с этой сфере «с разных сторон»). Сюда же отнесем отдельное упоминание в некоторых ответах сети неформальных связей, потому что «уже стали друг для друга большим, чем просто коллеги по цеху». На втором месте – образовательная функция ассоциации, возможность сверить часы, держать руку на пульсе изменений, происходящих в отрасли по всему миру, возможность задавать профессиональные вопросы, формальный аспект премий и образовательных проектов, который дает возможность расти как специалист, познавать новое: «после того, как пришла в Аксон, появилось ощущение, что мы не одни во всей вселенной и есть у кого поучиться, вы все нас здорово заряжали на новые идеи». На третьем месте – принадлежность

к ассоциации как к официальной структуре, «индальгенция, с которой можно идти к начальству», потому что в академической среде «проще воспринимают что-то официальное».

Между тем последняя председатель АКСОН Ольга Добровидова, сообщая о самоликвидации организации в телеграм-канале, подчеркнула: «Я уверена, что это сильное и самостоятельное сообщество обязательно найдет новые формы и инструменты общения и взаимодействия – именно потому что с помощью ассоциации ему удалось вырасти в сложную и прекрасную структуру, которая давно уже больше, чем любое конкретное юридическое лицо».

И действительно, взаимодействие в телеграм-канале научных коммуникаторов продолжается, в день туда поступает 1–3 обращения. Например, последние из них: помощь в поиске контактов нейробиологов, которые занимаются изучением работы мозга школьников/подростков, обсуждение с представителем РНФ, какие новости о работах грантодержателей можно и нужно присылать им для публикации на сайте, и довольно длинное и живое обсуждение о том, нужен ли на сайте научного института раздел «СМИ о нас» (в частности, выяснилось, что это не только приятно СМИ, потому что дает им небольшой трафик, и журналистам, потому что они видят, что их материал был оценен НИИ, но и существенное подспорье для журналистов в поиске спикеров, именно там они видят «кто от организации говорит с другими журналистами, о чем и как»). На начало августа 2022 г. в телеграм-канале состояло 196 человек, за последние две недели июля в него добавилось семь человек.

Выводы

Таким образом, мы определили научные коммуникации, в отличие от академических коммуникаций, как целенаправленные действия, направленные на передачу научных знаний, результатов научных исследований аудитории, которую составляют неспециалисты в этой научной области. Саму профессиональную область к 2019 г. можно считать сформировавшейся в России, а понятие – прижившимся. И именно выражение «научный коммуникатор» начинает использоваться как собирательное для деятельности на стыке науки, пиара или научной журналистики в официальных выступлениях и в неформальном общении.

«Многое говорит об устоявшемся интересе к НК: консолидация сообщества научных коммуникаторов и ученых, появление академи-

ческих образовательных программ, первые научные конференции, проводимые исследования в сфере научной коммуникации, отражение вопросов сферы НК в национальных программах и политике на уровне правительства» [Неустроева, 2018, с. 9]. Пройдя ряд этапов в своем становлении, самым ярким из которых стал период 2013–2021 гг., эта профессиональная область наиболее значимым образом стала выкристаллизовываться вокруг мероприятий, проводившихся Ассоциацией коммуникаторов в сфере образования и науки, учредители и самые активные члены которой и привнесли свое видение и идеологическое, ценностное наполнение этой сферы деятельности.

Несмотря на то что такой должности, как «научный коммуникатор», в России не существует (как и должность «журналист», она не представлена в официальных классификаторах, перечнях должностей), наиболее важным основанием для конструирования профессиональных объединений является профессиональный этос [Мартьянова, 2013, с. 137], создающий основания для профессиональной идентичности и тесно связанный с профессиональной культурой (см., например, [Сосновская, 2005; Нигматуллина, 2021]). Российские научные коммуникации концептуализировались под сильным влиянием международной традиции и не могли не впитать идеологические установки «диффузионистской» концепции об основных акторах, каналах и процессах в этой деятельности, также как и идеологию общественного понимания науки.

На новом этапе развития, наступающем после самороспуска АКСОН в июле 2022 г., у научных коммуникаторов, благодаря социальным медиа, сохраняется высокая вовлеченность в профессиональное общение и ощущение сложившейся общности. Трудно предсказывать траекторию ее дальнейшего развития, однако, учитывая результаты, приведенные в последнем отчете проекта «Коммуникационная лаборатория» [Динамика развития отрасли, 2017, с. 10] о трудностях НИИ с продвижением научной повестки в медиа (а трудности часто являются и точками приложения усилий, перспективами), есть все основания надеяться, что эта работа будет усилена и перед научными коммуникаторами будет стоять еще много интересных задач. Тем более что 2022–2031 гг. объявлены Десятилетием науки и технологий, и привлечение ученых к решению наиболее актуальных стратегических задач государства, а значит и доступное информирование неэкспертной аудитории о достижениях российской науки, является в этом контексте важной целью.

Литература

- Балыхин М. Г., Косычева М. А.** Обзор предметного поля как жанр научной коммуникации // Health, Food & Biotechnology. 2020. № 1. С. 7–10.
- Бурдье П.** О телевидении и журналистике / отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
- Волкова А. В.** Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования, 2019. № 1. С. 41–50.
- Головкин Н. В., Рузанкина Е. А., Зиневич О. В.** «Третья миссия» университета и проект общественного понимания науки: доклад Бодмера // Философия образования. 2014. № 6. С. 77–93.
- Дивеева Н. В.** Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 186 с.
- Динамика развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг. / Ежегодное исследование проекта «Коммуникационная лаборатория». РВК, ИТМО. 2017.
- Дымова И. А.** К анализу основных трендов в популяризации науки на современном этапе // Вестник ЦЭМИ РАН. 2018. Вып. 2. С. 1–6.
- Задереев Е.** Почему научные коммуникации убивают науку и как они могут ее спасти // metkere.com: Альманах эпохи гипертекста. 2018. URL: <https://metkere.com/2018/04/savescience.html> (дата обращения 10.06.2022).
- Замощанский И. Н., Коначкова А. М., Красавин И. В., Пырьянова О. А.** Научные коммуникации: ученый в современном обществе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки, 2016. № 1 (149). С. 30–41.
- Иванова В. И., Тивьяева И. В., Евсина М. В.** Англоязычная научная коммуникация как инструмент презентации результатов исследований // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 583–589.
- Исследование коммуникационных практик научно-образовательных организаций РФ / Ежегодное исследование проекта «Коммуникационная лаборатория». РВК, SPN. 2014. 52 с. (краткая версия), 434 с. (полная версия)
- Лихачев С. В.** Основы научной коммуникации (для студентов-бакалавров, обучающихся по педагогическим специальностям), М.: Экон-Информ, 2018. 134 с.
- Макарова Е. Е.** Научно-популярные сайты в системе СМИ: типологические и профильные особенности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
- Мартыанова Н. А.** Конструирование профессиональных объединений: от профессиональных групп к экспертным сообществам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 136–140.
- Медведева С. М.** От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО. 2014. № 4 (37). С. 278–286.

- Медведева С. М., Литвак Н. В.** От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Социально-психологические проблемы популяризации науки в России и за рубежом: сб. науч. статей / под ред. С. М. Медведевой. М.: МГТИМО Университет, 2017. С. 29–48.
- Неустроева С. Л.** Научная коммуникация: глобальный тренд или новая академическая дисциплина? // Социальное пространство. 2018. С. 1–10.
- Нигматуллина К.** Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетей, 2021. 286 с.
- Никулина М. А.** Эволюция научно-популярного издания в советскую, «пост-перестроечную» и современную эпоху (на примере журнала «Наука и жизнь») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-1. С. 178–187.
- Савченко А. П.** Открытое информационное пространство научной коммуникации как фактор развития экономики знаний в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 1. С. 129–135.
- Сафонова А. С.** Научные коммуникации в России: проблемы и перспективы // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 430–435.
- Сидорова Е. А.** Лидеры научных коммуникаций сквозь призму премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, №. 6. С. 50–58.
- Сосновская А. М.** Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, 2005. 248 с.
- Тертычный А. А.** Научно-популярные СМИ: основные направления исследования // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (20–22 октября 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 291–301.
- Тихонова Е. В., Раицкая Л. К.** Рецензирование как инструмент обеспечения эффективной научной коммуникации: традиции и инновации // Научный редактор и издатель. 2021. Т. 6, №. 1. С. 6–17.
- Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект. С. А. Лебедев, 2004. Режим доступа: <https://goo.su/oVwbRX2> (дата обращения 10.07.2022).
- Шибаршина С. В.** Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена // Социология науки и технологий. 2019. № 2. С. 75–92.
- Шипман М.** Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов. М.: Альпина Диджитал, 2015.
- Юдина И. Г., Вахрамеева З. В., Федотова О. А.** К вопросу изучения научной новостной информации (обзор отечественных публикаций) // Информационное общество. 2019. №. 1–2. С. 92–100.
- Balashova Y. B.** Interdisciplinary Format of the New Master's Program "Popular Science Journalism" at Saint Petersburg State University (Russia). *American Journal of Applied Sciences*, 2016, 13 (12): 1437–1441.

- Broks P. et al.** Communicating science: a global perspective. ANU Press, 2020.
- Burns T. W.** Science communication: a contemporary definition. In: *Burns T. W., O'Connor D. J., Stocklmayer S. M.* Public understanding of science. 2003, vol. 12, no. 2, p. 183–202.
- Handbook of public communication of science and technology / ed. by Massimiano Bucchi and Brian Trench. USA, Canada, Routledge, 2008.
- Public understanding of science. *Report of a Royal Society ad hoc Group endorsed by the Council of the Royal Society*, 1985. URL: <https://hsrc.ac.za/uploads/pageContent/8733/Bodmer%20report%201985%20%5B1%5D.pdf> (accessed 12.06.2022).
- Short D. B.** The public understanding of science: 30 years of the Bodmer report. *School Science Review*, 2013, vol. 95, no. 350, p. 39–44.
- The handbook of science and technology studies / ed. by Ulrike Felt, Rayvon Fouché, Clark A. Miller, and Laurel Smith-Doerr. Cambridge, MA, The MIT Press, 2017.

Viktoriya E. Belenko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

SCIENCE COMMUNICATIONS AND COMMUNICATORS: CONCEPTUALIZATION AND BASIS FOR PROFESSIONAL IDENTITY IN RUSSIA

Abstract: Considering several definitions of “science communication”, the article defines it, unlike academic communication, as deliberate actions intended to channel scientific knowledge and results of research to a broad audience, which is not limited to scientists and specialists in a specific topic.

By 2019, the professional field in Russia as a concept and reality can be recognized as fully developed. Around this time, the expression “science communicator” became widely used in official speeches and informal communication as a collective term for activities in the field that existed at the intersection of science, PR, and journalism.

Russian science communications are conceptualized under the influence of the international tradition. They adopted some ideological principles of the “diffusionist theory” of the main actors, channels, and processes in this activity and the ideology of the Public Understanding of Science.

The article presents the main stages of the development of science communications in Russia for the last fifty years. The most significant of them is the period between 2013 and 2021, which the article considers in great detail. It characterizes the state of science communications at the beginning of this period and the successes achieved by 2020. At the current stage, started after

July 2022, science communicators, thanks to social media, retain a high involvement in professional communication and a sense of community.

The article shows that this professional area, in the most significant way, began to crystallize around the events held by the Association of Communicators in Education and Science. The association's founders and, at the same time, the most active members of it brought their vision, concepts, and values to this area of activity. Interviews with the founders and members of the association's board reveal the supporting semantic structures and meanings that formed the basis of "science communication" in Russia and reasons why other concepts, perhaps more familiar to the native language (such as "popularization of science" and "science journalism") were rejected for the name of a new professional field.

Keywords: *science communication, public understanding of science, science communicator.*

Наталья Дек-хеновна Ким

*Ташкентский государственный
университет востоковедения
Ташкент, Республика Узбекистан
kimnd@mail.ru*

РАЗВИТИЕ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В настоящее время с развитием тесного сотрудничества Республики Узбекистан и Республики Корея во всех отраслях экономики, культурного обмена, обмена опытом в области информационных технологий повышается интерес к изучению корейского языка. Изменения в системе образования, активное внедрение педагогических технологий в обучении языкам способствуют углублению научных исследований по корейскому языку в различных направлениях. Язык как социальное явление подвергается постоянным изменениям, требующим пересмотра аспектов изучения. Существование корейского языка в условиях двуязычия в Узбекистане требует глубинного анализа его особенностей и особенностей его функционирования. В настоящее время складывается тесная связь преподавания языка в рамках межкультурной коммуникации, которая не нуждается в пространных разъяснениях. В современных условиях для удовлетворения социально-исторических, образовательных потребностей проводятся разного рода исследования языка и языковых явлений. Насущными вопросами этих исследований стали проблемы изучения языка в плане использования его в разных сферах жизни общества: в науке, технике, экономике, культуре.

Ключевые слова: лингвистика, корееведение, проблемы языка, общество, грамматика, корейский язык, культура, коммуникация

Благодарности: Информация, изложенная в статье, подготовлена на материалах библиотечного фонда Ташкентского государственного университета востоковедения.

В настоящее время развитие корееведения в странах Центральной Азии, в частности в Узбекистане, привлекает большое внимание исследователей. Развитие корееведения в Узбекистане наблюдается во всех направлениях, особенно в корейской лингвистике. Кроме изучения языка, в последние годы особое внимание уделяется изданию

и учебно-методической литературы: издано большое количество учебных и научных изданий по корейскому языку и языкознанию, во многих государственных и международных высших учебных заведениях открываются отделения и кафедры теории и практики корейского языка. Современный корейский язык приобретает популярность: он входит в число изучаемых иностранных языков во многих школах Узбекистана. Причиной такого развития, наряду с экономическими контактами, является языковая ситуация в Республике Корея и в Республике Узбекистан. Близость двух языков – корейского и узбекского – на уровне генеалогии показывает, что результаты научных исследований могут стать важными решениями в лингвистической науке в целом. Другое обстоятельство языковых явлений – это наличие диалекта корейской диаспоры, проживающей на территории Узбекистана. Уникальность диалектных форм не может не привлечь внимания исследователей.

Тесное сотрудничество Республики Корея и Республики Узбекистан во всех отраслях экономики, культуры, образования, активное и динамичное развитие двусторонних отношений в социально-общественной сфере способствуют и развитию научно-исследовательского контакта, обмену опытом, результатами и выводами исследований. Несомненно, что популярность образования и происходящие на сегодняшний день изменения в республике связаны с коренным пересмотром значимости и уровня научно-исследовательской деятельности в подготовке высококвалифицированных кадров. Примером служат многие высшие учебные заведения, и одно из таких учреждений – Ташкентский государственный институт востоковедения (далее – ТашГИВ, в настоящее время Ташкентский государственный университет востоковедения, далее – ТГУВ), образованный на базе восточного факультета Ташкентского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека).

С момента основания кафедры корейской филологии в ТГУВ проводится широкомасштабная работа, в частности подготовка по направлениям образования бакалавриата и специальностям магистратуры, создание и обновление учебных программ, внедрение новых специальных дисциплин, работа с академическими лицами и т. д. В настоящее время подготовлены свыше 120 магистров по специальности «Лингвистика» и «Литературоведение», каждый год выпускаются свыше 60 бакалавров по направлению образования «Филология и обучение языкам (корейский язык)» и др. И среди такого большого объема работы особого внимания заслуживает научно-исследова-

тельская работа в лингвистическом направлении. За годы независимости подготовлены и защищены две докторские диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук DSc (У. Т. Сайдазимова (2018), Н. Д. Ким (2018)); диссертации на соискание степени доктора философии PhD О. А. Ким (2011), Л. А. Пан (2011), Т. С. Ким (2018), Г. Д. Юнсова (2020), Д. Аширбаева (2023).

Диссертации в лингвистическом направлении посвящены различным темам исследования, в частности коммуникативному синтаксису корейского языка. Так, кандидатская диссертация Н. Д. Ким «Грамматическая и функционально-семантическая природа главных членов предложения в корейском языке» (2006 г., ТашГИВ, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, академик А. Рустамов) посвящена грамматической и функционально-семантической природе главных членов предложения в корейском языке. Актуальность исследования заключается также в изучении особенностей семантической природы синтаксических единиц в современном корейском языке, которые ранее практически пока не получили научного описания.

Диссертация Н. Д. Ким на соискание ученой степени доктора филологических наук DSc «Типы предложений по коммуникативной целеустановке в современном корейском языке» (2018 г., ТашГИВ, научный консультант – доктор филологических наук, профессор Н. С. Пак) посвящена вопросам синтаксиса и информативной полноты предложения. Научные исследования показали, что вопросы синтаксиса современного корейского языка решаются по-разному. В отличие от других уровней языка, синтаксис непосредственно соотносится с процессом коммуникации, поэтому в учебных программах при изучении этой темы естественным образом должен преобладать коммуникативный аспект изучения языка. В этом случае специфика синтаксиса корейского языка должна получать обоснование как реальное явление и как научный объект, и этим же должна определяться необходимость в едином функциональном критерии для всех синтаксических единиц, конструкций, средств. В синтаксических исследованиях следует учитывать специфику синтаксической функции части речи в корейском языке, которая состоит в семантических особенностях грамматических преобразований, форм и т. д. Огромное значение имеют научные исследования корейских ученых Со Жон Су, Нам Ги Сим, Го Ен Гын, Квон Джя Иль, Пак Ен Сун, Ем Сон Мо и др. (например, [Со Жон Су, 1996; Нам Ги Сим, Ко Ёнг Кын, 2004]). Системные описания грамматического строя современного корейского языка

получили свое отражение в работах зарубежных ученых – А. А. Холодовича, Г. Рамстедта, Ю. Н. Мазура, Л. Б. Никольского, Л. Р. Концевича, С. Е. Мартина и др. [Аникина, 2014, с. 8], особенностью которых является приоритет синхронических описаний, субъективного понимания структуры языка с учетом знаний, накопленных в процессе педагогической деятельности [Рудницкая, 2013, с. 10]. Известно, что каждый язык формирует у носителя определенный образ жизни, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка, что доказывается не только практикой преподавания, научными наблюдениями, но и трудностями, возникающими в межкультурном общении, при переводе с одного языка на другой. С этой точки зрения наиболее общим и по существу всеобъемлющим, структурным аспектом в языке считают синтаксис.

В традиционной лингвистике, когда говорят о синтаксисе, подразумевается, что наука о языке состоит из фонетики, лексики, грамматики, и синтаксис является частью последней наряду с морфологией. Однако в последнее время синтаксис как «синтаксис высказывания» противопоставляется фонетике, лексике, морфологии. К идее выдвижения «синтаксиса высказывания» на центральное место лингвисты подходили и со стороны проблем диалога и монолога. В настоящее время, например, учебные пособия, предлагаемые известными корейскими вузами для изучения корейского языка, акцентированы на диалогах или текстах с большими объемом диалога героев. Такой учебный материал не всегда компенсирует объем теоретических знаний изучающих корейский язык в высших учебных заведениях. Нужны исследования по всем разделам грамматики корейского языка, которые, по существу, и предполагают теоретические основы изучения корейского языка. Такой подход к исследованию оправдан тем, что языковая ситуация складывается таким образом, что происходящие языковые явления требуют объяснений.

Лингвистические исследования не только в Узбекистане, но и в Центральной Азии, можно сказать, находятся в стадии активного зарождения. Следует заметить, что появление интереса к Корее связано и с проживанием в этих регионах корейской диаспоры. В связи с этим в 2005 г. успешно защищена диссертация Дё Юн Хи «Языковая ситуация корейцев Узбекистана». Активная деятельность Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана способствует изучению диалекта корейской диаспоры в Узбекистане. Кандидатская диссертация О. А. Ким «Грамматические особенности падежных частиц корейского языка» (2011 г., ТашГИВ, научный руководитель – доктор

филологических наук, профессор К. П. Содиков) посвящена грамматическим особенностям падежных частиц в корейском языке. Исследование падежных частиц и общих проблем падежной системы корейского языка представлено в научных работах лингвистов Республики Кореи Ким Джеук, Ким Квихва, Ким Сынгкон, Пак Кидок, И Джухянг, Сонг Гвангсу, И Ик Соп, Нам Юнджин, Нам Гисим и др. В научных исследованиях этих лингвистов изложена классификация падежных частиц корейского языка с точки зрения их семантики и функциональности.

Кандидатская диссертация Л. А. Пан «Концептуализация этического норматива в корейской картине мира (на материале пословичных изречений с лексемой **ㅁ** – rap)» (2011 г., ТашГИВ, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Х. Исламджанова) выполнена в рамках направления, рассматривающего пословичное изречение как лингвокультурологическую единицу, то есть как текст, содержащий и передающий некие стереотипы языкового сознания. В этом аспекте актуальным представляется изучение пословичных изречений как феноменов сознания, отражающих культурные нормативы корейцев и, в частности, их этические стереотипы. Такой подход предполагает исследование семантики пословичных изречений в терминах языковой картины мира.

Диссертационная работа Т. С. Ким «Семантика противоположности и способы ее передачи в корейском языке» (2018 г., ТашГИВ, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор К. П. Содиков) посвящена антонимии в современном корейском языке. Цель исследования заключалась в определении лексико-семантической границы значения противоположности и способов ее передачи в современном корейском языке путем установления условий ее контекстной реализации. Объектом исследования стали лексические и синтаксические единицы с антонимичным значением, отобранные путем сплошной выборки из эссе корейских писателей Бобчон, И О Рен, Пак Хе Ран, Хан Ен Ун.

Диссертационная работа Г. Д. Юнусовой «Семантико-функциональные особенности вспомогательных глаголов в современном корейском языке» (на узбекском языке, 2020 г., ТашГУВ, научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Н. Д. Ким) посвящена изучению особенностей глаголов, имеющих дополнительную вспомогательную функцию, семантической классификации вспомогательных глаголов. Изучение вспомогательных глаголов в корейской

лингвистике было объектом исследования ряда ученых в начале XX в. В частности, вопросы вспомогательных признаков получили отражение в работах Ю Гил Жун, Чхве Кванг Ок, Ким Гью Шик, Ли Гю Банг, Ан Хвак, Ли Ван Инг, Чонг Гук Чхе и Пак Синг Бин, исследованы глаголы. Кроме того, по мнению автора диссертации, вспомогательные глаголы в исследованиях часто рассматриваются как дополнительные в категории аффиксов, а также как отдельный объект.

За последние два года подготовлены диссертации доктора филологии PhD Ш. Назарова (Самаркандский государственный институт иностранных языков), Д. Аширбаева (Ташкентский государственный университет востоковедения), Ф. Жуманиязова (Каракалпакский государственный университет им. Бердаха), посвященные сравнительному анализу узбекского и корейского языков, фонетическому строю корейского языка. Изучение в сравнительном плане двух языков особенно актуально, так как грамматический строй узбекского и корейского языков имеет больше сходств, нежели различий. Наряду с актуальными вопросами языкознания важной задачей является сопоставительное изучение родственных языков. Интерес к сопоставительному исследованию корейского и узбекского языков с целью выявления наиболее характерных сходств и различий в языковой структуре обусловлен и тем, что в последнее десятилетие в Узбекистане возросла роль изучения и обучения иностранным языкам, в том числе корейскому. Как известно, в лингвистической науке корейский и узбекский языки относят к алтайской языковой семье; корейский язык – к отдельным языкам Дальнего Востока, не входящим ни в какие группы, а узбекский язык – в группу тюркских языков. Сопоставление в каждом разделе грамматического строя языка, истории происхождения, развития языков указывает на необходимость поиска сходств и различий в узбекском и корейском языках.

Особый аспект изучения языка – лингвокультурология. Как известно, человек создает материальные и духовные предметы, нормы поведения, развивает умения и навыки, тем самым создавая себя. По сути, культура также создана человеком, а культурное окружение людей представляет собой специфический способ адаптации человека к физической и биологической среде существования, основывающийся на сознательной деятельности. Обычаи, традиции, общепринятые нормы поведения, необходимые для жизни и развития, передаются в каждом народе из поколения в поколение. Лингвокультурологические исследования также важны с учетом межкультурной коммуникации.

Использование языка в разных сферах жизни общества является актуальной задачей и представляет особый интерес у ученых Узбекистана.

Научные интересы исследователей проявились и в изучении языка и языковых явлений в коммуникативном аспекте, то есть устной речи. Нередко можно услышать, что «корейца поймешь, дослушав его до конца». Такой с виду несерьезный вывод наталкивает на интересные факты: действительно, важно обращать внимание на структуру высказывания. Так, использование сказуемого в конце предложения и агглютинативные изменения, происходящие в основе сказуемого, передают не только эмоциональное состояние говорящего, но и ситуацию, складывающуюся в момент разговора. К примеру, побудительные высказывания в современном корейском языке: побудительный характер корейского высказывания оформляется, прежде всего, интонацией, которая имеет множество разновидностей (в зависимости от того, что выражается в предложении: приказ или просьба, совет или призыв и т. п.) и грамматическими аффиксами. В побудительных предложениях подлежащим обычно является *мы*, включающее в себя и слушателя. Предложения такого рода не могут содержать в себе каких-либо глаголов с аффиксами будущего, настоящего, прошедшего времен *-am/-om-*, *-gem-* и т. д. Грамматическими средствами оформления побудительных предложений наряду с, как отмечено выше, побудительной интонацией выступают аффиксы *-чжа* (в некоторых случаях *-нцида/-ыпнцида*):

Оньль хе почжа. Гыриго сенъгакхя почжа.

(Перевод: *Давайте сегодня попробуем сделать и попробуем подумать.*)

Становление собственной школы синхронного и последовательного перевода показало, что также актуальны и востребованы исследования особенностей перевода с корейского языка на русский и узбекский языки и обратно. Известно, что полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника, а также полноценное функционально-стилистическое соответствие ему, или как зачастую отмечается, форма должна быть содержательна, а содержание должно быть оформлено. Здесь следует обратиться к вопросам «грамматического» перевода предложения на русский и узбекский языки. Перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических трансформаций, к которым, в первую очередь, следует отнести перестройку предложения (изменение

его структуры) и всевозможные замены – как синтаксического, так и морфологического порядка.

Как и в других языках, грамматический строй корейского языка отличается особым своеобразием, поэтому поиски соответствий, в отличие от лексических, в большинстве случаев весьма проблематичны. Между тем это не означает, что такие соответствия невозможны вообще, хотя обобщение способов передачи тех или иных грамматических явлений в научно-типологическом плане неизбежно. Рассмотрим случай, когда грамматическая категория падежа русского языка в корейском передается при помощи аффикса:

А) *На-нын тонсян-и итта. У меня есть младший брат* (досл.: Я имею младшего брата).

Б) *Ури-нын чидо-рыль катко итта. У нас карта* (досл.: Мы имеем карту).

В предложении А) производная форма *на-нын* образована с помощью аффикса *нын*, которая соответствует русской форме родительного падежа. Аналогично и в предложении Б) *ури-нын* в русском языке с формой «у нас».

Точность в передаче грамматических категорий нетипична, и вполне нормальными, неизбежными являются отступления от грамматической точности: *На-нын маым-е тын-да* ‘Мне (именно я) нравится’. Сравним: *На-еге маым-е тында*.

В вышеуказанном примере форма *нанын* не совпадает с русским *мне* (в форме дательного падежа), то есть *нанын* переводится как *именно я*. Если попытаться определить синтаксическую функцию данной формы (подлежащее, дополнение или какой-то другой член предложения), то данная форма скорее является подлежащим. Сложность перевода состоит и в порядке слов в предложении, который отличается тем, что предикативная часть должна находиться в его конце.

Другой трудностью перевода является сложная структура уважительной степени. Она считается одной из главных особенностей корейского языка и имеет как грамматическое, так и лексическое выражение. Если в русском языке мы наблюдаем лишь уважительный и неуважительный стили, то в современном корейском языке можно обнаружить, что уважительных стилей несколько, а их образование происходит совсем не однообразно. Преобразовать неуважительный стиль в уважительный можно изменив глагольное окончание или используя формообразующий суффикс. Подобные формы по своей

семантической природе не имеют полных эквивалентов в переводе на русский и узбекский языки. Отсюда и возникает проблема, когда говорящий, чтобы показать уважение к слушающему или к тому, о ком он упоминает в своей речи, иные слова, не может отразить это в переводе корректно. Приведем некоторые примеры форм-пар вежливого стиля:

Невежливая форма	Вежливая форма	Перевод
<i>Пап</i>	<i>Чинджи</i>	<i>Отваренный рис</i>
<i>Чип</i>	<i>Тяк</i>	<i>Дом</i>
<i>Мокта</i>	<i>Чансусида</i>	<i>Есть (принимать пищу)</i>
<i>Чукта</i>	<i>Торагада</i>	<i>Умирать</i>

Особый интерес представляет перевод и устойчивых фразеологических словосочетаний, которым присуще переносное значение. Следует учитывать и то, что сочетаемость слов в корейском языке, как правило, не совпадает сочетаемостью слов в русском языке. Поэтому перевод каждого слова, входящего в фразеологическое сочетание, зачастую невозможен, и в этом случае большое внимание должно быть уделено правильной передаче смысла всего сочетания в целом. Нередки случаи неточного, а порой совсем неправильного перевода, когда фразеологические сочетания принимаются за свободное словосочетание или наоборот. К примеру, как *'тоджабыль ччикта'*, в дословном переводе означает *'ставить печать'*, однако само по себе это сочетание означает *'разводиться'*. Другой пример – *'пари нэльта'* – буквально переводится как *'широкая нога'*, а целиком означает *'общительный человек; человек, у которого много знакомых'* и т. д.

При переводе корейских предложений на узбекский и русский языки затруднения возникают при интерпретации китайских устойчивых сочетаний, состоящих из китайских иероглифов. Даже после появления корейской письменности в корейском языке используются иероглифы и иероглифические значения, например: *Нам-нё-но-со – И стар и млад*. Ср.: *Нам – 'мужчина', нё – 'женщина', но – 'пожилой человек', со – 'молодежь, молодые люди'* и т. д.

Из вышеизложенного следует, что мысли, высказанные в течение многих столетий по проблемам перевода, чаще фокусировались на вопросе «переводимости» материала. Другими словами, адекватный

перевод является проблемой, которая до сих пор остается актуальной, нуждающейся в глубоком анализе.

Таким образом, актуальность вопросов корейского языкознания и языка в Узбекистане обоснована научной и практической значимостью исследования всех уровней и аспектов функционирования языка: словарного состава, что получает свое систематизированное выражение в лексикографической практике, грамматических и семантических признаков, когнитивно-коммуникативных, лингвокультурологических особенностей языка, особенностей перевода, а также его функционирования в различных условиях. Кроме того, нуждаются в изучении язык художественной литературы, научный текст, диалект, язык в социальных сетях, средствах массовой информации и многое другое.

Литература

- Аникина В. В.** Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 8–9.
- Рудницкая Е. Л.** Базовые синтаксические структуры корейского языка и его типологическое своеобразие. М., 2013. 48 с.
- Со Жон Су.** Грамматика родного языка. Сеул, Университет Ханянг, 1996. 1998 с.
- Нам Ги Сим, Ко Ёнг Кын.** Теория грамматики нормативного родного языка. Сеул: Издательство Тхапчиль, 2004. 264 с.

Natalya D. Kim

*Tashkent State University of Oriental Studies
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

DEVELOPMENT OF KOREAN STUDIES IN UZBEKISTAN: A REVIEW OF LINGUISTIC RESEARCH

Annotation: At present, with the development of close cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Korea in all sectors of the economy, cultural, and information technology exchange, interest in learning the Korean language is increasing. The reformation of the education system of the Republic of Uzbekistan and the active introduction of new advanced approaches to teaching languages contribute to the deepening of scientific research on the Korean language in various ways. Language as a social phenomenon is subject to constant changes, requiring a revision of study aspects. The existence of the Korean language in the context of bilingualism requires an in-depth analysis of the features and functioning of the language. There is a

tendency in Uzbekistan that the Korean language is taught as part of educational programs of intercultural communication. Under current circumstances, to meet socio-historical and educational needs, linguists from Uzbekistan carried out various kinds of studies on problems of learning the language from the perspective of different spheres of activities – science, technology, economics, and culture.

Keywords: *linguistics, Korean studies, language problems, society, grammar, Korean language, culture, communication.*

Acknowledgements: The information presented in the article was sourced from the collection of the library of the Tashkent State University of Oriental Studies.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азаркина Милана Александровна – кандидат педагогических наук, зав. отделом по направлению Востоковедение Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Базиленко Игорь Вадимович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Беленко Виктория Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Благовещенская Лариса Дмитриевна – кандидат искусствоведения, научный консультант Сибирского центра колокольного искусства Новосибирской митрополии (Новосибирск, Россия).

Букланов Андрей Дмитриевич – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

Войтишек Елена Эдмундовна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения, директор НОЦ «Прикладное и академическое востоковедение» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Гусева Елена Семеновна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Дмитриева Екатерина Евгеньевна – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

Жабинский Константин Анатольевич – старший преподаватель, библиограф Ростовской государственной консерватории имени С. В. Рахманинова (Ростов-на-Дону, Россия).

Зинченко Алина Витальевна – ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Ким Наталья Дек-еновна – доктор филологических наук, профессор кафедры корейской филологии Ташкентского государственного университета востоковедения (Ташкент, Республика Узбекистан).

Талашкин Алексей Владимирович – кандидат искусствоведения, руководитель Сибирского центра колокольного искусства Новосибирской митрополии (Новосибирск, Россия).

Тончук Полина Олеговна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры специального фортепиано Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (Новосибирск, Россия).

Тошбоев Фуркат Эшбоевич – PhD (история), доцент, заведующий кафедрой «История Узбекистана» Джизакского государственного педагогического университета (Джизак, Республика Узбекистан).

Филиппов Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой японоведения Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Хизриев Али Хизриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета (Махачкала, Россия).

Яо Сун – кандидат филологических наук директор агентства «Бочэнь» (Далянь, Китайская Народная Республика).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Тощбоев Ф. Э. Изучение истории миграционных процессов, происходивших в бронзовом веке древней Уструшаны.	5
Войтишек Е. Э., Зинченко А. В., Яо Сун. Перечень «Десять добродетелей благовоний» в буддийской традиции Китая и Японии.	10
Базиленко И. В. Посольство А. П. Волынского в Персию (Иран) накануне Персидского похода 1722–1723 гг.	31
Philippov A. V., Azarkina M. A. Japan in the middle of the 19 th century through the eyes of Russian traveler Ivan Goncharov (based to the library collections of the Oriental department, St.-Petersburg State University)	45
Букланов А. Д. Идеология исламского политического лидерства в контексте социально-экономического устройства халифата	59
Хизриев А. Х. Создание единого саудовского государства в контексте международных отношений 1920–1930-х годов.	66
Дацышен В. Г. Китайская Чанчуньская железная дорога – обойденное вниманием наследие КВЖД.	72
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. РАХМАНИНОВА	
Жабинский К. А. «Дело С. Рахманинова – Р. Пюньо»: факты и домыслы	81
Дмитриева Е. Е. Сенар С. Рахманинова и Грасс И. Бунина: русская усадебная жизнь, продолженная в эмиграции	105
Гусева Е. С. Восприятие музыки Львом Толстым в контексте его этико-эстетических взглядов на искусство	127
Тончук П. О. «Элегия» С. В. Рахманинова как отражение картины мира композитора	140
Благовещенская Л. Д., Талашкин А. В. Колокольность – черта стиля С. В. Рахманинова.	154

КОММУНИКАЦИЯ В НАУКЕ И ПЕДАГОГИКЕ

Беленко В. Е. Научные коммуникации и научные коммуникаторы: концептуализация понятия и основания для профессиональной идентичности	174
Ким Н. Д. Развитие корееведения в Узбекистане: обзор лингвистических исследований	195
Сведения об авторах	206

Научное издание

НАСЛЕДИЕ: КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, КОММУНИКАЦИЯ

IV Международный научный форум «Наследие»
(Новосибирск, 18 сентября – 18 ноября 2023 г.)

Сборник научных статей

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Эверта Кольера (Edwaert Collier) «Vanitas Still Life», 1662.
Владелец оригинала – The Metropolitan Museum of Art

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН

Корректор Н. Ф. Подопригора
Оригинал-макет И. В. Мелехов

Подписано в печать 20.11.2023.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 10,4. Усл. печ. л. 12,2.
Тираж 300 экз. Заказ 269.

Сибирское отделение РАН
630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
Тел. (383) 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru